

Евгений
КОКОВИН

Оскрелок

Евгений Коковин

ОСКОЛОК

**Проза и публицистика
о Великой Отечественной войне**

**Архангельск
2018**

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

К 59

Коковин, Евгений Степанович.

Осколок : проза и публицистика о Великой Отечественной войне / Е. С. Коковин ; авт. вступ. ст. Е. Ш. Галимова ; сост. : Е. Ш. Галимова, И. В. Перевозникова. – Архангельск, 2018. – с. 173 : ил., фото

Дизайн обложки К. В. Дмитриев

«С ФРОНТОВЫМ ПРИВЕТОМ...»

(Завещание военкора Евгения Коковина)

Произведения Евгения Степановича Коковина о Великой Отечественной войне, многие из которых созданы в военные годы, впервые объединены под одной обложкой. Не случайно эта книга появилась спустя семьдесят лет после Победы: видимо, именно в наши дни ощутима потребность в таком сборнике.

Книг и фильмов о Великой Отечественной и в двадцать первом веке появляется немало. Но пишут и снимают их уже люди не воевавшие, из поколения детей и внуков фронтовиков. И акцент зачастую делается на страшных или неприглядных сторонах войны. Пересмотреть сегодня пытаются всё: и причины, и ход, и результаты Второй мировой. Не удивительно поэтому, что у сегодняшних школьников складывается впечатление: солдаты не воевали бы, если бы не было заградотрядов; все поголовно дезертировали бы, если бы не боялись репрессий; победу обеспечили штрафные батальоны и безжалостность командования.

Недавно мне довелось посмотреть несколько видеосюжетов: старшеклассники расспрашивали фронтовиков и людей, чьё детство пришлось на годы войны. И среди вопросов были такие: «В начале войны наша армия терпела поражение, и говорят, что было много дезертиров, никто не хотел воевать. Это правда?». «Нет, – уверенно, спокойно и с достоинством отвечали им ветераны. – Если по какой-то уважительной причине молодого человека не брали на фронт, это считалось большим позором. Все стремились попасть в армию. У нашей соседки был единственный сын, муж её погиб на фронте. И сын имел право на отсрочку, раз он один у мамы. Но мать пришла вместе с ним в военкомат и попросила взять её сына в армию».

Но ведь представления о том, что воевать за Родину никто не хотел, что все стремились избежать отправки на фронт, возникли в головах у школьников не сами по себе: так в последние десятилетия в фильмах, книгах, СМИ, а то и на страницах учебников нередко подаётся – под видом разоблачительной «правды» – героическая и трагическая история Великой Отечественной войны.

Тенденция к разоблачению всего и вся как реакция на фальшь и ложь официальной идеологии советского времени, охватившая все стороны жизни в период «перестройки» (1985 – 1991), к сожалению, сохраняется и сегодня в своём самом упрощённом, примитивном виде – в виде бездоказательного очернительства.

Однако каждому человеку, ценящему историю своей страны, важно, чтобы эта история не искажалась, чтобы не искажались факты о войне, и не только о ходе больших сражений, но прежде всего о том, *как* воевали наши солдаты, *что* они думали и чувствовали. Мы словно бы стали забывать о героизме фронтовиков, стали сомневаться в искренности патриотического чувства советских солдат.

Но были люди, прошедшие эту войну и писавшие о ней – с передовой линии фронта, рассказывавшие о том, что сами видели и пережили. Всё знавшие не понаслышке. Их слово, их свидетельство бесценно. А в наши дни, когда силами, враждебными России, предпринимаются попытки и вовсе «переписать» всю историю войны, потребность в свидетельстве фронтовиков, в их слове, их правде многократно возрастает.

Конечно, и фронтовики, в том числе писатели-фронтовики, – люди разные, у каждого свой опыт и своя война, своё мировоззрение и свой характер. И для кого-то война – это только ужас, страдание и насилие, а для других – святой долг человека: защита Родины.

Повести и рассказы о войне Евгения Коковина просты и бесхитростны. Но это и хорошо, что они бесхитростны. Слишком много сейчас хитрости и лукавства, конъюнктурного переписывания истории войны, безудержного очернительства.

Прямота и простота – редкие гости в современном мире, и потому эти качества прозы Евгения Коковина особенно привлекают сегодня. Именно такие книги воспринимаются как своего рода противоядие от попыток свести поведение советского солдата на фронте к роли бесправного раба, выполняющего нелепые приказы бездарных командиров, а чувства солдата – к страху и боли. Конечно, и боль, и ужас, и страдание были в избытке. Но было и то, что превышало их, то, что подымало в атаку и побуждало на подвиг: безусловная, огромная, искренняя любовь к Отчизне и ко всему, что стоит за этим понятием: к родному дому и невесомому берёзовому листу, синенькому платочку и негасимому огоньку на девичьем окошке.

Не придумал, не сочинил это чувство поэт Сергей Наровчатов, написавший в 1941 году, наверное, лучшее своё стихотворение:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сел, казнённых городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И вороньё кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.
Крови своей, своим святыням верный,

Слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебѣя?

И не приказы командования, не партийная идеология диктовали в том же 1941-м такие строки Константину Симонову:

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

И не кривил душой Николай Рыленков, когда, обращаясь к Родине, писал в 1943 году: «Солнце жизни моей, Россия, / Укрепи на подвиг меня!».

Евгений Коковин в своих повестях, рассказах и очерках не показывает многие страшные стороны войны. Это общая черта литературы, создававшейся в военные и первые послевоенные годы. Конечно, в значительной мере это объясняется идеологическими установками того времени, партийно-государственным контролем над литературой и журналистикой. Но всё сводить только к этому было бы неправильно. Своим словом писатели искренне стремились укрепить веру в победу, помочь бойцам стойко переносить все трудности и лишения, воодушевить и вооружить терпением всех несущих на своих плечах тяготы войны.

...Когда началась Великая Отечественная война, Евгению Степановичу Коковину было 28 лет. Он уже был известен и как писатель, и как журналист, активно печатающийся в газетах и журналах. В 1939 году увидела свет его первая книга – сборник рассказов «Возвращение корабля». Была написана и сдана в Архангельское областное издательство и рукопись книги «Детство в Соломбале». Директор издательства посоветовал Коковину показать свою повесть в столице, и 22 июня 1941 года Евгений Степанович приехал в Москву.

Война оборвала все его творческие планы. Коковин срочно возвращается домой, в Архангельск, и вскоре отправляется на фронт.

Как и многие литераторы, Коковин в годы войны стал военным корреспондентом, сотрудником газеты Карельского фронта «Патриот Родины». В этой фронтовой газете, редакция которой сначала находилась в Петрозаводске, а после оккупации города осенью 1941 года перебазировалась

в Кемь, заметки, фельетоны и рассказы Евгения Коковина печатаются регулярно. Он пишет и о героизме советских солдат, и об армейских буднях, описывает солдатский ратный труд и короткие часы досуга, называет имена и фамилии командиров и рядовых воинов – пишет своего рода хронику, которая сегодня воспринимается как одна из страниц документальной истории Великой Отечественной войны.

В наши дни особую ценность приобретает всё, что было напечатано во фронтовых газетах, создавалось корреспондентами и писателями в разгар боевых действий и сразу после войны. В числе этих важных свидетельств – и фронтовые публикации Евгения Коковина.

Карельский фронт, войска которого защищали северные рубежи страны от Баренцева моря до Ладожского озера, был самым протяжённым – свыше полутора тысяч километров – фронтом Великой Отечественной. Он просуществовал дольше других фронтов – с августа 1941 по ноябрь 1944 года – и был единственным фронтом, на одном из полярных участков которого (в районе Мурманска) противник так и не сумел перейти Государственную границу СССР.

Спецификой Карельского фронта было и то, что только здесь для обеспечения войск использовались олени и собачьи упряжки. Не случайно одно из лучших своих произведений о войне – повесть «Вожак санитарной упряжки» – Евгений Коковин написал о том, как помогают людям на войне собаки.

Эта повесть, опубликованная в 1945 году, увлекала и воспитывала не одно поколение юных читателей. В ней есть всё, что необходимо хорошей детской книге: захватывающий, напряжённый сюжет, героический пафос, мужественные и верные герои – и люди, и преданные им собаки, торжество добра. И сегодняшним детям так же, как десятилетия назад их сверстникам, очень интересно читать о том, какими незаменимыми помощниками были зимой на фронте собачьи упряжки, на которых вывозили с поля боя раненых и доставляли артиллеристам боеприпасы.

В этой повести, как и в других произведениях о войне, вошедших в сборник, в полной мере проявилась такая характерная особенность прозы Евгения Коковина, как лаконичность, смысловая ёмкость каждой фразы, каждого слова. И это качество в сочетании с синтаксической чёткостью фраз, ясностью и простотой авторского повествования делает произведения писателя понятными и доступными даже самым юным, семи-восьмилетним читателям.

И повесть «Вожак санитарной упряжки», и написанную ранее, ещё в 1942 году, небольшую повесть «Гарнизон маленькой крепости» Коковин композиционно выстраивает как цепь отдельных ярких эпизодов, стремится не просто *рассказать*, но и *показать* происходящее. Не случайно так легко и охотно рисуют дети иллюстрации к рассказам и повестям писателя, в чём можно убедиться, ознакомившись с иллюстрациями к этому изданию.

И повести, и рассказы Евгения Коковина о войне написаны на реальном, документальном материале. И в то же время писатель стремился к обобщениям, к показу отдельных, конкретных событий не как единичных и

уникальных, а как типичных, распространённых. Так он показывал и фронтовые подвиги, и самоотверженность людей, оставшихся в тылу, прежде всего – солдаток, матерей и жён фронтовиков.

В сборник вошла лишь малая часть газетных заметок Евгения Коковина, опубликованных в годы войны. Эти газетные материалы не претендуют на такого рода обобщения, они описывали конкретную ситуацию, рассказывали о реальных людях, бойцах Красной армии, и призваны были, как и вся фронтовая печать в целом, прежде всего укреплять дух солдат, поддерживать в них веру в победу.

Произведения Евгения Коковина о войне и сегодня остаются, благодаря своим художественным достоинствам и чётким нравственным ориентирам, в числе лучших произведений, рассказывающих детям о том, каким невероятным ратным трудом, каким ежедневным героизмом всего народа была завоёвана Победа.

«Многие века живёт наш народ и много раз гнал он вражьи силы от своей земли. Будет и теперь так», – этими словами, которые пишет отец на фронт сыну, обращается к своему юному читателю и Евгений Коковин, завещая новым поколениям русских людей беречь и защищать Родину.

Елена Галимова

ГАРНИЗОН МАЛЕНЬКОЙ КРЕПОСТИ

*Памяти друга Николая Смиренникова, смертью храбрых
погибшего в боях с гитлеровскими захватчиками*

1

В узкую щель амбразуры виднелся кусочек полыхающего заревом далёкого неба. Стемнело, и вместе с темнотой на землю навалилась тяжёлая, необыкновенная тишина. После шестнадцати часов непрерывной канонады не верилось, что в мире может быть так тихо.

Три дня шли бои на подступах к городу. На четвёртые сутки в полдень немцы подтянули свежие силы. Их нажим перекачивался с одного участка на другой; фашисты боем нащупывали слабые места обороны. Но прорваться к городу немцам не удалось. Лишь в двух местах они потеснили передовую линию защитников города.

Вблизи от перекрёстка шоссе и железной дороги притаилось поспешно устроенное укрепление – долговременная огневая точка. Укрытая в земле, искусно замаскированная, она ничем не отличалась от естественных холмиков, едва возвышавшихся среди кустарников. Впереди раскинулось поле, и дальше начинался низкорослый лиственный лес.

Прошло несколько дней, как пулемётное отделение сержанта Усова получило приказ занять дот и вместе с другими гарнизонами укреплений защищать подступы к городу.

Последние орудийные выстрелы прогремели полчаса назад. Потом ещё долго и назойливо выстукивал очереди станковый пулемёт. Он был установлен где-то в стороне, почти на одной линии с дотом.

Как и обычно, с наступлением темноты на немецкой стороне затихло. Видимо, немцы перегруппировывали силы и отдыхали, чтобы с первыми проблесками утра снова ринуться вперёд.

– Бояться ночи, как чёрт ладана, – сказал сержант, присаживаясь у пулемёта.

– Не привыкли, – усмехнулся Калита, – ночью можно заблудиться...

– Это тактика, – заметил Петя Сеницын, прозванный военным теоретиком, – методичному наступлению ещё в восемнадцатом веке учил...

Калита махнул рукой.

– Барская тактика... тактика трусости.

Отблески зарева тускло играли на стене и мучили глаза. Кислый запах пороха нагонял дремоту. После долгого напряжения чувствовалась усталость.

– Ну что ж, отдыхать так отдыхать, – сказал сержант. – Товарищ Сибирко, вызывайте!

Полудремавший у телефонного аппарата Сибирко поднял голову и сразу заговорил монотонным, усталым голосом:

– Казань... Казань... я – Ростов... я – Ростов... Казань... чёрт, куда она запропастилась?... Казань, я – Ростов...

Сибирко вопросительно взглянул на сержанта.

– Вызывайте! – подтвердил приказание Усов.

– Казань... я – Ростов... Куда, куда ты удалилась? Весны моей...

– Сибирко, перестаньте, вызывайте по форме!

Сержант чувствовал: что-то случилось! Он был обеспокоен, но не показывал своей тревоги.

– Казань... я – Ростов, – надрывался Сибирко. – Отвечай, Казань... Отвечаете?! Ну вот, правильно. Спать нельзя, нехорошо. Что? Мы сами спим? Да, под такую музыку, пожалуй, уснёшь. Почему музыку к чёрту? Конечно, разница между «Риголетто» и пушечной пальбой...

– Вызовите к телефону семьдесят три! – перебил телефониста сержант.

– К телефону семьдесят три! У телефона? Товарищ сержант, семьдесят три у телефона!

Усов взял трубку, а Сибирко встал, потянулся и зевнул.

– Говорит комендант дота Усов, – рапортовал сержант. – Никаких изменений не произошло. Разрушений нет. Состояние всего гарнизона отличное. Всё в порядке! Противник пытался подрывать мины, но не был допущен...

Сержант замолчал, наклонился над аппаратом, прикрывая рукой микрофон. Он слушал долго и сосредоточенно. От бойцов не ускользнуло взволнованное выражение, на секунду появившееся на его лице. Он слушал и отвечал на вопросы.

– Боеприпасов хватит надолго... Продовольствия недостаточно. Сегодня ночью нам должны были подвезти... Есть экономить! Да-да... слушаю... понятно! Есть держаться! Сообщить гарнизону? Есть сообщить!..

Сержант положил трубку и повернулся к бойцам. Он стоял, сжав губы, выпрямившийся, серьёзный, чуть побледневший. Пробившиеся редкие щетинки поблескивали на подбородке; они старили сержанта, совсем ещё молодого человека. Он приподнял каску и сказал:

– Разбудите Анисимова и Горяева!

Было тихо в этом маленьком полуподземном помещении. Голос коменданта звучал глухо, необыкновенно. Все понимали: что-то случилось.

Через минуту комендант объявил своему маленькому гарнизону:

– Батальон отошёл на новые позиции. Соседнее укрепление разрушено. Наш дот окружён. Капитан Игнатов передал приказание командования – держаться! Приказываю: драться до конца. Патроны экономить. Анисимов, Горяев и Сеницын – ко мне. Остальные – спать до утра.

2

Ночь, как и вечер, проходила тихо. Но вся она была наполнена остро ощутимой пронзительной тревогой. В амбразурах всё ещё зловеще волновалось зарево далёких пожаров.

Комендант дота, низко склонив голову, сидел у телефона. Казалось, он спал. Но не до сна было молодому командиру. Он думал о том, как выполнить приказ командования. Как только наступит утро, немцы начнут

блокировку. Выдержит ли дот – эта маленькая крепость – осаду разъярённого врага?

В составе гарнизона, которым командовал Усов, двенадцать человек. Он всех их давно и превосходно знал, бойцов своего отделения. Лишь два бойца-сапёра и красноармеец Альянцев были приданы в тот день, когда отделение Усова заняло оборону в доте.

Ещё до войны начал командовать сержант Усов отделением пулемётчиков. Вначале новый командир не понравился бойцам. У него был беспокойный характер и необычайная страсть к армейским уставам. В роте шутили, говорили, что Усов может узнать из уставов всё, вплоть до того, как варить картошку и какую девушку выбрать для танца.

Но мало-помалу бойцы привыкли к новому командиру и вскоре полюбили его. Сержант Усов с закрытыми глазами мог собрать станковый пулемёт, а при стрельбе – восьмью пулями поражал все восемь мишеней – перебежчиков. На турнике он крутил «солнышко», вызывая восхищение лучших гимнастов полка. Когда Усов вёл своё отделение, можно было подумать, что он подаёт команду целому батальону.

Он учил своих бойцов трудному и почётному делу – воевать за родину, он учил их искусству побеждать. Иногда это требовало огромных усилий, настойчивости и терпения. Противника не было, а нужно ползти на животе, по-пластунски, рыть окопы, долгие часы в холод и в дождь проводить под открытым небом.

...Рядовой Сеницын скучал.

Разрывая мёрзлую землю для учебного окопа, он мечтал о баталиях и парадах. Любое сражение ему представлялось по книгам красивым и захватывающим. Пушечная пальба, развевающиеся знамёна, победный гром оркестров, богатые трофеи – такой была военная жизнь в пылком воображении счетовода Пети Сеницына.

В отделении Сеницына прозвали «военным теоретиком». Он любил при каждом удобном случае вспомнить какое-нибудь сражение или изречение знаменитого полководца.

На занятиях нередко можно было услышать замечания сержанта Усова:

– Сеницын, кто вам в бою прицел будет устанавливать?

– Александр Македонский поставит, – отвечал за Сеницына весёлый Сибирко.

Если Сеницын увлекался военной жизнью, то Яша Ершов – маленький и подвижной боец – мало походил на военного человека. Он часто забывался и путал уставные положения и воинские термины. Ствол у винтовки он называл дулом, спусковой крючок – собачкой, подсумок – патронташем. Ершов долго не мог уяснить разницы между часовым и караульным, между начальником и комендантом гарнизона.

– В армии не говорят «начали стрельбу», – терпеливо поучал командир отделения Ершова. – Нужно говорить: открыли огонь...

Ершов сам огорчался своим маленьким неудачам. Но он отличался каким-то особым упорством, с которым и продолжал учёбу.

На своего помощника ефрейтора Семёна Любова командир отделения мог положиться в любом деле. Потому, когда сержант на время покидал отделение, он всегда был спокоен.

– За меня остаётся ефрейтор Любов.

Командир знал, что смыслённый и предприимчивый ефрейтор будет отлично командовать отделением.

Сержант Усов знал их всех, знал, чем они живут и чем интересуются. Ему хорошо были известны и понятны флегматичность и задумчивость красноармейца Горяева, весёлость и легкословие Сибирко, трудолюбие и исполнительность Анисимова. Он жил вместе с ними, водил их в походы, рассказывал, объяснял, требовал.

И вот война! Она ещё крепче сплотила отделение. Бойцы теперь особенно хорошо поняли, что не напрасно они рыли ячейки, ползали по сырой земле, учились стрелять, маскироваться. Теперь им казалось, что сержант Усов научит их ещё большему.

3

Люди спали. Они чувствовали смыкающееся кольцо опасности, но шестнадцать часов напряжения оттеснили волнение. Нужно было спать.

Впереди стонала под вражеским каблуком советская земля. Сзади накапливала гневом и собирала силы та же земля. Шли товарные поезда и воинские эшелоны, нестерпимым жаром дышали сталеплавильные печи, с конвейера сходили новые боевые машины. Народ поднимался защищать своё богатое, им добытое, заработанное, завоёванное счастье.

Как и обычно, она была удивительно короткой для спящих и необычайно длинной для бодрствующих – эта ночь.

Горяеву минуты казались звучащими и осязаемыми, – так они были медлительны и однообразны. Горяев хотел представить, что творится вокруг, за стенами. Но он лишь знал, что ночью пошёл снег. Это было хорошо. Снег скроет на траве и кустарниках следы пороха, дыма, копоти. Издали дот будет совершенно незаметен.

Зато Горяев легко представил то, что делается за сотни километров, в его родном городе. Утро начинается в большой комнате голосом диктора. Мать проснулась, встаёт, чтобы включить электрочайник. Сестрёнка Лёля тоже проснулась, но не открывает глаз. Она говорит, что очень приятно спать под команду и музыку для физзарядки. Репродуктор потрескивает, инструктор предлагает расправить плечи и приготовиться к маршу.

Горяев служил в армии, но редко думал о войне. Она казалась ему далёкой. Он был уверен, что война будет не завтра и не через год... Иногда в свободную минуту молодой художник Горяев делал в тетради зарисовки: он готовился после службы написать большое полотно.

Первый день войны был тяжёлым, как и первые выстрелы, как первые снаряды, просвистевшие над головой. И Горяев понял: так должно было случиться.

Горяев не был смельчаком. Но сейчас в нём поднималось чувство боли и мщенья. Неужели вся жизнь должна нарушиться? Тогда ему нельзя будет

заниматься любимым делом. Лёля не должна учиться. Фашистские бомбардировщики сожгут город, тот дом, где живёт мать.

Значит, нужно воевать, бить, бить подлого врага.

Заканчивалась безмолвная ночь. Вот к аппарату протянул руку сержант Усов. Он сделал это спокойно, без рывка; значит, сержант не спал.

Усов, действительно, бодрствовал всю ночь. Он приложил трубку к уху.

– Товарищ сержант, – слушал он, – говорит военинженер Ольховец. Нужен ли вам инструктаж или консультация?

– Нет, мне всё ясно, – ответил Усов. – Один вопрос: выдержат ли перекрытия снаряды среднего калибра?

– Этого бояться не следует, – заметил инженер. – Не подпускайте к доту немцев с зарядами. Артиллерийская стрельба по дотам мало эффективна. А в случае попадания – выдержит. Я строил, и за материал я ручаюсь!

Последовало молчание.

Потом в трубке вновь послышался голос:

– А как люди вашего гарнизона?

– Я знаю их, и за них я тоже ручаюсь! – ответил комендант.

4

Оказалось, что немцы не знали о существовании дота. Вчерашняя яростная стрельба в разгаре боя всё же не выдала защитников маленького укрепления. Рано утром были замечены первые небольшие группы противника.

– Фрицы появились, – шепнул Сибирко. – А ну-ка, Сеницын, угости их!

– Огонь не открывать! – запретил Усов. – Это разведчики.

Между тем Сеницыну очень хотелось нажать на спусковой рычаг пулемёта.

– А может быть, они нас совсем не заметят? – проговорил Альянцев.

Его голос дрожал. Сержант Усов бросил мимолётный взгляд на Альянцева. В этом взгляде сверкнул укор. Комендант почувствовал в словах Альянцева страх. Он сжал зубы и поморщился.

Впереди грохнули одиночные орудийные выстрелы. Фашисты начинали артиллерийскую подготовку. Их батарея была скрыта в лесу, где-то далеко, слева от дота.

Весь гарнизон был на своих местах – у пулемётов и перископа, у двери и у наблюдательных щелей. Проходили минуты напряжённого ожидания.

Там, в кустарниках и в лесу, скрываются враги. Они рвутся вперёд, чтобы овладеть городом, чтобы начать расправу над мирным населением, поджечь дома.

– Ну, идите, идите, – тихо говорил ефрейтор Любов. – Чего жмётесь в лесу?! Идите... – И он вполголоса сквозь зубы пропустил злое, крепкое слово.

И, словно по его вызову, опушка леса вдруг оживилась. Цепи немецких солдат двинулись по полю. Нагнувшись, солдаты бежали густо, надеясь одним броском пересечь открытую местность.

– Приготовиться! – скомандовал комендант.

Несколько пулемётов отчаянно стрекотали на правом фланге, поддерживая передвижение солдат. Но сзади дота, в стороне города, затаилась тишина. Колючая проволока, окружающая дот, была искусно скрыта в кустарниках.

Густая цепь немцев надвигалась на укрепление, не подозревая о нём. Солдаты бежали молча и не стреляли.

Они были уже на расстоянии прицельного винтовочного выстрела. А комендант всё выжидал. Он словно окаменел. Потом вдруг оторвался от щели, взмахнул кулаком и крикнул сильно и резко:

– Ого-онь!

В ту же секунду вздрогнули на столах пулемёты и забились оглушительной тяжёлой дробью.

Это было совсем неожиданно для немцев. Их бег мгновенно прекратился. Они падали вперёд на землю ничком, и невозможно было определить, кто падал от пуль и кто от страха. Через две-три секунды гитлеровцы снова выросли над полем. Такие же скрюченные, они бежали, но уже не к доту, а назад. А пулемёты всё били и били, срезая с поля бегущих. Пулемётные ленты, дрожа и прыгая, гнали в приёмники патроны. И люди у амбразур и щелей словно срослись со своим оружием.

У пулемётов работали Любов и Сеницын. Анисимов, Горяев и Сибирко стреляли из винтовок.

– Стой! – скомандовал Усов.

Всё сразу умолкло. Комендант откинул голову, обтёр лоб и снова прильнул к щели.

За несколько напряжённых минут боя солдаты в первый раз взглянули друг на друга. Все молчали, ожидая слов командира.

– Хорошо! – сказал Усов.

– Добро! – повторил Любов.

Эти слова подействовали ободряюще и успокоительно. Сразу всё происшедшее показалось обычным и легко понимаемым.

– Приготовиться!

Гарнизон ожидал новой атаки. Но немцы, скрывшись в лесу, больше не показывались.

Рассветало. Свежий утренний ветер разогнал облака, и осеннее скупое солнце заглянуло в щель с восточной стороны. Серый дым низко стлался над полем.

5

В левом каземате у станкового пулемёта сидели двое – Горяев и Альянцев. Альянцев прибыл в отделение вместе с двумя сапёрами. Это было несколько дней назад, когда пулемётчики во главе с Усовым заступили на боевую вахту в укреплении.

Вдалеке, справа и слева, были слышны частые хлопки выстрелов и треск пулемётных очередей. Иногда тяжело ухали орудия. Горяев поминутно привставал на колено и смотрел через щель на чёрную полосу лесной опушки.

– Почему они не атакуют? – спрашивал Альянцев тихо.

Горяев не отвечал. Он сам удивлялся тому, что после второй атаки немцы успокоились. Может быть, они что-нибудь замышляют? Он подозревал, что и Альянцев думает об этом и тревожится. Пожалуй, Альянцев даже боится. Он сидит, втянув голову в плечи, и о чём-то думает.

Известие об окружении вначале тяжело подействовало на Горяева. Сознание сдавили невидимые клещи, и он думал – всё пропало. Но твёрдый голос сержанта Усова, спокойствие Любова, прежняя деловитость Анисимова – всё это ободрило его. Горяев признался себе, что они смелее и мужественнее его. И, стыдясь перед этими людьми, он отгонял страх, старался говорить твёрже и спокойнее, так же, как они.

– Они могут разрушить дот из орудий, – полувопросительно и в то же время полутверждающе сказал Альянцев.

– Бросьте хныкать, – ответил Горяев.

– Почему наши не прорвутся к нам?

– Будет время – прорвутся.

– Они могут опоздать, – уныло проговорил Альянцев.

На этот раз Горяев искренне возмутился. Он понял, что Альянцев боится только за себя. Хотелось ответить этому человеку обидным словом, назвать его трусом, но Горяев сдержался и только сказал словами коменданта:

– Мы будем держаться!

Он вдруг поверил, что он может быть таким же, как Усов и Любков. Мы – это звучало сильно и придавало уверенность.

В каземат заглянул Сибирко и моментально исчез. Остались слова его песенки:

*Тогда всему доту сквозь дым улыбались
Её голубые глаза.*

– Поёт, – с раздражением произнёс Альянцев и ещё больше съёжился.

Горяев улыбнулся. Раньше весёлость Сибирко ему тоже часто казалась неуместной. Но теперь он увидел, что связист всегда таков. Сибирко любил музыку. Он с первого раза улавливал мотивы, готов был часами просиживать у радиоприёмника и слушать концерты со всего света. У него была особенность: он по-своему неожиданно переделывал тексты песен и арий. Сейчас Сибирко пел, а два часа назад сосредоточенно и сердито стрелял из своей винтовки.

– Приготовиться! – слышалась команда Усова.

– Немцы! – сказал Ершов, пробегая около каземата.

– Опять, – встревоженно и со страхом прошептал Альянцев.

А Горяеву уже совсем не было страшно. Он хотел показать коменданту, что может быть мужественным. Он хотел, чтобы его сейчас видели мать и Лёля. Они будут гордиться им.

– Не стрелять, – скомандовал Усов.

Горяев посмотрел в щель. Двое немцев осторожно пробирались к доту между заграждениями, неся белые флажки.

– Убирайтесь ко всем дьяволам! – закричал Усов. – Стрелять буду!

– Русс, сдавайсь! – кричал немец, видимо, офицер. – Вы будете гуляйт, сдавайсь!

– Зато вы больше не будете гулять, если не уберётесь отсюда, – ответил Усов.

– Может быть, они ничего не сделают... – пробормотал Альянцев.

– Молчать! – закричал комендант.

– Уходите отсюда! – со злостью отрезал Горяев, сжимая ручку затыльника пулемёта. – Вы трус, вы боитесь! Стыдно, – добавил шёпотом.

– Русс, сдавайсь! – кричал немец. – Мы дадим, русс, жизнь!

Слова гитлеровца подействовали на Усова, как оскорбление.

– Считаю до трёх... раз... два...

Немцы, должно быть, неплохо понимали русский счёт. Они начали пятиться, потом быстро пошли, затем побежали.

– Три! – засмеялся комендант и скомандовал: – Огонь!

6

Кто стрелял из станкового пулемёта, тот знает: это оружие недоступно для пехоты противника, пока есть патроны и жив хотя бы один пулемётчик. Кто попадал под огонь пулемёта, тот чувствовал его силу. А у гарнизона маленькой крепости патронов было достаточно, и пулемётчики твёрдо держали рукоятки затыльников.

При каждой попытке немцев приблизиться к доту станковые пулемёты посылали на них через амбразуры губительные очереди свинца. И фашисты падали с перекошенными лицами – одни от злобы и чувства бессилия, другие – от предсмертных судорог. Одни поспешно уползали, другие оставались лежать навсегда. И снова над полем поднимались редкие кустарники, перебитые ветви которых теребил усталый и беспутный ветер.

Станковый пулемёт! Мы смотрим на пригнувшееся массивное тело пулемёта и вспоминаем Анку-пулемётчицу из Чапаевской дивизии. Мы помним разгром интервентов, посягнувших на молодую Советскую республику. Пронесются взмыленные горячие кони, запряжённые в тачанку. И из-за колеса, привстав на четвереньки, выглядывает вздрагивающий, серый от копоти пулемёт. Замаскированный, словно обросший зеленью, он расчищал путь для наступающих стрелков у сопки Заозерной. Покрытый белилами, пулемёт был незаметен в снегах Финляндии...

Сержант Усов тоже помнил Финляндию в марте тысяча девятьсот сорокового года. Земля и лес, маскировочный халат и станковый пулемёт – всё имело один сливающийся белый цвет. Тогда предметы потеряли свои очертания и издали были невидимы. Станковый пулемёт Усова хлестал

длинными очередями по кронам деревьев, сбивая на землю обильный снег и злых белофинских «кукушек».

Прошло полтора года. И снова сержант Усов держится за ручки затыльника. Пулемёт бьёт оглушающе и методически чётко. Частая отдача, словно электрический ток, передаётся на тело. Ствол поворачивается, как шея необыкновенного животного. Усов стреляет, рассеивая огонь по фронту. Он весь в напряжении, стиснуты зубы, и голова часто трясётся в такт пулемётной очереди.

– Сволочи! – срывается с воспалённых губ коменданта.

Снова вздрагивает и ползёт в приёмник пулемётная лента. Дым застилает амбразуру. На поле опять остаются одни низкорослые изуродованные кустики.

– Получили? – злоратно кричит комендант. – Получили, гады?!

Никогда ещё не видели бойцы таким своего командира. В пылу он рванул воротничок гимнастёрки так, что пуговица отскочила далеко в сторону. Он не заметил этого.

К нему подбежал дежуривший у входной двери Ершов.

– Товарищ сержант, у самой двери мина лопнула!

– «Лопнула»! – передразнил комендант и безнадёжно махнул рукой: учить было некогда.

Закончился день, прошла ночь. Вновь начался день. Немцы дважды ходили в атаку, пытаясь овладеть укреплением. Они были настойчивы, но в перерывы между атаками держались далеко от дота.

В полдень, когда фашисты скрылись в лесу, сержант Усов собрал свой гарнизон. Он только что разговаривал по телефону с командиром полка. Комендант не спал две ночи. Он чувствовал тупую боль в висках. Серое от копоти лицо оживляли лишь глаза.

– Сегодня ночью, – сказал комендант, – наши переходят в контрнаступление. При успехе мы завтра опять будем со своими. Ночью никому спать не придётся. Потому приказываю: все, кто не отдыхал сегодня, – сейчас спать. Остальным приготовиться...

Усов снял гимнастёрку, обвязался, как поясом, полотенцем и пошёл умываться. Потом он достал зеркало и бритву и побрился. Пришил к гимнастёрке недостающую пуговицу и впервые за три дня прилёг на топчан. Закрыв глаза, но сразу же поднялся и позвал Любова.

– Выдайте дневной паёк, норма остаётся прежняя – по два сухаря. В пятнадцать ноль-ноль по телефону зачитают сообщение Информбюро. Можно провести беседу.

Комендант откинулся на топчан, подложил руку под голову и моментально заснул.

7

Все бодрствующие были заняты делом. Сибирко, расстелив лист бумаги на столе, где стоял телефонный аппарат, рисовал заголовки для «Боевого листка». Конечно, он напевал. Без песенки неунывающий связист сидеть не мог. Двое солдат пришивали подворотнички. В помещении была

наведена чистота – гарнизон готовился встретить своих освободителей. Ночью предстоял бой. Калита, Сеницын и Ершов набивали пулемётные ленты.

На узком клеёнчатом топчане, раскинув руки, спал ефрейтор Любков. Во сне он улыбался. Курчавый, с широким добродушным лицом, он походил на большого ребёнка. Впрочем, этот «ребёнок» легко выжимал двухпудовку и десятки километров беспрерывно носил тело станкового пулемёта.

– Если бы здесь был Вобан, – вполголоса говорил Сеницын маленькому Ершову, – он обязательно соорудил бы дополнительные укрепления. Или нет, он прорыл бы подземный ход в город. Ты знаешь, кто такой Вобан?..

Ершов нехотя признался, что никогда не видел Вобана. Сеницын с жалостью посмотрел на товарища.

– Его и не увидишь. Он ещё в восемнадцатом веке умер...

– Опоздал родиться, Ершов, – с усмешкой заметил Сибирко. – Не знаю, что у нас делал бы Вобан, а вот на месте сержанта я заставил бы вас побыстрее разворачиваться с набивкой лент.

Для Сеницына сразу же потускнела жизнь. Он уже предвкушал удовольствие пуститься в длинные исторические экскурсии, чтобы «просветить» несведущего Ершова. Но тут вмешался этот Сибирко, и настроение рассказывать сразу же пропало. Обиженный, он замолчал и принялся сосредоточенно работать. Сибирко понял, что обидел Сеницына. Он совсем не хотел этого и потому сказал успокаивающе:

– Ты не сердись, я ведь шучу...

Сеницын промолчал, но обида его моментально рассеялась.

Закончив заголовок «Боевого листка», Сибирко принялся печатными буквами переписывать заметки. Он читал их вслух, слово за словом, словно диктуя себе:

«Мы окружены врагом, мы внешне оторваны от всех, но внутренне чувствуем неразрывную связь со всем близким нам, дорогим, с нашей родиной. Верим в победу над врагом и до конца не сдадим. Будем биться до конца...»

Сибирко, как истый художник, отходил на шаг-два от стола и любовался заголовком.

– Правильно! «До кон-ца». Хорошо написано!

*На закате ходит немец мимо дота моего,
Поморгает, постреляет, не добьётся ничего.
И кто его знает – куда он стреляет...
Куда он стреляет, куда он стреляет...*

Песня Сибирко развеселила бойцов.

– Спой «Раскинулось море широко», – попросил Калита.

– Можно... У меня к ней припев новый есть.

И Сибирко запел тихим, но приятным голосом:

*...Товарищи, в силах мы вахту нести!
Бойцы поклялись в окруженьи...*

Было тихо и спокойно в доте. И с трудом верилось, что вокруг этих, поздним вечером бодрствующих бойцов сжимается кольцо опасности.

В полночь грохнули отдалённые выстрелы. Комендант поднял на ноги весь гарнизон. Долго длилась пальба. Но бой не приближался к доту. Лишь изредка невдалеке разрывался снаряд, тяжело сотрясая укрепление.

А перед рассветом позвонили с командного пункта батальона и сообщили, что прорыв к доту не удался.

8

Начался пятый день. И начался он неприятностью. Сибирко обнаружил, что телефон не работает – кабель имел где-то разрыв. Связь с передовыми позициями и командным пунктом нарушилась.

– Может быть, перебило снарядом? – высказал предположение Калита.

– Может быть. Только бы немцы не обнаружили кабель...

Усов по-прежнему был спокоен. Горяев следил за его лицом, за каждым движением, стараясь заметить хотя бы маленькую долю неуверенности или сомнения. Комендант так же размеренно шагал, таким же ровным голосом отдавал приказания.

Ещё до рассвета немцы повели яростный артиллерийский обстрел города. Снаряды гудели над дотом и тяжело рвались сзади. Гарнизон ожидал новой атаки. У пулемётов, амбразур и наблюдательных щелей дежурили бойцы.

Фашисты подтянули несколько пулемётов и открыли прицельный огонь по амбразурам. Усов давно ожидал этого и в душе тревожился. Он понимал, что это ставка на поражение гарнизона – наиболее сильное средство против долговременных укреплений. Это называется «ослеплением амбразур».

Пули осыпали снег и землю, бешено колотились в переплёты и пронзительно взвизгивали при ricoшетах. Иногда они влетали в помещение, впиваясь в деревянную обшивку.

– От амбразур! – кричал комендант.

Пулемётный огонь усиливался. Рядом у самых стен ложились мины. Наблюдать за полем стало опасно. Комендант приказал прекратить стрельбу, чтобы не выдавать расположения амбразур. А немцы, обнаглев, подтягивали пулемёты ещё ближе.

Поддерживаемые огнём, отдельные солдаты добрались до проволочных заграждений и лёжа выстригали проходы.

Удавалось лишь на несколько секунд прильнуть к амбразуре и – сразу же укрыться.

В эти минуты был тяжело ранен Петя Синицын. Неожиданно он откинулся назад и схватился за плечо. Лицо побледнело. Несколько секунд он сидел, потом склонился и рухнул на пол. Его подхватил Любов. Раненого отнесли на топчан. Это произошло быстро; все понимали и все молчали.

Первым словно очнулся комендант. Он смотрел на раненого, и, казалось, лицо его сводили судороги. Не выдержав, подскочил к пулемёту и приподнял спусковой рычаг. Пулемёт встрепенулся. Усов ожесточённо поливал поле свинцом, прикрыв один глаз и прикусив губу. После нескольких длинных очередей он опустил рукоятки затильника, повернулся и нетвёрдой походкой подошёл к раненому. Калита разрезал гимнастерку Сеницына и накладывал на плечо повязку. Каждый новый слой бинта окрашивался кровью. Сеницын, закрыв глаза, тихо стонал.

Умолкнувший пулемёт Усова словно подал команду фашистам. С трёх сторон поднялись густые цепи их касок. В промежутках между цепями над заснеженными брустверами прыгали вспышки в стволах пулемётов.

– Огонь! – скомандовал комендант.

Одновременно заговорили пулемёты и хлопнули залпом винтовки. И снова гитлеровцы не выдержали. Скрюченные, бежали они обратно. Некоторые, запутавшись в колючке, со злостью рвали и отбрасывали шинели и тут же, подбитые, падали.

А пулемёты с короткими паузами били и били из амбразур.

Люди привыкли к стрельбе, они не обращали внимания на взрывы снарядов. Но слабый стон человека заставил всех вздрогнуть. На полу в каземате лежал рядовой Анисимов. Подбородок его был прижат к груди, и из-за воротничка, заливая шею, выступала кровь. Горяев был тут же, но он не видел, как Анисимов упал. Лишь лёгкий крик услышал он. Горяев бросился к товарищу, позвал его, схватил за руку. Несколько секунд пульс бился учащённо, потом стал затихать и, наконец, совсем прекратился. Анисимов был мёртв.

Подбежавший Усов притронулся к руке Анисимова и, поняв, застыл недвижимый. Потом он снял шапку и отвернулся, Горяеву показалось, что комендант заплакал. Но он ошибся – у коменданта были сухие и жёсткие глаза.

– Стреляйте, Горяев! – приказал сержант. – Бейте их, бейте!

Он вобрал в себя воздух. Горяев услышал сдержанный, но тяжёлый вздох, когда Усов уже спустился из каземата.

9

После смерти Анисимова люди стали сдержаннее, лица их казались суровыми и напряжёнными. Не каждую минуту, а каждую секунду они готовы были взяться за оружие и драться с врагом.

Бои у города приняли позиционный характер. Немцы не могли прорвать оборону. Но дот оставался в окружении.

Всю ночь раненый Сеницын бредил. Он вскакивал с топчана с широко раскрытыми глазами и порывался бежать. Его укладывали, и он, почувствовав боль, начинал стонать. Раненому было тесно на топчане. Он метался, кричал в бреду, призывая идти в атаку. В доте было тихо, и голос Сеницына, надломленный и порывистый, острой болью отзывался в каждом из бойцов.

Горяев не мог уснуть, хотя усталость изламывала тело. Он думал об убитом Анисимове, о раненом Синицыне. Губы обсохли, хотелось пить.

Уткнувшись лицом в подушку, рядом с Горяевым лежал Альянцев. Он тоже не спал.

– Скоро ли это кончится? К чему, ведь мы всё равно погибли, – донеслось из подушки.

– Не надо, Альянцев, – тихо сказал Горяев. – Крепитесь, нельзя же так...

– Не могу я больше... нас похоронят здесь. Я всё равно уйду, сегодня же уйду...

– Куда?

Альянцев вздрогнул. Горяев приподнял голову. У топчана стоял комендант.

– Куда уйдёшь? – резко повторил Усов. – К фашистам?

Испуг появился на лице Альянцева. Словно прикрываясь от удара, он отодвинулся к стене, хотел что-то сказать, но не мог выдать ни слова.

– Забудьте об этом! – крикнул Усов. – Иначе... Понятно?

Взгляд Горяева упал на кобуру нагана коменданта. Да, он имел право на это, комендант укрепления. Больше того, он обязан был сделать это.

Горяев долго не мог уснуть. Утром его разбудили – он должен был заступать на дежурство. Он увидел Альянцева, сидящего на топчане. Как и обычно после сна, Горяев пошёл умываться. Холодная вода освежила лицо. Он услышал близкий орудийный выстрел, но, по обыкновению, даже не повернул головы. За выстрелом последовал сильный голос коменданта:

– Назад!

Не вытирая лица, Горяев бросился в главное помещение. Раскрытая дверь объяснила всё. В проходе гремел засов второй двери. Альянцева не было. Горяев на секунду увидел лишь Усова, мелькнувшего в притворе дверей.

В ту же минуту в стороне леса длинной очередью застрочил пулемёт.

Послышался удар двери и звук засова.

– Срезали, как соломинку, – сказал комендант и брезгливо добавил: – Вот и ушёл... Гадина... Собачья смерть.

10

Они ничем не выделялись, эти два солдата с чёрными петлицами. Не особенно разговорчивые, коренастые сапёры очень походили друг на друга. Они с первого же дня в доте сжились с отделением, быстро, по-военному выполняли приказания Усова; казалось, они давным-давно служили под его командой.

Один из них носил фамилию Корнилов.

– Это ошибка, – сказал Синицын, когда явились сапёры, – Корнилов – герой Севастополя, он был адмиралом, моряком. Вам больше бы подошла фамилия Тотлебен. Так сказать, фамилия по специальности...

Однако фамилии сапёров никогда больше не упоминались в доте. Усов называл их инженерами. И это заменило им имена. «Инженеры» следили за

состоянием всего укрепления, набивали патронные ленты и довольно искусно стреляли из пулемётов. Когда была сокращена норма сухарей и воды, они приняли это как естественное в таких условиях, как необходимость.

Когда немцы повели по доту артиллерийский огонь прямой наводкой, «инженеры» совсем не спали, готовые каждую минуту взяться за работу в случае повреждения амбразур.

Безмолвно проходила седьмая ночь. Горяеву она казалась семьдесят седьмой. Так много было пережито за это время. Теперь он совсем не думал о смерти. Весь гарнизон под командой сержанта Усова словно сцементировался, стал таким же крепким, как сама эта маленькая крепость, и жил одной мыслью: держаться! Нарушилась телефонная связь, не удалась попытка контрнаступления, погиб Анисимов, бесславно кончил Альянцев, метался в бреду раненый Синицын – всё это заставляло стискивать зубы, отворачиваться в сторону, когда на мгновение голову сжимала мысль о трудности. Но другая мысль – держаться! – приходила вновь, когда взгляд встречался со взглядом Любова и других бойцов. То были взаимные взгляды ободрения и дружбы.

Вначале казалось, что дот не сможет продержаться и одного дня. Теперь наступали седьмые сутки. Вот что значило упорство! При этой мысли Горяев чувствовал прилив силы и уверенности. И он быстрее работал, внимательнее всматривался в щели, наблюдая за врагом, старался казаться бодрым, спокойным и сильным.

– Видишь? – прошептал сапёр Иванов.

Горяев повернул голову, не понимая, о чём говорит сапёр. Иванов плотно прижался к щели; казалось, он хочет пролезть через неё.

– Слышишь?

Горяев ничего не видел и не слышал. Темнота и тишина царили за стеной.

– Взрывчатку подвозят, – шепнул Иванов. – Нужно доложить коменданту.

Через минуту комендант и ефрейтор Любков обсуждали положение. Немцы намеревались подорвать укрепление. Нужно было противодействовать.

– Мы с Корниловым выйдем на волю и обезвредим запал! – предложил Иванов.

– Другого выхода нет, – согласился комендант.

– Я пойду с ними! – сказал Горяев.

– Лучше уж мне выйти с «инженерами»! – сказал Любков.

– Разбудите Корнилова, пойдут «инженеры» и Любков, – решил комендант. – Всем бодрствующим приготовиться!

С наганами и гранатами стояли смельчаки, чтобы по приказу проскользнуть в дверь.

Комендант оглядел их и спросил:

– Готовы?

– Готовы!

– Вытащить всё из карманов! Вторая группа будет наготове. – Он подал руку каждому из уходящих. – Открывай, осторожно!

Дверь приоткрылась едва-едва, но в мгновение «инженеров» и Любова уже не было в доте. Дверь бесшумно закрылась. Вторую дверь решено было не закрывать.

Наступили томительные минуты ожидания. Если фашистам удастся подтянуть много взрывчатки и зажечь огнепроводные шнуры – взрыв уничтожит маленькую крепость.

Горяев, Сибирко и Калита составили вторую группу. Они должны были поспешить на помощь Любому и «инженерам».

Теперь ясно был слышен лёгкий шум за стеной. Фашисты находились рядом. Должно быть, они злорадствовали и торжествовали. Смогут ли что-нибудь сделать «инженеры»?

Сколько прошло времени – никто из бодрствующих в доте не знал. Внезапно в дверь ударили. Стук был условный. Возвратились Корнилов и Иванов.

...Группа гитлеровцев подтянула заряды к доту. Впрочем, это досталось им нелегко. Между проволочными заграждениями, по кочкам, в темноте тащили они тяжёлый груз, чтобы выполнить свой дьявольский план.

– Я даже пожалел их, – сказал Иванов, – напрасно, думаю, сволочи, стараются. Ещё посмотрим, кто кого взорвёт!

Любов и «инженеры», притаившись, следили за немцами. Когда заряд был уложен, солдаты поспешно исчезли в темноте. Остался один. Он, видимо, должен был поджечь шнур. Действительно, вскоре вспыхнул кончик шнура. Фашист быстро начал пятиться. Потом он повернулся и скрылся.

И в это же время «инженеры» и Любов двинулись вперёд. Через две секунды путь огня к страшному грузу был перерезан – шнур под ударом топора разделился.

«Инженеры» вернулись. Но не было Любова.

– Мы думали, что он уже здесь, – сказал Корнилов, оглядывая помещение, словно не веря, что Любов не возвращался.

– Что с ним случилось? – спросил Калита.

Но никто не мог ответить на его вопрос.

– Сейчас немцы вернутся, нужно приготовиться к встрече. А Любов не пропадёт...

Комендант не договорил. Было понятно, что он хотел похвалить Любова. В этот момент слышались условные два удара.

На этот раз дверь пришлось открывать широко. Любов был с ношей.

11

Любов опустил ношу и с глубочайшим облегчением вздохнул. Даже для богатыря-ефрейтора ноша оказалась тяжеловатой: перед бойцами стоял немецкий унтер-офицер.

Немец тоже вздохнул. Видимо, путешествие в объятиях Любова было не из приятных.

Когда «инженеры» скользнули к шнуру, чтобы обезвредить его, Любов бросился за последним уходящим немцем. Тяжёлая рука Любова обхватила шею немца. Тот не успел крикнуть, как оказался на руках ефрейтора. Он пробовал бороться, но Любов крепче прижал его к себе, чем дал понять, что сопротивление повлечёт неприятности.

Опустив голову, стоял пленник и, должно быть, ещё не мог понять, как всё произошло. Десять минут назад он поджёг шнур, чтобы взорвать советский дот вместе с его защитниками. А сейчас он сам оказался в этом доте.

– Садитесь, гостем будете! – язвительно сказал Сибирко.

Немец не понял. Он поднял глаза. И вдруг, словно чего-то испугавшись, истошно закричал и бросился к двери. Его удержали. Но он, выкатив обезумевшие глаза, что-то лепетал и рвался вперёд.

Вскоре всё выяснилось. Ошеломлённый происшедшим, фашистский унтер потерял чувство времени. Он вспомнил высеченный им огонёк, ползущий к взрывчатке по шнуру. Это помещение, в котором он находился, его же рукой было обречено на уничтожение. Русские спокойны и не знают, что через секунду-две их укрепление вместе с ними, вместе с оружием, и главное, вместе с ним, немецким унтер-офицером, в оглушительном грохоте взлетит кверху. Ужас охватил пленника. Он метался, объяснял по-немецки, а его не понимали.

Но его поняли. Перетрусивший немец не сознавал, что срок горения шнура давно прошёл. Он всё ещё ожидал взрыва. Лишь обгорелый конец шнура, обрубленный «инженерами» и показанный пленнику, подействовал на него, и немец успокоился.

– Однако ты не из храбрых, – сказал Калита, обращаясь больше к бойцам, чем к немцу.

– Что же с ним делать? – спрашивал комендант.

– Известно, что делать, – сказал Сибирко.

– Следовало бы допросить, но проклятый фашист, кажется, по-русски не знает ни единого словечка. Да и мне с немцами разговаривать не приходилось. Впрочем, с допросом мы тоже успеем. Нужно перетащить взрывчатку. и томиком стихов Тихонова оказался русско-немецкий словарь.

Дело было новым и совсем не лёгким. Во-первых, Горяев, не знал даже самых элементарных основ дознавательного искусства, во-вторых, сейчас он понял, что посредственные отметки, которые он получал в школе за свои познания в немецком языке, были более чем справедливыми, пожалуй, преподаватель был даже несколько щедрым.

Немец сидел перед Горяевым жалкий, испуганный. Его изношенная и порванная шинель мешковато топорщилась на плечах. Должно быть, совсем не таким выглядел этот унтер, маршируя по улицам западноевропейских городов, и потом, переходя советскую границу. Горяев слышал, что некоторые фашисты держатся в плену нагло и отказываются отвечать. Унтер не походил на таких.

– Ви хайст ир?

Горяев произнес эти слова притворно равнодушно. Можно было подумать, что по-немецки он болтает с лёгкостью берлинской торговли пивом.

Но уже со следующим вопросом пришлось заглянуть в словарь. Впрочем, немец отвечал охотно и даже однажды, осмелев, попытался протянуть руку к словарю, намереваясь помочь Горяеву. Однако Горяев вежливо попросил его сидеть спокойно.

Страх у немца прошёл. Пока Горяев рылся в словаре, отыскивая слова, он внимательно рассматривал помещение. Как выяснилось из допроса, его звали Пауль Гейнц. Это была правда. Горяев перед допросом прочитал имя на портсигаре. Гейнц, по его словам, не хотел воевать против русских, он ненавидел военную службу, войну и своих офицеров. Это была ложь. На том же именном портсигаре в надписи восхвалялись усердие, чинопочитание и доблесть его владельца.

Немец рассказал, что он сам сапёр, и признал, что долговременное укрепление русских построено на очень выгодном месте, что захватить его очень трудно. Но немцы надеялись его взорвать, после того как обычная блокировка не удалась. Кроме того, близкое расположение линии обороны города и постоянная артиллерийская стрельба русских не позволяют блокировать дот одновременно со всех сторон. Фашисты надеялись также, что гарнизон сдастся в первые же дни.

– Напрасно надеялись, – зло ответил комендант, когда Горяев кое-как перевёл ему слова немца.

12

– Товарищ сержант, связь есть!

Радостный крик Сибирко привлёк внимание всего гарнизона. Даже Усов, всегда спокойный и сдержанный, лёгким прыжком соскочил с топчана. Он выхватил трубку из рук Сибирко и приложил к уху.

– Что-то шумит, – сказал комендант, прислушиваясь. – Неужели наши восстановили?

– Я слышал голос... – сказал Сибирко.

– Ростов... Ростов...

Наконец-то снова можно поговорить со своими!

– Командира к телефону! – услышал Усов отдалённый глухой, но сильный голос.

– Я у телефона, – ответил комендант. – Кто говорит?

– Говорит Ростов... полковник Петров. Как обстоят дела? Потери у вас большие?

Комендант заметно смутился. Почему на командном пункте батальона оказался командир дивизии?

– Я слушаю вас, товарищ полковник!

– У меня есть к вам вопросы. Долго ли вы сможете продержаться? Сколько у вас остаётся продовольствия и боеприпасов?..

Комендант нахмурился. Смутное подозрение тревожило его сознание. Не опуская трубки, он молчал, обдумывая, что говорить.

– Почему молчите? Отвечайте на вопросы! – снова повелительно прогудел телефон.

– Попросите к телефону семьдесят три! – твердо сказал Усов. – Я не знаю, с кем разговариваю.

– Я вам назвал себя. Отвечайте, я приказываю.

– Семьдесят три к телефону! – настойчиво повторил комендант.

Трубка тихо шуршала, едва затрагивая слух. Усов уловил шёпот – два-три слова, резко прерванные. Теперь становилось, ясно, что дот соединён с кем-то незнакомым.

Прикрыв микрофон рукой, комендант подозвал Сибирко.

– Кто-нибудь другой мог включиться в линию?

– Вряд ли: кабель подземный, – тихо ответил Сибирко. – Впрочем, очень свободно, если обнаружили. А может быть... у воронки...

– Может быть, немцы? – продолжил мысль его комендант. – Но хорошо говорят по-русски.

– Как чувствуют себя красноармейцы? – мягко прошипела трубка.

– Неплохо чувствуют, спасибо, – ответил комендант. – У меня тоже есть вопросы к вам.

– Пожалуйста.

– Назовите имя нашего командира батальона! Скажите, как назывался раньше город Молотов? Чем прославился у нас повар-орденоносец Егоркин, – вы, конечно, его знаете!

Трудно было в полумраке разглядеть – хмурится или улыбается комендант. Но чувствовалось, что он доволен своей хитростью.

– Приказываю прекратить этот глупый экзамен! – проворчала трубка.

– Не будете отвечать? – усмехнулся комендант. – Тогда ещё один вопрос: когда вы изучили русский язык? Или, может быть, вы по национальности русский? Тогда скажите: когда вы стали окончательной сволочью – в восемнадцатом году или позднее?

Солдаты засмеялись.

– У вас хорошее настроение, – слышалось из трубки.

– Ничего, неплохое, – ответил Усов.

– Но завтра оно испортится. Жалко, что вас придётся похоронить, не увидев. А то бы вам пришлось покачаться на первом дереве...

– Я знаю ваши способности, – сказал комендант.

– Предлагаем сдаться – за это обещаем жизнь. Выходите с белым флагом...

– У нас подлецов нет! Мне с фашистской сволочью разговаривать не о чем...

И комендант швырнул трубку за аппарат.

13

– Слушайте приказ!

Занималось морозное, подёрнутое синей дымкой тихое утро. Оно проникло в помещение ровными полосками света через наблюдательные щели и амбразуры.

Бойцы выстроились в две шеренги. Вот так же выстраивалось раньше отделение перед занятием, когда командир ставил задачу. Сержант Усов по-прежнему требовал порядка и дисциплины. Справа стоял ефрейтор Любов, громадный, широкоплечий. Его голова упиралась в потолок. Казалось, никакая сила, никакие лишения не сокрушат этого человека. Слева маленький Ершов резко обламывал линию ранжира. Взгляд сержанта задержался на Ершове. Как и прежде, командир привычно подумал: «Весь ранжир портит!»

– Слушайте приказ по гарнизону! – повторил комендант.

Приказ не был написан, не имел номера и не блистал литературными достоинствами. Короткий, суховатый, отрывистый, он соответствовал голосу коменданта.

«...Мы должны держаться... от нас зависит защита города... и на нас смотрит социалистическая родина. У нас ещё достаточно боеприпасов. И я уверен – у нас достаточно и силы. Я благодарю вас, товарищи, за службу Советскому Союзу. Но впереди ещё много трудностей. Нам придётся многое ещё испытать. Я надеюсь, и я уверен...»

Комендант заметно волновался. Горяев заметил это. Усов говорил не своими словами, но своим голосом, жёстким, запинаящимся на слогах.

«С сегодняшнего дня норма питания уменьшается... будет выдаваться по одному сухарю... Я знаю вас, товарищи! Это необходимо... и мы выдержим...»

Близкий орудийный выстрел прервал слова коменданта. Начался день. Нужно было защищаться.

– По местам! – скомандовал Усов.

Горяев дежурил у двери. Когда он стоял в строю, ему казалось, что он вот-вот пошатнётся. Но по команде сержанта он твёрдо и уверенно подошёл к входной двери, на своё место. За ночь он выспался, но сон, как ни странно, не придал ему сил.

Немцы обстреливали город из орудий. Со стороны города также слышались частые орудийные выстрелы. Дот безмолвствовал между грохочущими сторонами, в огне этой бешеной артиллерийской дуэли.

– Выкатывают пушку! – доложил Корнилов.

– Немец держит своё слово, раз вчера пообещал.

– Но не сдержит! – сказал комендант.

Взрыв снаряда тяжело потряс укрепление.

– Откуда бьют? – спросил комендант.

Никто не ответил. Было понятно лишь, что обстрел прямой наводкой фашисты подготовили из нескольких орудий. Замеченное Корниловым орудие пока ещё молчало, а снаряды один за другим уже рвались вокруг дота.

– На разрушение форта Дуомон под Верденом было выпущено сто двадцать тысяч снарядов. Это стоило в двадцать раз дороже самого форта...

Петя Синицын начинал себя чувствовать лучше. Сейчас он лежал на топчане и наблюдал за товарищами. Слушая разговор, он не мог удержаться, чтобы по привычке не привести пример из военной истории.

– Лежи, Синицын, тебе разговаривать не положено, – мимоходом заметил комендант. – Лежи и поправляйся. Понятно?

– Есть поправляться! – улыбнулся Синицын.

Дот напрягся и молчал. А вокруг оглушительно рвались снаряды. Вздыхалась земля. Метелью кружился снег, врываясь в амбразуры и щели. Молчал дот, молчали люди. И было обидно бездействовать, сидеть и ждать, когда снаряд ударит в перекрытие или в амбразуру.

«Может быть, и конец», – подумал Горяев.

Дважды утихала буря, поднимаемая взрывами, и потом с новой силой бушевала, осыпая дот осколками, землёй и снегом.

– Может быть, отсидимся, – прошептал Горяев.

Внезапно страшной силы удар встряхнул укрепление. Воздух пронзительно засвистел в щелях. Горяеву показалось, что он летит вверх. В ушах зазвенело, голову сжали неумолимые страшные тиски. Он видел, как упал Ершов, как схватился за стойку Любов.

И сразу же кругом стало необычайно тихо. Лишь продолжался зудящий звон в ушах и ломило виски.

– Ершов! – позвал Горяев и удивился. Он не слышал своего голоса.

И сейчас только он заметил, что не стоит, а сидит на полу.

– Оглушило? – спросил Любов.

Но Горяев не слышал, а лишь угадал вопрос. Он хотел встать, но не мог. Помещение закружилось, пол уходил из-под ног. Горяев потерял сознание.

Он не слышал и не чувствовал второго взрыва, разрушившего одну из амбразур. Он не видел, как работали сапёры...

Фашистская батарея захлебнулась. Комендант стоял с открытым ртом и прислушивался. Новый незнакомый шум влился в тяжёлую звуковую неразбериху боя.

Напрягая зрение, Усов заметил на немецкой стороне движение.

– Приготовиться! – скомандовал комендант.

Но на этот раз он ошибся. Немцы оттягивали войска. Над дотом гудели самолёты. То были советские самолёты, вылетевшие на штурмовку.

Вал артиллерийского огня катился по лесу, где спешно отходили немцы. Батальон, используя контрнаступление соседних рот, ещё до штурмовки самолётами прорвался вперёд.

В укреплении уже слышали отдалённое «ура». Это было так неожиданно, что все в доте растерялись.

– Приготовиться к выходу! – сказал комендант.

Голос его дрогнул, но никто не заметил этого.

И вдруг сверху послышался топот и крик:

– Кто живой есть?

Усов распахнул дверь и выбежал из дота. Он увидел человека в полушубке, на лыжах, размахивающего руками. Усов сразу узнал его – это был старший сержант Конкин, товарищ по школе младших командиров.

Командиры стояли друг против друга, потом, усмехнувшись, молча обнялись. Их окружили солдаты.

На правом фланге две роты устремились уже далеко вперёд.
– Любовь, построить и вывести гарнизон! – приказал комендант.
Каждого бойца, выходявшего из укрепления, встречало раскатистое «ура».

Они стояли, как и прежде, – на правом фланге отделения высокий Любков, на левом – маленький Ершов. Они стояли бледные, но подтянутые, усталые, но победившие.

– Ну, что же, теперь наступать... – сказал Конкин.

– Да, теперь вперёд, на запад! – ответил Усов.

К доту подходил командир батальона.

Комендант расправил на груди лямку противогаза, подал отделению команду и строевым шагом пошёл с докладом навстречу командиру батальона.

1942

ВОЖАК САНИТАРНОЙ УПРЯЖКИ

Глава первая

Во дворе большого дома

Двор у этого дома самый просторный и самый весёлый во всём городе. И, конечно, нигде не собирается на игры так много ребят. Ни в одном дворе не найти такой большой площадки для лапты, таких укромных местечек в дебрях дровяных сараев и поленниц. А старый заброшенный, поросший мхом погреб даже в солнечные дни таит в своём полумраке что-то загадочно-незнакомое.

Разве есть ещё где-нибудь такая замечательная, настоящая корабельная шлюпка, какой владеют ребята из этого дома? Много лет шлюпка лежит во дворе и не спускается на воду. Солнце так высушило её, что на крутых ступенчатых бортах появились щели. Но это не мешает ребятам ежедневно отправляться на шлюпке в далёкое плавание и принимать морские сражения с фашистскими пиратами...

Когда во дворе появляется почтальон, ребята окружают его.

– Игорю письмо принесли?

– Пишут, – шутливо отвечает почтальон. Но иногда почтальон, лукаво улыбнувшись, достаёт из сумки вместе с газетами знакомый треугольник и говорит торжественно:

– Товарищу Игорю Жигалову, с фронта...

Письмо, действительно, с фронта, от рядового Анисимова. Ребята знают, что в письме написано о том, как поживает их воспитанник Малыш – военная ездовая собака.

Таких писем у Игоря накопилось много.

За несколько месяцев до начала войны передали Малыша как подарок, в воинское подразделение служебных собак.

Жители дома, должно быть, помнят тот ясный осенний день, когда во дворе появился Малыш. Солнце играло в облаках в прятки. Ветер был слабый, и попытки ребят запустить коробчатый змей оказались безуспешными.

Когда змей потерпел аварию, разбившись о крышу сарая, и всякий интерес к нему у ребят пропал, во дворе появился Игорь Жигалов.

Только тогда ребята вспомнили, что Игоря целый день не было во дворе. Где он пропадал, никто не знал.

Может быть, появление Игоря не вызвало бы особенного оживления, но он был не один. На обрывке толстой бечёвки Игорь тащил за собой собаку. Собственно, это была не взрослая собака, а большой щенок, неуклюжий, густошёрстный, с острыми беспокойными ушами.

Мальчуган немало потрудился, прежде чем ему удалось втащить щенка во двор. Щенок упирался, скулил и недоумевающе смотрел на ребят испуганными воспалёнными глазами. Щенок дрожал, хотя было совсем тепло.

Лапта, шлюпка, змей – всё было забыто. Ребята окружили Игоря.

– Где ты взял?

– Как её зовут?

– Что ты будешь с ней делать?

– Ой, какая хорошенькая собачка! Она не кусается?

Игорь не отвечал на вопросы. Вид у него был серьёзный. Может быть, став владельцем собаки, он загордился. Но, вероятнее всего, его беспокоила мысль: как отнесутся к его затее родители?

К ребятам подошёл квартирант со второго этаж инженер Гусев – заядлый охотник и рыболов.

– Лайка, – сказал он, с первого взгляда определив породу. – Не совсем чистокровная, но на медведя пойдёт...

Гусев пощупал у щенка лапы, заглянул в глаза, зажав его голову обеими руками, потом приложил палец к мокрым ноздрям животного.

– Нюх великолепный. Только горячим не кормите, обожжётся и потеряет.

Ребята ликовали. В доме жили кошки. Боря Смирнов держал на чердаке тройку домашних голубей. В квартире у Ивановских в клетке с утра до вечера свистел и щёлкал лесной косоклювый клёт. Бабушка Дарья ежедневно выпускала во двор рябую крикливую курицу.

Но во всём доме не было ни одной собаки. Прошло три года, как издох Дружок – старый-престарый пёс, верный сторож дома и постоянный спутник ребят во всех прогулках и играх.

У инженера Гусева была легавая Пальма, но во дворе её видели всего два раза. Инженер боялся, что его собаку избалуют, и потому Пальма жила где-то в другом месте.

Теперь во дворе будет жить собака, настоящая лайка. Её можно научить «служить», то есть стоять на задних лапах, открывать двери и носить в зубах вещи. И она будет охранять дом.

Но опасения Игоря оказались не напрасными.

Взрослые в доме сразу же поняли, что ребята что-то затеяли. Обычный шум – крики, беготня и плач – неожиданно во дворе утих, и это удивило взрослых. После инженера Гусева к ребятам подошла Анна Петровна и, конечно, ужаснулась. Боже мой, во дворе появилась собака! И чего только не придумают эти озорники. Она не потерпит такого безобразия! Теперь её Мурке не будет покоя. Она немедленно пожалуется матери Игоря.

– Тётя Аня, она не тронет вашу Мурку, – уговаривал Игорь, – правда, не тронет!

Небо сплошь обложило тучами, и пошёл дождь. А ребята не хотели расходиться.

Игорь почувствовал, что ему одному не отстоять права держать во дворе собаку. Тогда он рассказал ребятам, как нашёл щенка, и сообщил кличку.

Щенка звали Малыш. Он был большой, тяжёлый, и кличка совсем не подходила к нему.

– Знаете ли вы, для чего нам нужен Малыш? – торжественно спросил Игорь.

Ребята молчали.

– Мы его выучим и подарим Красной Армии. Малыш будет охранять границу и разносить почту, – продолжал Игорь.

Это было здорово придумано!

– Разносить почту! – повторил Игорь, видя, что ребята восхищены.

– Как почтальон? – робко спросила дошкольница Олечка.

– Ты ничего не понимаешь, – строго сказал Игорь. – Не как почтальон, а совсем другое. Малыш будет связным.

– Связным! – повторили все ребята новое слово.

– Обо всём этом надо рассказать дома, тогда Малыш останется, и мы будем его учить.

Вечером дошкольница Олечка разговаривала со своей матерью – Анной Петровной.

– Мама, Малыша надо оставить, потому что он будет связным. Ну, как почтальон, или нет-нет. Это совсем другое.

– Не выдумывайте!

– Мы его красноармейцам подарим!

– Всё равно кому, – не поняла Анна Петровна, – лишь бы во дворе не было.

– А сначала его надо выучить.

– Не выдумывайте!

– Мы должны подарить, тогда все увидят, как мы взаправду любим Красную Армию. Неужели ты не понимаешь, мама?

Подобные разговоры происходили в тот вечер во всех квартирах большого дома.

Весь следующий день ребята были заняты постройкой жилища для Малыша. А пока щенок сидел в сарае, старательно укрытый от глаз взрослых.

Впрочем, о Малыше уже все знали. Он громко скулил, видимо, желая выбраться на свободу. То и дело к сараю подходил кто-нибудь из мальчиков и шептал в щёлку:

– Ничего, потерпи немножечко...

Вышла Анна Петровна и, к великому удивлению и восторгу ребят, сказала:

– И чего вы его мучаете! Выпустите! Пусть он поиграет на воле.

Так Малыш получил право на свободное жительство во дворе.

Глава вторая **Первые приключения**

Для Малыша наступили чудеснейшие дни. За всю свою, правда, ещё короткую жизнь он не имел столько благ одновременно: свободы, внимания людей, обилия пищи и питья.

Прежде чем попасть во двор дома номер двадцать четыре, Малыш побывал у троих хозяев. Его рано оторвали от матери – ненецкой лайки, которую он вскоре забыл.

Некоторое время он жил у одного колхозника, недалеко от города. Малышу была предоставлена полная свобода. Целыми днями он гонялся по тракту за проходящими автомашинами или лаял на старого добродушного Полкана, изредка вылезавшего из своей будки. Полкан относился к щенку снисходительно, как и подобает старшему, и никогда не обижал его. На ночь они вместе устраивались в конуре, и Малышу было очень тепло и удобно спать под боком старого добряка.

Впрочем, Полкан не всегда был добродушным. Иногда по ночам он стремительно выскакивал из конуры и, гремя цепью, нёсся к забору. Лаял он редко, когда это, видимо, было крайней необходимостью. Чаще Малыш слышал сквозь сон его рычание.

Неизвестно, что сулила Малышу будущая жизнь в колхозе. Может быть, хозяин надеялся, что молодой пёс заменит впоследствии Полкана.

Но однажды Малыш непростительно провинился. Он погнался за цыплёнком и, играя, задушил его. Хозяйка страшно рассердилась и больно ударила Малыша коромыслом. Малыш ускользнул от второго удара и, перепугавшись, забился в конуру к Полкану.

Два часа просидел он в этом убежище, не понимая по глупости своей вины.

Но потом хозяйка тем же коромыслом заставила его выбраться из конуры. Однако она не стала Малыша бить, а затащила в избу. Спустя несколько минут Малыш, сидя в тесной и очень неудобной корзинке для овощей, совершал путешествие в город.

Новую хозяйку звали Раечкой. Это была молодая женщина лет двадцати пяти. Она называла Малыша бесчисленными ласкательными именами, кормила его до отвала пряниками и не выпускала из комнаты. Вначале это нравилось Малышу, но скоро двадцатиметровая комната, перегруженная мебелью и цветочными горшками, надоела ему.

Родители Малыша были вольнолюбивые, сильные собаки Севера. Они никогда не жили в комнатах и не чувствовали на себе чрезмерной опеки человека. Должно быть, любовь к свободе, к тундровым просторам, к необъятности неба и заставила скучать Малыша.

Ему удалось выбраться на улицу. Конечно, вволю набегавшись, он сам возвратился бы в комнату. Но Раечка насильно унесла его домой.

После улицы комната показалась Малышу особенно невыносимой и душной. Теперь он беспрестанно скулил и царапал дверь, предусмотрительно закрытую Раечкой на задвижку.

На ласки хозяйки он озлоблялся и, подражая Полкану, ворчал. Это пугало Раечку. У Малыша были крепкие зубы, да и сам он за последнее время значительно подрос и перестал быть беспомощным щенком.

Однако его молодость и неопытность проглядывали во всём. Раечке ничего не стоило обмануть его, заманить в дальний угол и потом поспешно выскочить за дверь. Малыш бросался к двери, яростно бил в неё лапами, но всё было напрасно.

Однажды ему посчастливилось. Почтальон принёс телеграмму. Пока Раечка расписывалась в толстой книге, Малыш воспользовался тем, что

дверь осталась незапертой. Два прыжка – и он оказался за дверью. Опрометью бросился он бежать по улице и даже не слышал, как тщетно звала его огорчённая до слёз Раечка.

Свобода! Городской шум немного пугал Малыша. Но ощущение того, что ему можно бежать куда угодно, вызвало в нём величайший восторг.

Освоившись с городской сутолокой, Малыш принялся гоняться за машинами, потом попытался заигрывать с большой гладкошёрстной собакой, но тут же получил отпор.

Но больше всего ему нравилось небо, голубое, необъятное небо, которое было всюду – и вверху, и в конце длинной улицы, за крышей любого из домов. Именно небо давало ему ощущение неограниченной свободы.

Малышу нравилось мчаться по улице, заглядывать в незнакомые дворы, лаять и метаться из стороны в сторону.

Бросаясь на стаю воробьёв, Малыш не огорчался, когда они рассыпались у него из-под носа. Он делал это из озорства, развлекаясь переполохом среди испуганных птиц.

К вечеру Малыш утомился. Он не отказался бы от хорошей кости или от чашки овсяной каши. Пожалуй, он был не прочь теперь даже возвратиться в комнату, откуда самовольно бежал. Но найти дом после продолжительного блуждания по городу ему, конечно, не удалось.

Хотя родители Малыша не были комнатными собаками и очень любили свободу, всё же они жили с человеком, привыкли ему повиноваться и никогда не покидали его. Потому и Малыш, оставшись один среди притихшей, пустынной улицы, забеспокоился и загрустил.

Он заглянул в подворотню одного дома, но, встреченный ворчаньем враждебно настроенного сторожа-дворняги, поспешил удалиться.

Ничего не оставалось делать, как устроиться на ночлег прямо на улице. Он укрылся за выступом высокого крыльца и прилёг на деревянный тротуар. Крыльцо защищало его от ветра и, главное, от пыли, которую поднимал этот зловерный ветер.

Обманывать ветер Малыш научился давно, когда жил вместе со старым и мудрым Полканом. В то время, если не было дождя, он предпочитал отдыхать не в конуре, а у её стенки, с той стороны, где можно было оставаться неуязвимым для ветра.

Спал Малыш чутко, как и подобает порядочной собаке, но всё же не слышал, как к нему бесшумно из-за угла приблизился серый кудрявый комочек. Малыш проснулся от лёгкого толчка в нос. Перед ним сидела неказистая низкорослая собачонка.

Малыш вскочил, но заметив, что никакая опасность не угрожает, успокоился. Для знакомства он сам обнюхал собачонку и, убедившись в её добрых намерениях, приветливо взмахнул хвостом.

Незнакомка неторопливо побежала по тротуару, а Малыш, которому больше нечего было делать, увязался за ней.

Собачонку звали Авка. Она была по годам старушкой, но могла, не пригибаясь, проскочить между лапами Малыша.

Хозяин Авки без удивления отнёсся к появлению четвероногого гостя. Это был старик, служивший сторожем. Он никогда не спал ночью, а сидел на крыльце магазина, курил трубку и вёл бесконечные разговоры с Авкой, обвиняя её в каком-то недомыслии. Он осмотрел у нового приятеля Авки зубы и сказал:

– Малыш ещё.

Эта кличка так и осталась за щенком. А ведь раньше у него не было клички. Раечка ежедневно придумывала для него десятки имён.

Малыш вместе с Авкой мог гулять где угодно и сколько ему нравилось. Зато едой его теперь не баловали.

Через неделю сторож променял Малыша случайно проходившему Игорю Жигалову за три ученические тетради и за книгу «Дети капитана Гранта». Оба были довольны сделкой – Игорь уже по известной нам причине, старик – потому, что собирался идти к своему внуку на день рождения.

Глава третья **Прощайте, ребята!**

Малыш стал любимцем жителей всего дома. Даже взрослые нередко ласкали его и угощали лакомствами.

Только инженер Гусев, проходя в свою квартиру, всегда хмурился при виде резвящейся с ребятами молодой собаки. Человек практичный и трудолюбивый, он считал, что животные должны приносить пользу, и потому не терпел среди собак уличных пустолаек и комнатных бездельников.

– Испортят пса, – с досадой говорил он. – Будет балбесом, ни на что не способным. А хорошая собака! Отличная. Жалко...

Между тем ребята обучили Малыша «служить» и танцевать, подавать лапу и приносить брошенные палки. Они даже запрягли его однажды в тележку. К всеобщему ликованию, Малыш потащил маленькую повозку по двору, но потом вырвался из верёвочной упряжки и впоследствии упорно отказывался от подобных затей.

Но лето заканчивалось, заканчивались и каникулы. Ребята отправились в школу, а самые маленькие почти не выходили во двор, потому что становилось холодно и часто лил дождь.

Целый месяц Малыш скучал. Правда, Игорь не забывал о нём. У Малыша не было недостатка в пище. Часто ему перепали и лакомства. Но Игорь подолгу был занят в школе, и отсутствие ребят крайне удивляло Малыша.

В семье Жигаловых частенько бывал знакомый старший лейтенант Горяев. Ему и рассказал Игорь о том, что хочет подарить Малыша красноармейцам.

Старший лейтенант обещал поговорить об этом в воинской части.

– Он умеет служить и подаёт лапу, – расхваливал достоинства своего питомца Игорь.

Горяев улыбался:

– Для служебной собаки это не нужно.

Перед Октябрьскими праздниками во двор пришёл незнакомый лейтенант в сопровождении красноармейца.

Был выходной день. Малыш очень радовался, что двор снова наполнился его друзьями. Он метался по двору за мячом и делал вид, что злится, тщетно пытаясь ухватить его зубами.

Весь двор был усыпан листвой тополей. После дождя земля отмякла, и бегать по ней было легко и приятно.

– Здравствуйте! – громко сказал лейтенант.

Ребята моментально окружили его. Обиженный невниманием, Малыш присел и равнодушно смотрел на незнакомых людей в военной форме.

– Ну, друзья, кто же хозяин собаки? – спросил лейтенант.

Игорь выступил вперёд.

Лейтенант объяснил, что явился за собакой.

– Сейчас мы, кстати, производим набор.

Видимо, лейтенанту приходилось часто иметь дело с собаками. Он смело взял Малыша за передние лапы, ощупал мускулы, потом раздвинул челюсти, осмотрел зубы, глаза и уши.

– Подойдёт, – спокойно сказал он, похлопав Малыша по спине.

Лейтенант зашёл в квартиру к Жигаловым и осведомился у отца Игоря, не протестует ли он против намерения сына.

– Если пожелаете, вам будет оплачено...

– Нет, нет, – возразил отец. – Это подарок от ребят всего дома. Вы только напишите, как будет поживать Малыш в новой обстановке.

Лейтенант поблагодарил, извинился и приложил руку к козырьку.

Малышу надели ошейник с поводком, и красноармеец повёл его за собой.

Даже взрослые вышли на улицу, чтобы пожелать Малышу счастливой жизни. А ребята толпой провожали своего любимца и прошли вместе с лейтенантом и красноармейцем несколько кварталов.

На прощанье лейтенант всем им пожал руки, а Игорю пообещал написать письмо.

Глава четвёртая

Новый хозяин

Товарный вагон был наполовину загружен ящиками, мешками и железными кроватями. В приоткрытую дверь с платформы пробивался свет от огромного фонаря. Ветер покачивал фонарь, и полоса света перемещалась из стороны в сторону.

Малыш сидел, привязанный к ножке кровати.

Когда паровоз рванул состав и пол чувствительно заколебался под лапами, Малыш взвизгнул и попытался выпрыгнуть на платформу. Но привязь удержала его.

Он жалобно заскулил, увидев, как мимо понеслись постройки, телеграфные столбы, кустарники.

Но удивительное дело! Красноармеец-вожатый не выразил ни малейшего волнения. Это успокоило Малыша. Он давно уже привык

улавливать внутреннее состояние человека. Движение, голос и особенно взгляд – всё Малыш чувствовал очень остро, и это руководило его поступками.

Кроме Малыша, в вагоне было ещё три собаки.

Флегматичный эрдель даже глазом не моргнул, когда поезд тронулся. На других собак он не обращал ни малейшего внимания. Зато молодая овчарка, заметив Малыша, моментально вцепилась ему в бок.

Нападение было неожиданным. Малыш завизжал, отступил и приготовился к защите. Шерсть поднялась на нём, зубы ощерились. Неопытный, он выглядел смешным в воинственном пылу. Но вожатый не допустил драки, ударив ремнём обидчицу.

К третьему своему четвероногому спутнику Малыш сразу почувствовал явное расположение и симпатию. Это был чудесный пёс с ослепительно белой шерстью, со стоячими ушами и хвостом калачиком. Он отзывался на кличку Снежок, был приветлив и добродушен, хотя в глазах его сверкала какая-то хитринка.

Овчарка презрительно поглядывала и на Снежка, может быть, потому, что у него так легкомысленно закручивался в колечко пушистый хвост.

Едва Малыш успел освоиться с дорожной обстановкой, с толчками и покачиванием, как путешествие закончилось.

Вожатый вывел Малыша и Снежка одновременно и на станции передал их другому вожатому.

– Вот, Анисимов, твои новые питомцы! – сказал он.

Анисимов погладил собак и весело сказал:

– Кажется, добрые собаки. Ну, друзья, вперёд!

Собаки молча повиновались. Они впервые слышали и не понимали команду «вперёд», но почувствовали жест нового хозяина.

Идти пришлось километра два. Потом Анисимов провёл их через тускло освещённый коридор проходной будки, и они оказались во дворе. Анисимов ввёл их в маленькую тёмную комнату, угостил сушёной рыбой и галетами и оставил одних, не забыв прежде погладить.

Малыш проголодался и моментально проглотил свою порцию. Затем он обследовал всё помещение.

В углу он нашёл войлочную подстилку и улёгся. Рядом пристроился Снежок.

Утром обнаружилось, что в двери имеется небольшое застеклённое окно. Света уже было достаточно, чтобы хорошо рассмотреть жилище, в котором спали Малыш и Снежок. Это помещение было значительно меньше Раечкиной комнаты, но несравнимо выше и просторнее конуры Полкана.

Малыш поднялся и сладко потянулся, выкинув передние лапы вперёд и почти касаясь животом пола. Потревоженный Снежок недовольно заворчал, но, заметив Малыша, снова закрыл глаза и спокойно продолжал спать. Тем временем Малыш обнюхал стены. Обоняние дополняло ему всё то, чего он не мог увидеть. Например, Малыш не видел других собак, но легко определил, что они здесь были недавно. Он также чувствовал, что собаки где-то поблизости.

Он не ошибся. Послышался лай, звонкий, призывный. В другой стороне на призыв собрата прозвучал отрывисто и сердито бас какого-то, должно быть, огромного пса.

Малыш поспешил сообщить и о себе, отозвавшись продолжительным лаем.

Он не чувствовал голода, но закрытая дверь возмущала его, поэтому он продолжал лаять, требуя свободы.

Вскоре пришёл Анисимов.

– Ну, чего расшумелся? – спросил он, потрепав Малыша по шее. – Хватит, поветрогонили. Пора за науки приниматься.

Малыш заскулил. И Анисимов, словно поняв собачью просьбу, сказал:

– Гулять, говоришь? Сейчас пойдём.

Вожатый Анисимов хорошо знал собачью натуру. Он родился и вырос на Севере и много лет, ещё до службы в армии, имел дело с собаками, работая каюром.

Подобно старым каюрам, он верил в разум собаки, и споры других солдат о том, «умеет ли думать собака», его удивляли. В этом Анисимов даже никогда не сомневался. В своей жизни он видел много замечательных поступков собак, поступков, которые, по его мнению, невозможно было совершить без разума.

Вот и сейчас Анисимов легко понял, чего хотел Малыш. Через минуту он вывел Малыша и Снежка во двор.

Этот двор был, по крайней мере, раз в десять больше того, где жил Малыш последнее время.

Тут уже было много собак, которых водили на сворках другие вожатые. Никогда ещё Малышу не приходилось видеть так много своих братьев одновременно.

Но странно! Малыш да несколько других собак имели какую-то непонятную привилегию. Они получили полную свободу и могли разгуливать по всему двору. Остальные собаки, в том числе и Снежок, гуляли на поводке со своими вожатыми.

Малыш не имел ни малейшего представления о дисциплине и о многих порядках и правилах, какие существовали в подразделении служебных собак. А ведь именно одно из этих правил освобождало его и других молодых собак, не достигших восьмимесячного возраста, от ошейника, поводка и дрессировки.

Хотя все вожатые были одеты одинаково, в обычную военную форму, Малыш без труда находил среди них Анисимова. Время от времени Малыш подбегал к нему и, покружившись и попрыгав вокруг вожатого и Снежка, снова мчался в другой угол двора.

Потом Малыша водили на осмотр. Ветеринарный врач прощупывал у собак-новичков мускулатуру, осматривал кожу, глаза, уши и зубы и проверял пульс.

После осмотра Малыша он удовлетворённо сказал:

– Отличная собака.

Глава пятая

Малыш получает специальность

Так Малыш стал служебной собакой.

У каждой служебной собаки есть своя специальность.

Есть собаки-пограничники, связисты, подносчики патронов, санитары.

Под ожесточённым пулемётным и миномётным обстрелом бегут и иногда ползут четвероногие связные и доставляют приказания и донесения. На поле боя собаки разыскивают раненых и сообщают о них санитарам.

Малыш – выносливый северянин – был зачислен в подразделение ездовых собак.

Прошло два месяца. Зима стояла дружная, ровная, без оттепелей и без сильных морозов.

Малыш стал совсем взрослым. Мускулы его окрепли. Пропали неуклюжесть и беспричинная щенячья восторженность. Шерсть лежала густая, с красивым переливом оттенков. Широкая белая грудь таила приобретённую с возрастом силу.

Однажды Анисимов не пришёл в будку в обычный для кормления час. Это очень удивило Малыша. За два месяца он привык получать свою ежедневную норму в установленное время. Но прошло два часа, а вожатый всё не появлялся, и Малыш стал проявлять признаки беспокойства. Он не был голоден и мог бы терпеть ещё очень долго без пищи, но сказывалась сила привычки.

Ещё более удивительным было то, что Анисимов пришёл, но кормить не стал. Он вывел Малыша во двор и не отпустил, как обычно.

Во дворе их ждал другой вожатый, Ильинский.

Ильинский взял Малыша за ошейник, а Анисимов достал из сумки кусочек вяленого мяса и отбежал далеко к забору.

– Малыш, ко мне! – крикнул Анисимов, держа на виду мясо.

Ильинский отпустил Малыша, и тот немедленно бросился к лакомству, которое сразу же и получил.

– Хорошо, – ласково сказал Анисимов, оглаживая собаку.

Но кусочек мяса был слишком мал для необычайно возросшего аппетита. Малыш просительно заскулил. В этот момент он услышал свою кличку. Звал Ильинский, – и теперь он тоже держал в руке кусочек мяса.

– Малыш, ко мне!

Второй раз услышал Малыш эти короткие слова – «ко мне», произносимые повелительно.

Анисимов подтолкнул Малыша, направив его в сторону Ильинского.

– Ко мне! – повторил Ильинский, и Малыш побежал на зов.

Кусочек мяса, похвала «хорошо!» и ласка были поощрением.

«Ко мне!» – эту твёрдую, повелительную команду Малыш слышал сегодня несколько раз. И хотя ему уже не показывали мяса, он всё же бежал. Он видел, что вожатый был особенно доволен, когда команда выполнялась быстро и старательно. Малыш любил и уважал Анисимова и потому всячески

добивался его ласки, его доброго слова. И Малышу было приятно сейчас видеть довольного и улыбающегося вожатого.

После учёбы Малыш получил обильный корм.

Он насытился и прилёг на подстилку. Он наслаждался отдыхом. И даже когда Анисимов вышел, намеренно оставив дверь открытой, Малыш не пошевелился. Так хорошо было лежать, вытянув передние лапы и положив на них морду. Он закрыл глаза, и сладкая дрёма охватила его. И вдруг он услышал:

– Малыш, ко мне!

Он вскочил и в ту же секунду уже мчался по двору к своему вожатому. Его влекла могучая сила воли человека, и ничто сейчас не могло бы его остановить или заставить повернуть в сторону.

Сияющий встретил его Анисимов.

С этого дня началась регулярная учёба.

Малыш легко поддавался дрессировке, и это очень радовало Анисимова.

– Вперёд! – говорил вожатый.

Малыш срывался с места, и Анисимов едва поспевал за ним.

Малыш научился по команде ложиться и ползать. В искусстве ползать ему позавидовал бы самый ловкий пластун. Вытянувшись на снегу, энергично действуя лапами и извиваясь, собака передвигалась необычайно быстро.

Когда молодой пёс постиг эти премудрости, Анисимов повёл его на стрельбище.

Первый винтовочный выстрел испугал Малыша, но вожатый успокоил его ободряющим словом, погладил и дал мяса. Спокойный вид вожатого, как всегда, благотворно действовал на собаку. Вскоре Малыш настолько привык к стрельбе, что не обращал внимания даже на станковый пулемёт, установленный рядом и бьющий длинными оглушительными очередями.

Приближалась весна. Анисимов торопился с обучением Малыша.

Однажды он вывел Малыша из будки. У самой двери лежали четыре собаки, и среди них был Снежок. Тут же стояли лёгкие санки-нарты. То была собачья упряжка.

По команде собаки вскочили. Анисимов сел на нарты и крикнул:

– Вперёд!

Собаки легко тронули с места нарты и побежали. Малыш со звонким лаем устремился за ними. Так они сделали несколько кругов по двору.

А на следующий день Малыш сам был запряжён в сани. Он попытался освободиться от потяга, рванулся в сторону и опрокинул нарты. Потом он лёг на снег и жалобно заскулил.

Однако Анисимов был настойчив. Когда нарты были установлены и Малыш повторил свою уловку, вожатый рассердился. Впрочем, он не кричал и не ударил ленивца. Он только сказал: «Фу!»

А этого было вполне достаточно. Сконфуженный Малыш понял, что вожатый им крайне недоволен. Пришлось повиноваться. Он нехотя побежал вперёд.

Спустя несколько дней Анисимов включил Малыша в большую упряжку. Начались ежедневные тренировочные выезды. И с каждым днём расстояние, пробегаемое собаками, увеличивалось.

Весна наступала неудержимо. Под крышами в бесчисленных сосульках горело солнце. И множество воронок от весенней капли окружало дома и собачьи будки.

В подразделении ездовых собак давно предполагалось провести учебно-тренировочный переход.

Пять упряжек участвовало в переходе. Малыш шёл в упряжке со Снежком. Он уже вполне освоился с работой и старался тянуть изо всех сил. С тех пор как Малыша стали запрягать, у него появилось больше солидности и собачьего достоинства. Он чувствовал, что выполняет особенно полезное для Анисимова дело. И работал усердно и с желанием.

Глава шестая

На фронт

Весь май ездовые собаки оставались без дела. Анисимов, Ильинский и другие вожатые были заняты постройкой маленьких лодочек-волокуш для упряжек.

Обычно в полдень Анисимов открывал наружную дверь будки. Через вторую решётчатую дверь собакам был виден весь двор.

Снежок спокойно лежал, а Малыш принимался лаять. Тогда опять приходил вожатый и строгим тоном произносил слово запрета. Подавать голос днём собакам запрещалось: это отвлекало других собак – связных, санитарных и караульных – от учёбы.

Малыш скучал. Он предпочитал двигаться в упряжке, тянуть нарты с полным грузом, чем сидеть взаперти, за ненавистой деревянной решёткой. Да что там, предпочитал. Отдохнув после перехода, Малыш во время прогулок всюду искал и вынюхивал следы от полозьев. Он искал нарты, хотел мчаться в строю собак по просторам заснеженных полей под большим чашеобразным небом.

Июнь чередовал дождливые и солнечные дни. Погода никак не могла установиться.

В воскресенье Анисимов явился какой-то необычный, взволнованный. И его взволнованность и беспокойство Малыш почувствовал и воспринял немедленно.

Потом пришёл Ильинский. Вожатые очень долго стояли около будки и разговаривали, забыв о собаках. Они говорили о начавшейся войне, о том, чего не знали и не понимали Малыш и Снежок.

Потом начались сборы. Но с места подразделение снялось лишь осенью. Потянулись скучнейшие дни жизни в закрытом товарном вагоне. Состав подолгу стоял на полустанках, в тупиках, среди множества железнодорожных путей и разнообразных вагонов.

Мимо проходили воинские эшелоны. На платформах везли танки и орудия, накрытые брезентом, похожие на невиданных огромных животных.

Затем, после длительного путешествия в вагоне, ездовые собаки целых два месяца жили на окраине какой-то большой деревни, в огромной заброшенной конюшне.

Уже выпал снег. Первый снег взволновал Малыша. Выпущенный из конюшни, Малыш неторопливо побежал по дороге, приносиваясь к бесчисленным следам.

А через неделю Анисимов пришёл в конюшню весёлый и возбуждённый.

– Ну вот, теперь и науки кончились, – сказал он. – Теперь работа будет.

Собак запрягли не в нарты, а в особые лыжные установки с санитарными носилками. Малыш по-прежнему бежал позади Снежка. В голове упряжки место вожака занимала Юнта – немолодая, но подвижная, опытная и на редкость усердная лайка. За Малышом следовал Жук, серебристо-чёрный пёс с бодовым характером.

Вволю отдохнувшие собаки легко понесли установку, так что Анисимов едва поспевал за ними на своих ещё не обкатанных лыжах.

Упряжки мчались, растянувшись по дороге длинным поездом. Они приближались к фронту.

Глава седьмая **Раненый спасён**

Рано утром послышался отдалённый грохот. Малыш вскочил и заметался. Вскочили и другие собаки.

– Ложись! – приказал Анисимов.

Перед наступлением наши артиллеристы начали обстрел немецких позиций.

В землянке ещё было совсем темно. Лишь вверху повис блёклый квадратик единственного окошка.

Малыш покорно лёг. Смутное предчувствие необычайного тревожило его. Непонятный гул нарастал.

И вдруг всё стихло. Только издалека доносились пулемётные очереди, хорошо знакомые подготовленным собакам.

Потом снова загрохотали орудия. Землянка вздрагивала, стекло в окошке дребезжало, раздражая Малыша. Вожатые уходили и приходили, успокаивали собак, шептались между собой.

Зашёл командир подразделения старший лейтенант Федулов, осмотрел собак и, уходя, сказал:

– Быть готовыми!

– Есть быть готовыми! – вместе ответили вожатые.

Никогда ещё Малыш не видел людей такими сосредоточенными. Он не знал, что такое бой, но чувствовал, что от него сегодня потребуются напряжение, сила и верность. Иначе, зачем так особенно внимательны к нему

и к другим собакам все бойцы? Иначе, почему так ободряюще звучит голос Анисимова?

Все были полны ожидания: и вожатые, и собаки.

Снова явился старший лейтенант. Он, видимо, спешил и даже не зашёл в землянку, а лишь открыл дверь и приказал:

– Товарищ Рыбалко, подготовить три упряжки.

Командир отделения сержант Рыбалко подчёркнуто спокойно назвал фамилии:

– Анисимов, Фирсов, Ильинский...

Когда упряжки были подготовлены и тронулись в путь, бой уже затихал. Где-то очень далеко слышался неясный шум, похожий на движение тракторов.

По мере того как упряжки приближались к передовой, выстрелы и пулемётные очереди становились громче, отчётливее. Но стрельба нисколько не смутила собак. Юнта была опытная фронтовичка, а Малыш, Снежок и Жук привыкли к выстрелам ещё в дни учёбы.

Собаки легко тащили по накатанной дороге лыжную установку. Дорогу плотно обступал хвойный заснеженный лес. Перед выходом на опушку упряжки остановились.

Из леса санитары осторожно вынесли раненого бойца. Его бережно уложили на носилки лыжной установки. Затем принесли второго раненого и затем – третьего.

Упряжки тронулись в обратный путь. Впереди шёл сержант Рыбалко. Вожатые двигались за установками, заботливо придерживая их на спусках.

Раненые стонали. И собаки, словно чувствуя их страдания, тащили установки осторожно, ровно, без рывков.

В этот день упряжки сделали два рейса с передовой до госпиталя. На следующий день наступление продолжалось и работы для упряжек стало больше. К концу дня Анисимов получил приказание выйти с упряжкой на поле боя.

Только что отбили ожесточённую контратаку немцев. Противник отступил и, видимо, готовился повторить удар.

На поле остались раненые бойцы. Вскоре все они были подобраны санитарями. И только один солдат не был вынесен с поля боя. Он лежал в небольшой ложинке, тяжело раненный осколком в голову. Но даже приблизиться к нему санитарам не удалось. А все знали, что он жив. И кроме того, знали, что пулемётчик Васильев совершил героический поступок.

...С ручным пулемётом Васильев выдвинулся вперёд и выбрал удобное место для ячейки. Он лежал, низко пригнув голову, и наблюдал за полем боя. Ветер дул ему в лицо, срывал с бруствера ячейки колючую снежную пыль.

Васильев знал, что немцы вот-вот должны появиться на гребне возвышенности за ложинкой. Пусть попытаются!

Ожидать долго не пришлось. Гитлеровцы словно выросли на гребне и, пригибаясь и ведя бешеный огонь из автоматов, бросились вперёд.

Васильев быстро осмотрелся и дал очередь.

Он бил наверняка. Немцы ринулись к нему. Но уже слышались сливающиеся в общий треск выстрелы наших пехотинцев.

А потом немцы побежали назад. Васильев поднялся и, преследуя их, на ходу бил из пулемёта. Он упал, раненный осколком мины, и ещё лёжа стрелял.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал Анисимов, – разрешите мне.

Командир подразделения испытующе взглянул на вожатого.

– Надо попытаться. Идите слева, вон от той ёлки. Но берегите собак. Без них пропадёте.

Анисимов кустарниками вывел упряжку к высокой ёлке.

– Вперёд! – прошептал он и побежал, низко пригибаясь к земле.

Собаки побежали за ним.

Глубокий снег был истоптан тысячами следов. Малыш чувствовал горький запах пороха и копоти. Он на бегу лизнул почерневший снег и фыркнул.

Вдруг на немецкой стороне длинной очередью застучал пулемёт.

– Ложись! – падая, крикнул Анисимов.

Малыш с прыжка лёг на снег. Он видел, как Юнта, прижав уши, поползла. Потяг натянулся. Пополз Снежок. Извиваясь и зарываясь в снег, Малыш двинулся за ним.

Затаив дыхание, красноармейцы следили за упряжкой.

Выждав момент, Анисимов вскочил и успел пробежать метров пятнадцать. Стремительно рванулась за ним Юнта. Собаки догнали вожатого и снова легли.

Опять на вражеской стороне злобно затакал пулемёт. Анисимов больше не поднимался. Он полз впереди упряжки.

Пули взвизгивали и ворошили снег. Сейчас Анисимовым владела одна мысль – добраться до лоцинки, где лежал Васильев.

Добраться во что бы то ни стало!

В это время пулемётные очереди слышались с нашей стороны. Поддержка оказалась кстати. Анисимов пополз к маленькой высотке. Теперь пули не могли задеть его. Едва заметный пригорок всё же был надёжным укрытием.

Анисимов даже приподнялся и пополз на четвереньках. Собаки всё ещё ползли, несколько отстав от вожатого. Но как только упряжка оказалась укрытой от обстрела, Юнта вскочила.

В момент упряжка была возле вожатого.

– Милые! – прошептал Анисимов.

Пока они были в безопасности.

Анисимов нашёл Васильева лежащим без сознания. Одной рукой он держался за шейку пулемётного приклада. Около головы снег был красным от крови.

Вытащив из волокуши два индивидуальных пакета, Анисимов покрыл голову Васильева толстым слоем бинтов. Положить раненого в волокушу оказалось нелегко.

Но вот бесчувственный, бледный Васильев лежит в лодочке. Вожатый, стоя на коленях, оглаживает собак. А пулемёты бьют и бьют.

– Ну, тронулись, дорогие! Вперёд!

И снова поползли вожатый и собаки.

Теперь тащить волокушу было несравнимо тяжелее. Нос лодочки зарывался в снег и тормозил. Между тем упряжка достигла открытого места, и пули снова назойливо запели над вожатым, над собаками и над волокушей.

Полностью доверив управление Юнте, Анисимов полз сзади, подталкивая и поддерживая волокушу.

Малыш напрягал все силы. Увлекаемый примером Юнты, он рвался за ней и приходил в ярость, когда волокуша застревала и потяг удерживал собак. Выбрасывая лапы вперёд, Малыш отчаянно цеплялся за снежный наст. Пули своим пронзительным визгом бесили его. В тот момент, когда Малыш чуть приподнялся, одна из них обожгла его спину, и он почувствовал в этих невидимых кусочках металла смертельных врагов.

О подвиге анисимовской упряжки стало известно во всей дивизии. В армейской газете была напечатана заметка «Вожатый Анисимов и его собаки». В заметке упоминались и Юнта, и Малыш, и Снежок, и Жук.

Потом приехал генерал и вручил Анисимову медаль «За отвагу».

Появление упряжки всюду приветствовали.

– Анисимов едет! – кричали бойцы, издали заметив собак.

– Товарищ Анисимов, которая у тебя Юнта?

– Вот так Малыш! – восторгались бойцы. – Такой Малыш волку спуска не даст.

– Нипочем не даст, – соглашались другие.

Когда Анисимов готовил волокушу, чтобы отправиться на переднюю линию, к упряжке подошёл боец и спросил:

– А что, товарищ, на Центральном вам не приходилось бывать?

– Не бывал, – ответил вожатый.

Солдат погладил Малыша.

– Вот такой же пёсик был в упряжке, что меня из-под огня раненого вывез. От верной смерти спасли. Имечко только не знаю. Очень похож...

Он достал из мешка кусок сыру и, разрезав его на четыре части, дал собакам.

Глава восьмая

Патроны доставлены вовремя

Теперь Анисимов ежедневно выводил свою упряжку на поле боя. Сражения на этом участке длились уже вторую неделю. Даже по ночам не прекращалась стрельба. В густую черноту неба врезались хвостатые разноцветные ракеты.

Пядь за пядью, высоту за высотой, деревню за деревней отбивали наши войска у врага.

Малыш привык к разрывам мин и снарядов. При взрыве он мгновенно прикивал к земле, чутко вслушиваясь в медлительный посвист

смертоносного металла. Он не ждал команды «ползи», сам инстинктивно чувствуя опасность. У опытной Юнты он научился выбирать в пути укрытия – бугры и ложбинки, воронки от снарядов и оставленные пехотинцами стрелковые ячейки.

Ранним утром стрелковая рота начала наступление на небольшую деревушку, расположенную на высоком берегу озера. Пулемётный расчёт сержанта Русакова находился на левом фланге и поддерживал огнём наступление.

Меняя огневые позиции, пулемётчики скрытно продвигались по берегу. На лёд выйти было невозможно. Всё озеро простреливалось вражескими пулемётами.

Остервенело били немецкие миномёты и задерживали наступление стрелковой роты. Полоса разрывов мин стала, словно стена, перед советскими пехотинцами. Неожиданно немцы на левом фланге перешли в контратаку. Они тоже использовали кустарники и складки на берегу озера. Стойко сражался расчёт сержанта Русакова.

Но немцы наседали. У Русакова в кожухе пулемёта вскипела вода. Позади, за огневой позицией, в укрытии метался в бреду тяжелораненый ефрейтор Бочаров – первый номер. Командир отделения сержант Русаков сам лежал у пулемёта.

«Выстоять!» – одна мысль владела в этот момент сержантом. В окаменевшем лице, в слитых с рукоятками пулемёта руках, во всём напряжении тела было одно: выстоять! Разве не об этом же думал сейчас и второй номер пулемётного расчёта!

Но патроны были на исходе. И это означало приближение конца.

Пулемётная лента судорожно гнала патроны в приёмник. И каждый патрон словно отсчитывал дольку оставшейся жизни.

Должно быть, подносчик Семёнов, отправившийся на патронный пункт, погиб.

Оставалась одна, последняя лента. Русаков – фронтовик с первых дней войны – хорошо знал цену последней ленты, последней винтовочной обоймы, последнего пистолетного патрона.

Фашисты надолго залегли. Они выжидали того тягчайшего для советских пулемётчиков момента, когда прогремит последний выстрел. Они старались вызвать напрасный огонь. Но Русаков был опытным пулемётчиком. Он рассчитывал и берёг каждый патрон.

Между тем, когда пулемётный расчёт Русакова отбивался от разъярённых фашистов, патроноподносчик Семёнов подползал к патронному пункту. Он попал в полосу миномётного огня. Осколки расплосовали его ватированную куртку. Широкий след крови тянулся далеко позади. Кровь заливала валенок, набухло кровью бельё. А Семёнов полз и полз. С каждой минутой он всё больше ослабевал. На мгновение он потерял сознание. Но сразу же очнулся, даже приподнялся, пытаясь вскочить на ноги. Острая боль в ноге и слабость от потери крови уложили его на снег.

В этот момент его заметили.

– Скорее патроны расчёту! – прошептал он.

И вот впервые на волокушу упряжки Анисимова были уложены плоские коробки с пулемётными лентами.

Собаки стремительно пронеслись через открытое поле и оказались на берегу озера. Низко пригибаясь, укрываясь за кустарниками, Анисимов бежал впереди упряжки. Лыжи ежеминутно натывались на кочки. Вожатый сбросил лыжи и, проваливаясь по колено в снежные сугробы и задыхаясь, продолжал бежать.

Волокуша прыгала на кочках, громящая наскоро уложенными коробками.

Анисимова поразила тишина. Неужели пулемётчики погибли?

Он побежал ещё быстрее. Неожиданно слева дробно застучал пулемёт. Пули просвистели совсем близко от упряжки.

Анисимов упал. Приникли к земле и собаки.

– Сюда! – услышал Анисимов.

Только сейчас он заметил пулемётчиков. Длинная пулемётная очередь нарушила тишину. Это Русаков, узнавший о привезённых патронах, вне себя от радости, погнался без перерыва остатки теперь уже не последней ленты.

Немцы попытались пойти в атаку на огневую позицию станкового пулемёта, но не выдержали огня и снова залегли.

– Попробовали! – злорадно закричал Русаков. – Рано радовались!

Собаки лежали в кустах, пережидая, когда вожатый позовёт их в обратный путь. Малыш слизывал с веток чистый затвердевший снег. Несмотря на стрельбу, он чувствовал себя спокойно.

Прошло минут двадцать, может быть, полчаса.

Вдруг справа на озере раздалось раскатистое «ура».

– Ура-а! – закричал Русаков.

Немцы побежали. И снова над озером, над берегом и лесами рассыпался горох длинной очереди русаковского пулемёта.

Анисимов видел, как бойцы, преодолев по льду озеро, занимали деревню. Сильный ветер дул на озеро, и трескотня пулемётов, винтовок и автоматов была едва уловимой.

Сержант Русаков всё ещё лежал у пулемёта. Немцы поспешно и далеко отошли, боясь остаться отрезанными от своей роты, выбитой из деревни.

Наконец сержант поднялся и вздохнул:

– Всё!

Потом он подошёл к упряжке.

– Спасли, дорогие мои, – проговорил он и обхватил Юнту. Потом прижал к себе Малыша, потрянул ему лапу и чмокнул в нос.

Малыш удивлённо смотрел на сержанта, ласково гладившего собак.

– Ещё три минутки – и патроны закончились бы!

Сержант лёг на снег, усталый, с серым от копоти лицом.

Тем временем Анисимов с помощью другого солдата уложили раненого ефрейтора на волокушу.

Собаки вскочили.

– Ложись! – приказал Анисимов. – Нужно перекурить.

Он достал коробку с табаком. Предложил сержанту. Все вместе закурили. И казалось, люди присели лишь для того, чтобы отдохнуть после длительного перехода, как будто и не было тех минут, когда смерть висела над их головами. Только окровавленный снег, кучи почерневших гильз да несколько трупов немцев вдали напоминали о бое.

Потом Анисимов встал, накинул на плечо лямку от лыжной установки с пулемётом и крикнул собакам:

– Вперёд!

Глава девятая

Вожак

На поле боя от шальной пули погибла Юнта. Это была большая потеря в подразделении.

Место вожака в упряжке занял Малыш. В новой должности он повёл себя уверенно, по-хозяйски деловито. Если Юнта влияла на других собак своим примером и прилежанием, то новый вожак сразу же проявил требовательность. Он недовольно ворчал, когда упряжка задерживалась в пути. Сам Малыш всегда тянул лодочку с таким усердием, что остальным собакам невольно приходилось следовать его примеру.

Но новый член упряжки Тобик не отличался трудолюбием. Он мог в пути неожиданно рвануться в сторону, чтобы облаять встречную машину или совершить ещё какой-нибудь недопустимый проступок. Он не любил ползать и часто не слушался вожатого.

Словом, Тобик оказался недисциплинированной собакой. А не следует забывать, что он находился в подразделении ездовых военных собак, где дисциплина превыше всего. Поэтому послушание Тобика, конечно, не оставалось безнаказанным.

Однажды Малыш изрядно потрепал Тобика, когда тот попытался сорваться с потяга, чтобы схватить перебежавшего дорогу шального зайца. По его вине волокуша чуть было не перевернулась.

Анисимов никогда не позволял собакам драться. Но на этот раз он ни слова не сказал Малышу. Слишком недостойным было поведение Тобика.

Однако Тобик не исправлялся, и Анисимов доложил командиру подразделения. Командир обещал дать замену.

Между тем из-за недисциплинированности Тобика Малыш нервничал. Тобик, кроме всего прочего, оказался задирой. Однажды он набросился на Жука и в клочья разорвал его маскировочный халат.

Малыш и Снежок вступились за товарища. Только вмешательство Анисимова спасло забияку от расправы.

Вожатый ожидал, когда Тобик будет заменён. Очевидно, его нужно было использовать на другом деле. Ленивый, злой, для работы в упряжке он не годился.

Но вскоре Тобик за свою недисциплинированность дорого поплатился. Упряжка вывозила раненых с поля боя. Попав под миномётный обстрел, собаки по команде вожатого залегли и зарылись в снег. Лишь Тобик продолжал прыгать, стараясь сорвать потяг.

– Ложись! – снова приказал Анисимов.

Тобик прилёг и с яростью начал зубами рвать ремень. Потом он внезапно вскочил. В этот момент взрыв мины сбил его. Один осколок попал ему в голову. Была перебита также задняя лапа. Тобик отчаянно визжал. Он попробовал привстать, но тут же свалился.

Хотя Тобик и был нарушителем дисциплины, всё же Анисимов искренне жалел его.

– Из-за баловства пропал, – сокрушённо сказал он, передавая Тобика ветеринарному врачу. – У других собак даже царапинки нет.

Несколько дней в упряжке работали три собаки, затем вожатый привёл Шарика.

Шарик – простодушный, неказистый дворняга – в упряжке, вопреки всяким ожиданиям, показывал необычайные способности. Он был хорошо выдрессирован, умело ползал и тянул волокушу изо всех сил.

– Клад – не собака, – хвалил Шарика Анисимов. – Быть бы ему вожакom, если бы не Малыш. А смотрите, какой невидный!

Глава десятая

В тыл врага

Маленький отряд из трёх собачьих упряжек отправился в далёкий и опасный путь. Нужно было пройти свыше двухсот километров и доставить боеприпасы подразделению, действующему во вражеском тылу.

Лодочки снова были заменены нартами.

Впереди шла упряжка Анисимова. Теперь в подразделении как-то само собой определилось, что Малыш – наиболее опытный и надёжный вожак.

По этим дорогам, вернее по этому бездорожью, не пробралась бы самая выносливая лошадь. Недаром трудное задание было возложено на собачьи упряжки.

Линию фронта переходили глубокой ночью, совершив далёкий обход немецких позиций и гарнизонов.

Казалось, собаки плыли в снежных сугробах. Иногда из рыхлого снега были видны лишь одни их головы. Когда удавалось вырваться из глубокого снега, собаки встряхивались и поднимали облака снежной пыли. Потом появились заросли кустарников, кочки – всё, что могло затруднить движение упряжек.

Вожатые шли на лыжах, но и на их долю доставалось немало тягот и лишений. И хотя Анисимов был выносливым человеком и бывалым вожатым, он в первый же день понял, что путь будет труднее, чем предполагали в подразделении.

Впрочем, вожатые не унывали и, конечно, не жаловались. Настоящие трудности были ещё впереди.

Первый привал был коротким. Остановились только, чтобы утолить голод. Спустя час упряжки уже продолжали путь.

Лишь к вечеру второго дня Анисимов отдал приказание остановиться. Укрывшись в густом лесу, экспедиция расположилась на длительный отдых.

Разводить костёр было нельзя, а потому ужин бойцов состоял из сухого пайка.

Собаки по привычке зарылись в снег. Освобождённые от потяга, усталые, они не отходили от нарт.

Бойцы дежурили поочерёдно. В лесу было тихо. Снег на деревьях отяжелел, и иногда целые глыбы его срывались и шумно падали вниз.

Ночёвка на снегу под открытым небом была для Малыша привычной. Утомлённый, он спал спокойно, но чутко. Когда Анисимов приподнялся и тихо заговорил с дежурившим Ильинским, Малыш тотчас вскочил.

Рассвет был ещё таким слабым, что даже близкие деревья не приобрели чётких очертаний.

Не нарушая лесной тишины, упряжки снова пустились в путь. Медлительный рассвет ещё более задерживался сплошной облачностью. Посыпался мягкий снег.

В полдень экспедиция переправилась через речку. У берегов её на льду выступила вода, и собаки изрядно вымокли и выбились из сил, вытаскивая отягощённые грузом нарты. Но отдыхать было нельзя. Недалеко раскинулась деревня. Пришлось её обходить, чтобы остаться необнаруженными.

Лесные рощи чередовались с широкими полянами. Приходилось проявлять особенную осторожность. Впереди шёл дозорный, он то и дело останавливался и подавал сигнал старшему вожатому: «Путь свободен».

– Малыш, вперёд! – командовал Анисимов.

Так медленно, далеко обходя деревни, пробирались упряжки к своей цели.

Конечно, ни Малыш, ни другие собаки не знали всего о той опасности, какая могла им встретиться каждую минуту. Но движение впереди дозорного, разговор вожатых вполголоса и часто упоминаемое слово «немец» – всё это заставляло собак держаться настороженно и очень послушно.

В назначенный день экспедиция достигла условленного места. Неизвестно откуда появился лейтенант с двумя бойцами.

Анисимов передал лейтенанту пакет. Боеприпасы были выгружены в лесу, в укромном месте.

Трёхдневный переход утомил людей. А впереди им ещё предстоял не менее трудный обратный путь. Но задание было выполнено, и потому вожатые чувствовали себя превосходно.

Настроение людей передавалось собакам, хотя, несмотря на привычку к переходам и выносливость, они сильно утомились. Все животные заметно похудели, на отдыхе они совсем не играли, тяжёлый марш словно отнял их обычную резвость. Стоило лишь одному из вожатых подняться, как собаки настораживались.

Решено было тронуться в путь перед рассветом. Но в полночь явился связной от лейтенанта.

Немцы обнаружили местонахождение советских бойцов и предприняли облаву.

Нужно было немедленно уходить из этого района. Так, не отдохнув, экспедиция была вынуждена сняться с места.

Глава одиннадцатая

В трудных условиях

Ночь стояла спокойная. В небе мерцали бесчисленные звёзды. Выходила луна. Это больше всего беспокоило Анисимова. В случае встречи с врагом трудно было от него укрыться.

И встреча произошла. Вначале стали беспокоиться собаки. Малыш часто вытягивал морду, дважды останавливался. Шерсть на нём приподнималась. Наконец он злобно заворчал и даже бросился в сторону. Случай исключительный, особенно для такого опытного и дисциплинированного вожака, каким был Малыш. Конечно, птица, заяц или какой-нибудь другой зверёк никогда не заставили бы вожака нарушить порядок движения. Несомненно, поблизости находились не просто безобидные лесные обитатели. Тут был враг. Это сразу же понял Анисимов.

Между тем дозорный Рухлов до сих пор ничего подозрительного не обнаружил.

Тогда Анисимов с автоматом наготове выдвинулся в сторону и углубился в лес.

Так он прошёл около двух километров и решил повернуть, чтобы сблизиться с упряжками. Неожиданная автоматная очередь словно толкнула его в снег. Он залёг, сам готовый открыть огонь.

Но упряжки могли уйти далеко. Укрываясь в кустарниках, вожатый пополз. Потом двигался, пригибаясь. Он заметил следы нарт и ускорил ход.

Едва он успел нагнать нарт, как новая очередь автоматных выстрелов нарушила тишину.

– Малыш, вперёд! Вперёд! – крикнул Анисимов.

Собаки помчались изо всех сил.

Началась погоня.

Пули хлестали по ветвям, сбивая снег и хвою. Бежать было трудно. Лыжи натыкались на кочки. Нарты прыгали, зарывались в снег и грозили каждую минуту перевернуться.

Принять бой было нельзя, хотя преследующих, судя по редкой стрельбе, было немного. Но к ним могла подоспеть помощь.

Оторваться от преследователей – вот о чём думал Анисимов. Но на каждом шагу упряжки могли наскочить на засаду или на немецкий гарнизон.

Опасаясь этого, Анисимов приказал повернуть вправо и углубляться в лесную глушь.

Вскоре замолкли последние выстрелы. Было уже совсем светло.

Измученные гонкой, собаки едва передвигались.

Упряжки отклонились от своего направления. Между тем удлинение пути беспокоило Анисимова. Продовольствие у экспедиции было на исходе.

Два дня вёл Анисимов упряжки, выискивая скрытный путь между деревьями и немецкими гарнизонами. Приходилось отклоняться всё больше в сторону, а до линии фронта оставалось ещё далеко.

Дневная норма продовольствия была сокращена.

Собаки тоже теперь получали уменьшенный паёк, но они по-прежнему с упорством и рвением тянули нарты.

На третью ночь поднялась пурга. Захваченные в пути, упряжки остановились в мелкоколесье, которое совсем не защищало от снежной кутерьмы и от холодного, резкого ветра. Весь следующий день неистовствовала метель. Двигаться было невозможно. И хотя экспедиция оставалась на месте, ни люди, ни собаки не чувствовали отдыха.

Собак мучил голод. Никогда ещё Малыш не знал настоящего голода, такого голода, с которым приходит истощение и потеря сил.

К вечеру, когда ветер ослаб, Анисимов выдал по последней порции продовольствия. Снова упряжки выстроились в походную колонну.

Две ночи и два дня ещё двигались бойцы со своими упряжками.

Голод изнурил собак. Даже пустые нарты они едва могли стронуть с места. Выбившись из сил, Снежок упал на подъёме и поднялся лишь с помощью Анисимова. Вожатый освободил измученную собаку от ремней.

На одной из стоянок из третьей упряжки пропал Джек. Он появился лишь тогда, когда упряжки уже были готовы к движению. В зубах Джек держал остатки какой-то лесной птицы.

Остальные собаки упряжки бросились к Джеку. Дисциплина, порядок, послушание – всё, чему учили их вожатые, в этот момент было забыто. Началась свалка.

Забеспокоились собаки и в других упряжках. Только вмешательство Анисимова помогло уладить раздор.

Нарты были поломаны. Пришлось их бросить.

Конечно, Джеку досталось за его проступок. Он плёлся теперь в упряжке Анисимова и, очевидно, сожалел о происшедшем. Кроме того, он с опаской поглядывал на Малыша, который, как было известно, не любил самовольных и непослушных собак.

Вечером дозорный неожиданно услышал окрик часового. Это был сторожевой пост одной нашей части.

Глава двенадцатая **Один в упряжке**

После возвращения из похода собакам был дан отдых. Быстро восстанавливались силы. Несколько дней оказалось достаточно, чтобы даже Снежок стал выглядеть почти совсем нормально. Шерсть его снова стала гладкой и белоснежной. Глаза смотрели весело, по-прежнему задорно. В них опять появилась собачья хитринка.

От безделья собаки затевали игры, гонялись друг за другом и, видимо, чувствовали себя превосходно.

Но война продолжалась. И нужно было работать – перевозить раненых, доставлять боеприпасы, нести боевую службу. Анисимов подготовил волокушу и отремонтировал упряжь.

Малыш заметил вытащенную лодочку первым и немедленно бросился к ней. Он обежал вокруг волокуши, обнюхал её и потом с готовностью встал на своё место, ожидая, когда вожатый займётся запряжкой.

Жук, Снежок и Шарик, по примеру жожака, тоже охотно и покорно встали в строй.

– Команды не было, – сказал Анисимов, засмеявшись. – Разойдись!

Но Малыш настойчиво повизгивал. Он соскучился без дела и требовал работы.

На первый раз упряжка Анисимова совершила небольшой рейс. Но на следующий день уже началась настоящая работа. И собаки были довольны, они тянули с необычайным пылом.

Был на исходе март. В тёплых порывах ветра, в сгущающейся голубизне неба чувствовалось приближение весны.

В тот день упряжка долго ожидала приказа отправиться на передовую с боеприпасами. Наконец приказание было получено.

Дважды упряжка приближалась к огненным рубежам наступающего взвода. На третий раз пробираться стало труднее. Взвод прикрывал открытый фланг, быстро маневрировал и теперь выдвинулся вперёд. Под жестоким огнём противника бойцы залегли.

Собаки ползком тащили волокушу, нагруженную патронами. Впереди, не поднимая головы, по-пластунски двигался Анисимов. Он на слух определял отставание упряжки и приглушённым голосом изредка подавал команду:

– Вперёд! Малыш, вперёд!

И Малыш, цепляясь за насти, напрягался изо всех сил. Слово «вперёд» было для него магическим, оно влекло его, заставляло работать мускулы и забывать усталость.

У разрушенной траншеи Анисимов остановил упряжку. Здесь лежали раненые командир взвода и два солдата.

К траншее подползли подносики патронов. Они забрали из волокуши коробки и отправились обратно – ползком по полю. Рвущиеся мины высоко вздымали перемешанный с землёй снег.

Первым на волокушу был положен командир взвода. Ему требовалась немедленная операция.

Снова команда «Вперёд!». И снова четвероногие труженики двинулись в путь. Несколько минут назад они спешили, чтобы доставить бойцам патроны. Теперь они спешили, чтобы вовремя привезти тяжелораненого командира в госпиталь, чтобы спасти ему жизнь.

Шум боя остался позади, но до медицинского пункта было ещё далеко. Командир взвода лежал без сознания. Он был совсем молодой. Лицо его побледнело от страданий и усталости.

Теперь Анисимов поднялся и помогал собакам. Он придерживал волокушу на склонах и буграх. Он тоже устал, может быть, с непривычки после длительного отдыха, а может быть, этот день был действительно необычайно напряжённым. Почему он устал, об этом не смог бы сказать и сам вожатый.

Собаки тоже поднялись и торопились везти лодочку.

Вдруг сверху послышался знакомый свист. Вал минных разрывов закрыл лежащую впереди местность. Пулемётная стрельба усилилась. Над упряжкой ныли, визжали, посвистывали мины.

Почувствовав опасность, собаки прилегли. Анисимов глазами искал укрытие, но ничего подходящего не увидел. Он побежал в сторону, за ним вскочили собаки.

Нужно было перебраться через разрушенную железнодорожную насыпь. Может быть, там найдётся местечко, где удастся переждать артиллерийско-миномётный обстрел. Очевидно, противник готовился к контратаке.

На нашей стороне тоже ожила артиллерия. Высоко над упряжкой царил невообразимый тревожный хаос. Вокруг всё ревело, стонало, ухало.

Пожалуй, в такую переделку Анисимову никогда не приходилось попадать. Едва об этом подумал вожатый, как в тот же момент земля круто пошла под ним вниз. Он упал, может быть, сбитый волной, а может быть, по инстинкту самосохранения. Но боли не чувствовалось.

Впрочем, первая мысль у него была не о себе, а о раненом командире и о своих питомцах, о своей упряжке. Ещё не успев ничего разглядеть среди дыма и клубящегося снега, он услышал жалобный собачий стон и взвизгивания.

Анисимов хотел встать и не мог. Только сейчас он заметил, что брюки на колене разорваны, и ощутил острую боль в ноге. Он пополз к упряжке, и то, что он увидел, заставило его на секунду закрыть глаза. Неужели это действительность?

На чёрном от крови снегу распластался бездыханный Жук. Живот его был разорван, и только кровь и снег скрывали огромную страшную рану.

Невдалеке от Жука лежал Снежок. Его блестящая белая шерсть даже не была запачкана кровью. Должно быть, осколок ударил ему в голову.

Запутавшись в ремнях, извивался на снегу Шарик. У него были перебиты передние лапы.

И только Малыш молча смотрел на вожатого, не понимая, что случилось. Из разорванного уха, заливая морду, сочилась кровь.

Носовая часть волокуши была раздроблена. Анисимов перерезал ремни и освободил Шарика. Собака вскочила и тут же упала, зарывшись мордой в снег.

Вожатый работал лёжа. Он перевязал разбитые лапы Шарика и осторожно уложил собаку в лодочку, к ногам раненого лейтенанта. Собака не сопротивлялась и с благодарностью тоскливо смотрела на вожатого.

– Малыш, ко мне! – тихо сказал Анисимов, испытующе глядя на вожака.

Малыш с готовностью занял своё место у волокуши. Анисимов связал ремни. И, таким образом, в упряжке остался один вожак.

Осилит ли? Анисимов упёрся в заднюю часть лодочки и привычно скомандовал:

– Малыш, вперёд!

То, что раньше тащили четыре собаки, сейчас досталось на долю одного Малыша. Проваливаясь в разрыхлённом снегу, оставшийся одиноким в упряжке, вожак натянул потяг. С помощью Анисимова он стронул лодочку и потащил. Он крутил головой, словно стараясь отмахнуться от назойливой мухи. То была боль кровоточащей раны.

Никогда ещё Малышу не было так тяжело. Кровь заливала правый глаз, и вожак им ничего не видел.

Тело собаки вытянулось, шерсть на животе касалась земли. Тяжело дыша, высунув язык, Малыш напрягал все силы, короткими шагами продвигаясь вперёд. Силой своих мускулов он словно вырывал у невидимого противника каждый сантиметр пути. Тяжёлое и упорное движение действительно походило на борьбу. Казалось, даже зубы Малыша участвуют в этой борьбе.

Но как ни тихо двигался Малыш, за ним всё же Анисимов не поспевал. Нога одеревенела, и вожатому приходилось ползти, работая только руками. Иногда ему удавалось дотянуться рукой до волокуши и подтолкнуть её, и тем облегчить работу выбившегося из сил Малыша.

Огневой вал отошёл в сторону. Но потрясающие землю разрывы снарядов всё ещё слышались.

Так двигались они – медленно, но с необычайным упорством.

Их нашли санитары невдалеке от медицинского пункта. Вожатый отстал и лежал, потеряв сознание и уронив голову в снег. Волокуша застряла у разбитой сосны. Собака выла и в ярости рвала зубами колючие хвойные ветви, тщетно пытаясь вырвать лодочку из ловушки.

Глава тринадцатая **«С фронтовым приветом...»**

Прошло много, очень много времени с тех пор, как лейтенант и красноармеец увели с собой Малыша.

Изредка почтальон приносил Игорю письма. И тогда в квартире Жигаловых собирались ребята со всего дома.

Это были счастливые дни, дни получения писем с фронта. Вначале Игорь читал их вслух, а ребята молча слушали, боясь пошевелиться и испытывая нетерпеливое любопытство. Потом письма переходили из рук в руки. Каждому хотелось поддержать развёрнутый треугольник, собственными глазами увидеть в нём имя Малыша, прочитать хотя бы одну строчку.

Так ребята узнали о том, что Малыш перевозит раненых бойцов, доставляет патроны, что он уже стал вожакom собачьей упряжки.

Но вот прошло три месяца, как было получено последнее письмо. Возвратившись домой из школы, Игорь каждый день, ещё не раздевшись, спрашивал у матери:

– Письмо пришло?

И каждый раз мать отрицательно качала головой:

– Только газета. Писем нет.

Что же могло случиться с товарищем Анисимовым? Неужели он погиб в бою? Где-то теперь Малыш? Игорь тревожился, он так ждал того времени, когда окончится война и когда Анисимов вместе с Малышом придет в гости.

Ребята написали два письма на фронт, а ответа всё не было. Они собрались после школы у Игоря, чтобы написать ещё письмо, на этот раз – командиру воинской части, где служил Анисимов.

И вдруг - стук в дверь. Ребята увлеклись и даже не подумали, что это мог быть почтальон, а это он именно и был.

Девушка с сумкой, туго набитой газетами и письмами, подошла к столу. Это предвещало что-то интересное. Обычно почтальон не заходил в квартиру, а опускал письма в ящик, висевший у входа.

Девушка раскрыла толстую разграфлённую книжку и сказала:
– Распишитесь.

Да, это было письмо, и не простое, а заказное. Не треугольник, а настоящий конверт.

Расписывался Игорь сам, потому что письмо было адресовано ему. Дрожа от волнения, он нерешительно взял карандаш. В самом деле, не так уж часто мальчикам приходится расписываться, да ещё в такой солидной книге. Игорь знал, что ребята невероятно завидуют такому неожиданному счастью. Волнуясь, он написал фамилию криво, так, что буквы залезли в другую графу. Он даже испугался. Но девушка-почтальон улыбнулась, подала ему конверт и ушла.

Осторожно оборвав кромку конверта, Игорь вытащил листок бумаги и... фотографию.

Ребята только ахнули от восторга.

Какое это было великолепие! У заснеженной могучей ели стояла четвёрка собак, запряжённая в маленькую лодочку. Тут же стоял солдат, конечно, не кто иной, как Анисимов.

Игорь сразу узнал и Малыша. Вожак стоял смирно, повернув голову в сторону фотографа. Сейчас со снимка он спокойно и весело смотрел на ребят.

А потом ребята все вместе читали письмо.

«Дорогой Игорь, дорогие ребята, – писал Анисимов. – Посылаю вам фотокарточку. Я снят со своей упряжкой. Тут и ваш Малыш и с ним Снежок, Жук и Шарик. Я давно не писал, потому что с упряжкой ходил в тыл к немцам. А потом произошло большое несчастье – погибли Жук и Снежок. Шарик тяжело ранен. Малыш жив, ему только немного повредило ухо. Я тоже тогда был ранен и теперь лежу в госпитале. Когда поправлюсь - опять поеду на фронт, в свою часть. Опять с вашим Малышом будем спасать раненых. А вот когда кончится война, обязательно вместе с ним приедем к вам погостить. Спасибо за приглашение и ещё раз спасибо за Малыша. Он очень умный, послушный и трудолюбивый пёс.

До свиданья, дорогие ребята, жду вашего письма.

С фронтовым приветом *Ф. Анисимов*».

Ребята торжествовали. Весь вечер они рассматривали фотографию, перечитывали письмо и все вместе сочиняли ответ.

Глава четырнадцатая **До скорой встречи!**

Только через месяц встретились вожатый Анисимов и вожак знаменитой санитарной упряжки Малыш.

Встреча произошла в саду, у госпиталя, в маленьком городе, недавно освобождённом от немцев. Малыша привёл Ильинский.

Стояли последние дни апреля. Весна вела стремительное наступление. Река взломала лёд и с шумом свободно несла его мимо города. На необозримом чистом небе откуда-то появилось лёгкое, пуховое облачко. Оно плыло в одиночестве, медлительное и важное, как лебедь. Иногда над городом появлялись птицы. Они летели высоко-высоко, и их непрерывный дорожный разговор был чуть слышен.

Анисимов вышел, опираясь на костыль. Он огляделся и, увидев Ильинского, подпрыгивая, бросился к нему.

Малыш издали не сразу узнал вожатого. Синий халат, костыль – всё это было необычным. Но зато он узнал голос, когда Анисимов окликнул его.

Вожак сорвался с места и в два прыжка оказался рядом с вожатым.

Костыль упал. Анисимов наклонился и обнял своего преданного друга. Он долго гладил и ласкал собаку, а Малыш покорно сидел и повеселевшими глазами смотрел на вожатого. Иногда под шерстью вожака заметно пробегала дрожь – признак нетерпеливости. Казалось, вожак ожидал привычной команды «Малыш, вперёд!». И так как Анисимов молчал и, не переставая, поглаживал блестящую шерсть собаки, глаза Малыша выражали недоумение.

– Как он скучал по тебе! – сказал Ильинский. – Теперь нас переводят на другой участок. А работать ещё долго не придётся. Наверное, к тому времени и ты будешь с нами.

– Да, обязательно буду, – задумчиво ответил Анисимов.

Нужно было расставаться. Друзья молчали. Должно быть, они думали о своей любимой, но и опасной работе, о товарищах, продвигающихся на запад, о дружных упряжках четвероногих тружеников.

Рядом с госпиталем возвышался опутанный лесами большой дом. Шёл восстановительный ремонт. Слышались удары молотков о кирпич, шумно сыпался щебень. Прогудела перед воротами машина, нагруженная досками. Напевая песенку, торопливо прошёл стекольщик. Солнце метало свои отблески в щели его большого ящика.

Возрождалась жизнь полуразрушенного города.

– Пора, – сказал Ильинский, поднимаясь. – Поправляйся, будем ждать. Они вместе вышли из садика.

– Да, – вспомнил Анисимов, – сдай это письмо на почту.

Он подал товарищу конверт, на котором после адреса было написано: «Тов. Игорю Жигалову».

– До свидания! Скоро увидимся.

– Скоро.

Анисимов погладил Малыша.

Но, когда он пошёл к подъезду госпиталя, Малыш бросился за ним.

– Назад! – крикнул Анисимов.

И кажется, в первый раз Малыш послушался своего вожатого. Он остановился, но не повернул назад. Глаза умоляюще смотрели на Анисимова, в них застыла настойчивая просьба оставить.

«Милый, хороший мой Малыш!» – Анисимов не выдержал и наклонился к собаке. Он захватил красивую собачью голову обеими руками и долго смотрел в глаза животного, полные мольбы и преданности. Казалось, эти умные глаза говорили: «Ты забыл о тех временах, когда я честно работал. Поедем туда, я буду ещё больше работать. Снова выйдем на заснеженные поля, и пусть рвутся снаряды, воют мины, жужжат пули, – мы не оставим на поле ни одного раненого бойца».

– Нельзя, Малыш, нельзя, – тихо сказал Анисимов, словно угадывая просьбу вожака.

Подошёл Ильинский и взял Малыша за ошейник. Собака недовольно заворчала. Тогда Анисимов силой повернул Малыша от себя и дрогнувшим голосом сказал:

– Малыш, вперёд!

Опустив большую красивую голову, вожак нехотя потянулся за Ильинским. Анисимов долго смотрел им вслед и думал о том, что через месяц он снова вернётся на передовую и снова поведёт упряжку на спасение раненых. Как прежде, он проверит упряжь, обласкает собак и крикнет весёлым голосом своему любимцу, вожаку санитарной упряжки:

– Малыш, вперёд!

1945

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ... СЫНУ

Удивительно быстро прошло время. Кажется, совсем недавно маленький светловолосый Димка носил пионерский галстук. Потом поступил в школу ФЗУ, стал токарем, служил в Красной Армии и снова работал на заводе. Да что пионерский галстук и ФЗУ! Яков Петрович превосходно помнит Димку с соской и в распашонке.

Об этом писать, конечно, не следует. Нужно только рассказать сыну о доме, о заводе да ещё дать отцовский наказ.

Писать Якову Петровичу приходилось редко. Это было для него настоящим событием. Большие сухие руки больше привыкли к ручнику и кузнечным клещам, чем к перу. В цехах эти руки творили чудеса, придавая раскалённому металлу любые формы. Но, когда дело доходило до нарядов, до этих несносных разграфлённых бумажек, руки опускались. Яков Петрович старался иметь дело с бумагой наедине, когда никто не смотрит ему под карандаш. Рука тогда двигалась увереннее, буквы выходили даже красивыми.

Вот и сейчас, прежде чем сесть за стол, Яков Петрович подождал, когда в квартире всё успокоится на ночь. Однако ждать пришлось долго. Восьмилетний внук Славик, видимо, понял, что дедушка намерен чем-то заниматься. Вначале Славик, заложив руки за спину, с деловым видом принялся рассматривать стены. Можно было подумать, что на стенах развешены необыкновенной красоты картины. Когда хитрость не удалась, он сел к столу и категорически отказался спать. Следовало бы мальчишку проучить ремешком. Ведь Якову Петровичу когда-то здорово доставалось за упрямство и за шалости. Но то было более пятидесяти лет назад. Время другое. Пришлось пообещать внуку смастерить пароход, самолёт и ружьё.

Наконец Славка ушёл спать. Яков Петрович достал из кармана очки, предусмотрительно расстелил на столе старую газету (эти чернила всегда стараются соскользнуть с пера, чтобы расплыться на скатерти жирной, зловещей кляксой), потом поставил чернильницу на середину стола и взял ручку.

Но тут оказалось, что чернила совсем не годятся для письма, да ещё сыну на фронт. Бледные, неубедительные такие чернила! Тогда Яков Петрович взял Славкину бутылочку. Это были густые фиолетовые с отблеском чернила. Они понравились.

Подумав с минуту, Яков Петрович осторожно вывел на листке тетрадной бумаги: «Здравствуй сын мой, дорогой Дмитрий!».

Яков Петрович отодвинул письмо, полюбовался на написанное через очки, потом поверх очков и снова взял ручку. Как и полагается в порядочном письме, он перечислил сыну все поклоны и приветы от семьи и от знакомых.

В комнате было тихо. На стене бойко семенили ходики. Бессонная муха ползала по ободу абажура. Её тень, огромная, словно мышонок, скользила по стенам. Яков Петрович ничего не замечал. Он увлёкся письмом. Он сжёг полкоробки спичек; трубка не разгоралась. Левый ус торчал, как штык, правый – распушился и повис.

«Ребята и девчата из вашего цеха, – сообщал Яков Петрович, – написали тебе общее письмо, коллективное.

Должен тебе сказать, что я уже снова не инвалид-пенсионер, а бригадир кузнечного цеха. Время такое, думаю – работать нужно. Пошёл прямо к директору, говорю: так и так, могу ещё держать клещи, да что клещи – смогу и кувалдой ударить не хуже молодого. Так что забудь, говорю, Иван Алексеевич, что Якову Петровичу Нечаеву шестьдесят один год, и считай его кадровым рабочим кузнечного цеха. Так всё и было.

Мать только глаза удивлённые сделала, когда я утром на смену собрался. Ну, ничего не сказала. А вот когда на другой день я в народное ополчение записался, она руками всплеснула.

– Ка-кой, – бормочет, – из тебя вояка.

– Какой, – отвечаю, – вояка, это ещё посмотрим. Правда, глазами я слабоват, но уж если придётся, то мушку в прорезь посажу и с мушки гада не спущу. Забудь и ты, Анна Ивановна, на время о моих шестидесяти годах».

Яков Петрович говорил жене и писал сыну истинную правду. За последние двадцать лет сегодня он первый раз стрелял из винтовки. Лежа на огневом рубеже, он целился долго и сосредоточенно. Все ополченцы знали, что Яков Петрович раньше воевал с немцами и участвовал в Гражданской войне. Сейчас ему непременно хотелось вогнать пули мишенному фашисту между глаз. Тут ему показалось, что он плохо закоптил мушку. Яков Петрович хотел уже встать, но отдумал. Туговато был затянут и поясной ремень – он мешал глубоко вздохнуть, чтобы на время выстрела затаить дыхание. И, как назло, стёкла у очков запотели.

Яков Петрович смахнул очки. Наконец он прицелил ещё раз и, как его учили раньше, плавно нажал на спусковой крючок.

– Вот так и молодёжь должна стрелять, – сказал командир, обводя карандашом пробоины от пуль.

Яков Петрович вернулся от мишени спокойный, строгий, с достоинством.

Часы-ходики уже показывали полночь. Яков Петрович всё ещё писал.

«Хотя я и давно воевал, а всё равно кое-что знаю и помню. Так что совета и наказа отцовского не гнушайся. Верно, что в наше время война не та была. Я за всю войну один аэроплан и два воздушных шара видел. Танков у нас не встречалось. Всё это, конечно, сила. Но силу эту, если она неприятельская, свернуть нужно, а если своя – умело обуздать и направить. Сделать всё это может только человек. Выходит, нет на свете ничего сильнее человека. Но особо полезный на войне человек – со смекалкой. Враг схитрит, а ты его перехитри. Он к тебе подкрадывается, а ты не жди, обойди его и ударь с тыла.

Старайся бить врага по слабому месту. Видишь очки – бей по очкам, видишь у него нарыв – бей по нарыву. Как я понял из газеты, это слабое место у танков – гусеницы и щели, у самолёта – мотор и лётчик.

Самое главное – не страшись, ты русский человек. А русские никогда трусами не были. Кто смел – тот и цел. Убегающего пуля скорее достанет, потому у человека на затылке глаз ещё не имеется. Пуль хоть и не видно, а

смотреть в бою всё равно нужно. Смотри вперёд! А в труса и товарищ стрелять имеет право.

Враг тебя пугать будет, а ты не верь. У страха глаза велики – старая наша пословица.

Патроны береги. Они, как деньги, счёт любят. Самый лучший счёт: один патрон – один фашист, обойма – пять фашистов. Помни, что у винтовки штык есть.

В походе и в окопе воду тоже берегай. В походе фляжка с водой легче фляжки порожней. Знаю, сын, война – тяжёлая штука. Но помни, ты за нас воюешь, родную землю защищаешь. Многие века живёт наш народ, и много раз гнал он вражьи силы от своей земли. Будет и теперь так.

Если станет трудно, холодно, страшно – крепись, не сдавай, – товарища подбодри. Я знаю: ты не опозоришь отца своего и семью, народ свой. А нужно будет для дела – пожертвуй жизнью. Все скажут, что Дмитрий Нечаев умер как русский, как советский человек. Не любит твой отец хвалиться, но никто его не упрекнёт. Проработал честно полвека и землю свою защищал. И теперь готов.

Жду тебя, Дмитрий, с полной победой над врагом. И эта победа будет самым дорогим и самым нужным, что ты сможешь подарить своему отцу и своей матери.

Обнимает тебя твой отец, бывший солдат 183-го пехотного полка, а ныне боец народного ополчения, Яков Нечаев».

Яков Петрович сложил письмо в конверт и крупно написал: «Действующая армия»... Покончив с адресом, он убрал со стола чернила и ручку. Долго смотрел на фотографию сына. Он знал: сын выполнит отцовский суровый наказ.

Утром Яков Петрович вышел на улицу, миновал два квартала. Вдали над крышами высилась труба родного завода. Было совсем светло. По улице проходили автомашины. В затуманенной голубой вышине слышался гул патрулирующих самолётов. Город жил большой трудовой жизнью.

Правда Севера. 1942. 4 апреля

ВЫСОТА Н

(Завещание капитана Андреева)

Пять раз мы ходили в атаку. Пять раз переползали через обкошенное колючее поле, рвали лопатками сухую, горячую землю, накапливались на рубеже. И пять раз отходили назад.

На карте у командира батальона высота была отмечена одной буквой «Н».

Зелёная, увенчанная густыми купами деревьев высота господствовала. Так говорилось о высоте и в приказе: «господствующая». И иначе, точнее нельзя было сказать.

То была наша высота, русская земля, русские родные сосны и берёзы, кусты шиповника и смородины. Всем этим сейчас владели немцы.

Когда под метким огнём приходилось, теряя товарищей, отходить, бежать, отползать, слёзы закрывали от глаз белый свет, горькие слёзы обиды и отчаяния.

Нужно было взять высоту, выбить с неё немцев. Этого требовал приказ.

Пять раз батальон ходил в атаку, пять раз менялась тактика наступления. Командир батальона капитан Андреев лично вёл бойцов. Но высота оставалась за немцами.

Должно быть, они злорадствовали там, скрываясь в зелени высоты, закопавшись в землю, проклятые фрицы.

Капитан Андреев вызвал командиров рот. Он стоял у перил разрушенного мостика через овраг. Потухшая папироса была забыта в зубах. Серое лицо командира казалось высеченным из камня. Лишь глаза оживляли его. Мы все знали, о чём думает наш командир.

– Окапываться нужно, – сказал капитан, когда командиры рот окружили его. – Нужно ячейки подвести под самую высоту. Лопата – вот что сейчас главное. Кротами нужно стать. Тогда высота будет наша.

Он изложил свой план и отдал приказ на наступление.

Солнце выходило на востоке, когда мы первый раз шли в атаку. Теперь солнце уткнулось в острые верхушки елей на севере. Мы шестой раз покидали исходный рубеж у оврага.

Мы должны были взять высоту. Так сказал наш командир капитан Андреев. С ним мы прошли сотни километров, дрались в боях, переживали вместе горькие неудачи и радовались успехам. Сейчас с одного слова нашего капитана мы могли отдать свои жизни.

Я смотрел на высоту Н. Вот такой же холм зелёный, весь в шиповнике и смородине, был у меня на родине. Он возвышался за нашим городом, дальше шли высокие сосновые боры. Хорошо было в свободный час выйти из города, подняться на холм, побродить в лесу.

– Степанов, не отставать! – услышал я голос командира отделения и рванул вперёд.

И в этот же момент с высоты ударило орудие. Снаряд разорвался слева за нами. Снаряд разорвался у командного пункта. Осколками был ранен капитан Андреев, наш комбат.

И наступление сразу задержалось.

Он лежал на земле с окровавленной головой. Над ним наклонился лейтенант Карпенко.

– Вперёд! – прокричал капитан. – Окапываться!

Он слабо махнул рукой и тихо добавил:

– Похороните меня там, на высоте.

Это были последние слова нашего командира батальона. Капитан произнёс их очень тихо, но уже через минуту все мы, бойцы батальона, знали о них.

Мы ринулись вперёд. Две роты обходом сковывали оборону немцев.

Мы рвали землю лопатами и руками, приближая к высоте ячейки. Мы должны были выполнить последний приказ и последнюю просьбу-завещание капитана Андреева.

Не было страха, и как будто на земле не существовало смерти.

Мины рвались впереди и сзади, чёрными каскадами вздымая землю. Пули, злые и назойливые, проносились над головами в сторону оврага. Метр за метром мы продвигались вперёд.

А сзади, у оврага, на траве, покрытой вечерней росой, лежал наш командир. И нам казалось, что он смотрит на нас, ведёт нас вперёд.

Вот уже подножье высоты, начинается подъём. За пять атак мы ещё не добивались сюда.

В страшном хаосе огня и дыма началась новая атака.

Меня оглушило. Что-то пронзительно ныло в ушах. Был ли это гул боя или физическая боль в голове, я не знал. За дымом я уже не видел высоты, лишь рядом мелькали фигуры товарищей.

...Солнце снова поднималось на востоке. Было тихое, бледное утро. Сняв каски, мы хоронили капитана Андреева на высоте Н.

Патриот Родины. 1942. 13 сентября

ПОПРАВКА К ТОСТУ

С некоторых пор за Карпушиным в роте начали замечать странности. Весельчак, фантазёр и артист в своём искусстве, он вдруг стал неузнаваем. По всей дивизии славилась рота, имея два козыря, как говорили штабные шутники. Рота славилась своими снайперами и своим поваром. А поваром здесь был Алексей Карпушин.

Но теперь с Карпушиным что-то случилось, и престиж ротной кухни пошёл по наклонной. А ведь были чудесные времена. Суп блистал жировым наваром, мясо заливалось ароматным соусом, каша рассыпалась, и каждая крупинка её искрилась от масла. Повар держал себя с достоинством. Он любил повторять слова знаменитого исследователя Амундсена о том, что в полярной экспедиции после начальника повар – первое лицо. Этим недвусмысленно подчёркивалось, на каком положении числится в роте он, Алексей Карпушин.

А теперь Карпушин готовил обед наспех и после обеда куда-то исчезал. И достоинство, и изречения были забыты. Однажды Карпушина видели с девушкой из санбата, что явилось прояснением на тёмном фоне из догадок любопытных. Впрочем, после этого любопытство только возросло.

30 декабря в супе явно ощущался избыток соли.

– Послушай, Карпушин, – донимали повара бойцы, – не томи, скажи хотя бы, как её зовут...

Ещё утром повара вызвал командир роты. Старшина тихонько сообщил бойцам, что командир и повар совещаются по вопросу о новогоднем ужине. В роте уже были получены посылки. В ящиках, коробках и мешочках самых разнообразных форм и размеров содержалось печенье, конфеты, табак и папиросы, консервы, сыр, копчёности и прочие лакомства. В нескольких посылках были обнаружены бутылки с вином. Новогодний ужин обещал быть роскошным.

Но после обеда, когда день стал темнеть, повар опять исчез, и на этот раз надолго. Поговаривали, что командир роты разрешил ему явиться с девушкой. Снова пошли догадки, в чём она придёт – в платье или в гимнастёрке.

Карпушин вернулся, но, к общему разочарованию, не с девушкой, а с сержантом Егоровым.

Егоров на вопросы любопытных по секрету сообщил, что невеста Карпушина явится позднее.

В землянке было тепло и для фронтовой обстановки уютно. Командир роты зашёл к бойцам, посмотрел на часы. Было 23:30.

Принесли ужин, разлили по кружкам вино.

Все смотрели на Карпушина. Тогда поднялся Егоров, попросил у командира разрешения и объяснил:

– Я им сказал, что к Карпушину придёт девушка, но это была шутка. Девушка эта из санбата вовсе не невеста его, а просто знакомая. Она один раз приносила Карпушину письмо от отца. Они из одной деревни.

– Ну, хорошо, всё понятно, – сказал командир роты, поднимая кружку.
– Товарищи бойцы и командиры, прошёл год. Наша рота провела его на фронте. Все вы участвовали во многих боях и храбро дрались с фашистскими захватчиками за Советскую Родину. Особенно славно действовали наши снайперы. Снайпер Марков довёл свой счёт до 120 фашистов. На счету у Лисицына – 86 немцев и белофиннов. Сегодня он, прощаясь со старым годом, уничтожил трёх фрицев. Боярский истребил сегодня 72-го фашиста. У многих других счёт также перевалил за пятьдесят. Всего на общем счету роты 999 фашистов. К сожалению, старый год поторопился с уходом, темнота не позволила округлить счёт.

Но дело не в формальностях. В новом году мы округлим этот счёт вместе со всей Красной Армией не тысячей, а всей фашистской армией. Мы будем их бить до последнего. Поздравляю вас, товарищи, с Новым годом, годом новых грядущих побед Красной Армии! Да здравствуют воины Красной Армии! Да здравствует товарищ Сталин! Смерть немецким оккупантам!

Командир поднёс кружку к губам, но в этот момент вскочил Карпушин.

– Разрешите мне слово. Так сказать, маленькая поправка к тосту товарища старшего лейтенанта. Я получил письмо от отца, в котором он спрашивает, сколько я уничтожил немцев. Ну, что же я могу ему ответить, сами знаете – ни одного не уничтожил. А за последнее время я подучился всё-таки метко стрелять. Теперь, товарищ старший лейтенант, прошу зачислить на мой счёт первого фрица. Сегодня я его хлопнул на глазах у сержанта Егорова. Выходит, у нас ещё в старом году насобиралась тысяча. Вот такая у меня поправка. Ну, а в новом году счёт мы, ясное дело, доведём до конца!

Все зааплодировали и подняли кружки.

Патриот Родины. 1943. 1 января

ДЯДЯ ПЕТРОВИЧ

Дядя Петрович – так запросто стали его звать в нашей роте. Двумя этими словами выражалось то, что вновь прибывшему красноармейцу идёт пятый десяток и что он самый бывалый среди остальных бойцов.

Появился он в роте поздно вечером, когда бойцы возвратились с ужина. В каптёрке у старшины стоял усатый пожилой человек. Он стоял под команду «смирно» и коротко отвечал на вопросы.

– В армии служили?

– Так точно, служил.

– Когда?

– С тысяча девятьсот шестнадцатого по двадцать первый год.

– Ого... а где?

– В 213-м пехотном полку.

Ему отвели койку рядом с койкой молоденького красноармейца Платошкина.

– Товарищ Платошкин, – сказал старшина, – вот расскажите новенькому обо всех наших порядках.

Платошкин служил в армии около месяца и чувствовал себя ветераном. Поручение старшины льстило ему. Он сразу принял покровительственный тон.

– А гимнастёрка укладывается вот так, рукава вот так, и – на тумбочку.

Новичок покорно повторял все сложные приёмы укладки обмундирования. Потом он вдруг нахмурил брови, расправил усы и спросил:

– А ремень?

– Что ремень?

– Как ремень складывается?

– А как угодно, – ответил Платошкин, – об этом в уставе нет.

– В уставе-то, может быть, и нет, а порядок и для ремня есть. Вот как раньше мы ремень складывали.

И ловкими движениями новичок свернул свой ремень в тугое кольцо.

За окнами несколько раз труба пропела тянущий сигнал отбоя. Неожиданно в тон сигналу новичок тоже пропел:

– Ло-жи-сь спа-а-ть!

И все тут почувствовали, что новый боец, несмотря на возраст, весёлый человек.

Утром, когда дневальный громко оповестил о подъёме, дядя Петрович первым вскочил с койки.

Мы удивлялись аккуратности и усердию дяди Петровича. Особенно он имел какую-то необычайную страсть ко всевозможной чистке. Он чистил ботинки ежедневно, словно перед парадом, он скоблил свой подбородок до красноты. А когда дело доходило до чистки винтовки, дядю Петровича нельзя было оторвать от дела даже на секунду.

За несколько дней дядя Петрович стал самым популярным человеком в роте. Он мог рассказать о том, как воевали против немцев в 1916 году, умел к месту вставить новую поговорку и развеселить бойцов.

А известным всему полку дядя Петрович стал вот при каких обстоятельствах. Бойцы и командиры собрались в клубе, чтобы послушать рассказы участников боёв с немецкими оккупантами. На вечер приехал командир дивизии, генерал-майор.

Фронтовики рассказывали о боях под Тихвином, под Ростовом, вспоминали разгром немцев под Москвой. Но вот рассказы закончились. Тогда заместитель командира полка по политической части предложил:

– Может быть, кто-нибудь ещё желает выступить!?

В зале тихо. Нет больше желающих. Вдруг встаёт дядя Петрович.

– Я не участвовал теперь в боях с фашистами, но немцев бивал в прошлую войну. Разрешите рассказать эпизодик один... Это было в 1916 году, когда мы наступали на Луцком направлении. Гнали немцев и австрийцев, как говорится, в хвост и в гриву. Но в одном месте пришлось нашей роте задержаться. Немцы укрепились в одной деревеньке. Командир роты решил перед ударом навести у врагов панику с тыла. Вызвал он двадцать молодцов и во главе со взводным послал в обход. Был в этой команде и я. Сделали мы кружок добрых вёрст на десять. А взводный у нас был, скажу вам, боевой парень. Ну, говорит, ребята, не ударим лицом в грязь, а ударим по немцу, чтобы пух пошёл. И ударили. Сначала обстреляли деревню, потом бросились в штыки, сбили охрану и отходить стали. В деревне – переполох. Немцы преследовать начали. И тут туго нам пришлось. Оторваться не удалось. И вся команда полегла в бою. Но в это время рота уже шла в наступление и через час окончательно выбила немцев из деревни. И пошли наши опять вперёд, погнали немцев. А я остался жив, меня чуть только пулей поцарапало. Да очень сильно ранен был взводный. Я его вынес с поля боя и санитарам передал. Но, должно быть, умер он, бедняга. Храбрый был командир...

Дядя Петрович умолк. Видит он, генерал-майор стоит и недоверчиво на него смотрит. Дядя Петрович даже смутился. И как бы оправдываясь, он тихо сказал, обращаясь к бойцам.

– Может, вы думаете, я прихвастнул...

– А фамилию взводного вы не помните? – спросил генерал.

Дядя Петрович стоял перед генералом навтыжку.

– Как же не помнить своего взводного, товарищ генерал-майор, – ответил он, – фамилия его Ефимов была...

Генерал широко шагнул к дяде Петровичу и, обняв, крепко трижды поцеловал старого солдата.

– Взводного запомнил, Ефимов, правильно, – улыбнулся генерал. – А командира своей дивизии сейчас не знаешь. Ну, как его фамилия?

Да, дядя Петрович не знал фамилии этого генерала. Но ему тут же подсказали все бойцы, все командиры, весь зал:

– Ефимов.

Патриот Родины. 1943. 1 мая

ВАХТА ПОДРУГ

1

Милая Полина, чего ты ожидаешь? Два часа назад по селектору сообщили, что пароход «Чкалов» прошёл около Холмогор. В девятнадцать тридцать он пришвартуется у пристани Архангельск. Но какая польза от этого для тебя, Полина? Ведь Александр, твой муж, всё равно не приедет. Он уже не плавает на «Чкалове». Десять дней, как он уехал на фронт. Место старшего машиниста на первой вахте теперь занимает другой человек.

Подумав об этом, Полина разочарованно вздохнула. Она даже обозлилась на себя. В самом деле, зачем она теперь приходит сюда в дни прибытия «Чкалова»? Она привыкла к этому за восемь лет жизни с Александром. Как радостны были эти минуты, когда пароход, разбивая воду плицами колёс, приваливал к стенке! Капитан, перегнувшись через перильца, кричит на матросов, Александр, если он на вахте, выходит наверх, когда уже концы швартовых закреплены на причальных тумбах. Он обтирает руки паклей и смеётся. Так было восемь лет, бесчисленное множество рейсов. И вот третий раз по привычке приходит Полина встречать «Чкалова», хотя муж теперь не плавает. Ей тоскливо оставаться дома в эти часы. Её влечёт на пристань. Она увидит знакомых из команды, старика-механика Кирилыча, буфетчицу Марусю, многих друзей Александра. Ей нравится пройти по палубе, спуститься по трапу, посидеть в каюте. Всё это приносит воспоминания о любимом человеке. Александр любил свой пароход. И эта любовь незаметно перешла к Полине. Вот почему она приходит сюда.

Но это последняя встреча «Чкалова». Полина будет работать. До замужества она работала в парикмахерской. Теперь ей придётся вспомнить свою специальность. В кармане у Полины письмо. Первое письмо от мужа. Он писал его ещё с дороги, из Вологды.

«...Я обещаю тебе, дорогая Полина, что буду вести себя на фронте достойно. Не беспокойся обо мне. Мне кажется, что тебе нужно поступить работать. Сейчас все должны работать по мере своих возможностей. Всегда помни, что ты жена коммуниста. Работай усердно – и этим ты поможешь мне на фронте. Танюша уже большая и несколько часов в день может пробыть без тебя...»

Конечно, Александр, твоё желание будет исполнено. Полина завтра же поступает работать. Она уже договорилась. Домашних дел у неё теперь не так много. Танюша, дочка, уже, действительно, большая. Она ходит в садик.

«Чкалов» подошёл к причальной стенке. Длинной вереницей потянулись с него пассажиры. Всё так же, как и прежде. Только нет Александра. Сейчас выйдет Маруся. Полина оглядела верхнюю палубу. Маруси она не видела.

Кто-то тронул Полину за плечо. Она обернулась. Перед ней стояла буфетчица Маруся в парусиновой куртке, в брюках и сапогах.

– Что это за маскарад? – удивлённо спросила Полина.

– Так пришлось, – улыбнулась Маруся. – Опять пришла? Ну, заходи. У меня вахта сейчас закончится.

– Вахта?

– Ну да, вахта. Нет больше буфетчицы Маруси. Перед вами – матрос второго класса товаро-пассажирского парохода «Чкалов» Мария Ананьина!

– Послушай, Маруся, но ведь это очень тяжело...

– Это только кажется. Я ведь здоровая. Наш боцман говорит, что я управляюсь не хуже остальных матросов. А ведь всего ещё один рейс. Ты в прошлый раз ещё только ушла, а меня и назначили вместо Трошина. Его в армию призвали. Пойдём чай пить! Время уже девятый час, кончилась вахта.

Маруся захватила Полину за руку и потащила на пароход.

Они сидели, как всегда, в каюте у механика Кирилыча и пили чай. Полина не сводила глаз с Маруси. Её поражала смелость, с какой эта женщина взялась за новую, совсем не женскую работу.

– Придёшь в следующий раз встречать, а я уже помощником капитана буду, – пошутила Маруся.

Но Полина не заметила шутки.

– В следующий раз я не приду. Работать надо.

– Где? Неужели опять в парикмахерской?

– Конечно, где же больше?

– Поступай к нам матросом! Ой, правда, Полинка, поступай. Как хорошо будет! Мне лучше. Ты не бойся, если что – я тебе помогу.

– Уж если на «Чкалова», то ко мне, – сказал Кирилыч, – я из тебя, Поля, машиниста высокого класса сделаю. Будешь на месте своего Саши и напишешь ему...

Может быть, старый Кирилыч шутил. Но Полина подумала: если бы, действительно, поступить на «Чкалова» и потом написать Александру! Разве он не будет доволен?

– Хорошо бы, – мечтательно сказала она. – Только это чепуха.

Она – парикмахер, может постричь клиента – полька, бокс, полубокс, каре – что угодно. Может сделать завивку, устроить любую причёску.

– Конечно, можно и в нижнюю команду, – сказала Маруся таким тоном, словно вопрос о работе Полины решён и остаётся только избрать специальность матроса или масленщика.

Полина поднялась, чтобы идти.

– Завтра иди в отдел кадров, – сказала Маруся. – Но только просись на «Чкалова», а то они пошлют куда-нибудь. Сейчас люди очень нужны.

– Конечно, только на «Чкалова», – сказала Полина и рассмеялась, подумав: «Словно и в самом деле решила».

2

Когда «Чкалов» пришвартовался, капитана сразу же вызвали в контору пароходства. Рабочий день закончился. В конторе было пусто. Только из комнаты диспетчера доносились телефонные звонки, и дежурный громко кричал, вызывая пристани.

Капитан Катышев приоткрыл дверь в кабинет начальника.

– Заходи, Василий Ильич, – приподняв голову от стола, сказал начальник пароходства. – Я вызывал, и вот по какому делу. Третьего помощника от тебя забираем, а вместо него посылаем одну девушку. Речной техникум окончила.

– То есть как это девушку? Помощником капитана – девушку?

Капитан оторопел. Этого ещё не доставало! Хватит того, что у него уже есть одна женщина-матрос.

– Вы шутите, что ли? – капитан приблизился к столу.

– Нет, не шучу. У неё уже на руках предписание. Завтра явится к вам. Да ты не сомневайся, Василий Ильич. Хорошая девушка, отличница.

Однако слово «отличница» не произвело никакого впечатления на капитана.

– На «Чкалове» и так пассажиров хватает, – злобно буркнул он. – Увольте, у меня пароход, а не швейная фабрика.

– Ну, словом, вопрос решён, – сказал начальник, переходя на официальный тон. – Людей нет. Вы должны понимать, время...

Капитан вышел. Настроение его теперь было надолго испорчено. В самом деле, больше тридцати лет плавает по Северной Двине капитан Катышев, много перевидал, но никогда ещё не имел своим помощником бабу. Конечно, он слышал, что женщины летают на самолётах, а на Чёрном море есть даже женщина-капитан. Но какое дело до этого Катышеву? Потом ещё пришлют штурвальных, машинистов, механиков! От этой мысли капитан похолодел. Двинской пароход «Чкалов» ему представился в виде огромной кухни. На корме шипят примуса, на поручнях сохнут пелёнки, верхняя палуба уставлена корытами и всякой кухонной утварью, а в капитанской рубке висит и качается люлька.

Капитан выругался и подумал: «Вот если бы эту люльку тебе в кабинет, товарищ начальник пароходства! Тогда бы не стал подшучивать над старыми водниками!»

3

Если судить по телефонным разговорам Анечки Потёмкиной, то Эдисон трудился над своим изобретением только ради удобства назначения свиданий на танцевальных вечерах. У телефона Анечка проводила по крайней мере две трети служебного дня. Остальная треть уходила на воспоминания о вчерашних знакомствах и на работу. Работа заключалась обычно в исправлении ошибок, допущенных Анечкой вчера в балансовых документах.

Всё, казалось, шло прекрасно. Анечке нравилось работать в бухгалтерии Речфлота. Это было значительно легче, чем в лесном тресте, в сплавоконторе, словом, лучше, чем везде, где только работала Потёмкина.

И вдруг Анечку вызывает начальник отдела кадров и говорит:

– Знаете, товарищ Потёмкина, вы не соответствуете месту. Так вот, переводим вас на один из пароходов. Людей там не хватает. Поработаете матросом, здоровья у вас хоть отбавляй, энергии тоже. А потом пошлём учиться. Штурманом будете...

Жизнь сразу же потускнела в глазах Анечки. Она вспылила, кричала, потом плакала.

– А если я не пойду? – тихо спросила она.

– Нельзя, закон, судебное дело, – спокойно сказал начальник кадров.

Судиться Анечке не хотелось. Потом, куда она теперь пойдёт? Ведь, по совести говоря, её знают во всех учреждениях и вряд ли примут работать. Ах, почему она не старалась на работе?

Рано утром на пароход «Чкалов» явился с назначением новый матрос Анна Потёмкина. Какой ужас! Ей придётся мыть палубу, грузить дрова, тянуть канаты. И это на глазах у пассажиров. Целых четыре месяца навигации! И нельзя будет погулять по улице Павлина Виноградова, ежедневно ходить на танцевальную площадку в сад «Динамо».

На нижней палубе на кнехте сидел боцман.

– Кому это отдать? – спросила Анечка, протягивая назначение.

Боцман долго читал бумагу, потом с недоверием посмотрел на Анечку и спросил:

– Неужели к нам матросом?

– Да, – чуть удерживая слёзы, ответила Анечка. Она видела, как боцмана удивила её внешность – лихо натянутый беретик, кургузый пиджачок, подведённые брови. Совсем не рабочая внешность.

– Это что же вас заставило пойти матросом? – участливо и с жалостью спросил боцман.

Анечка, сгорая от стыда и не глядя на боцмана, пробормотала неожиданно даже для себя:

– На практику.

– Ага, значит студентка, – с удовольствием констатировал боцман, набивая махоркой трубку. – Где же вы учитесь, голубушка? В академии, может, в какой?

– Да, в академии, – соврала Анечка (по правде сказать, она туманно представляла, что такое академия), – я, знаете, её уже окончила.

– Что же это за академия? Капитанская или инженерная? У нас бывали из инженерной, пароходы учатся строить...

Тут Аню осенила блестящая мысль, что так редко с Аней случалось.

...Вчера, возвращаясь домой, Анечка купила целую пачку газет. Конечно, не для того, чтобы читать, а просто завернуть кое-что из одежды, чтобы перейти на пароход. Дома, завёртывая своё крепдешиновое платье, Аня вдруг обнаружила, что одна из газет напечатана на иностранном языке. Она развернула газету и вскрикнула от восхищения. С газетного листа на неё смотрела хорошенькая девушка. Кто она такая?

Когда-то, в пятом классе средней школы, Аня изучала английский язык. Ах, почему она тогда не старалась учиться? Аня пыталась прочитать длинную подпись под портретом девушки, но из этого ничего не вышло. Аня не могла перевести ни одного слова. Всё же она прочитала имя неизвестной. Её звали Дженни Уатс. Ещё долго билась Аня, надеясь узнать хоть что-нибудь из подписи. И она нашла слово «rolli». Теперь всё было понятно. Дженни Уатс – знаменитая киноактриса. На фотографии она заснята при

исполнении какой-то роли. И тут Аня заметила на плечах у Дженни застёжки комбинезона. Она вспомнила кинофильм «Петер», гараж, Франческу Гааль.

– Ты только играешь эту роль, – с горечью и завистью подумала Аня, – а мне придётся в жизни так работать...

Она вырезала портрет Дженни Уатс и уложила в чемодан. Может быть, кто-нибудь переведёт всё, что написано в газете о знаменитой актрисе.

И вот сейчас на палубе «Чкалова» дерзкая мысль пришла в голову Ане.

– Нет, академия не инженерная, а киноакадемия, – ответила она на вопрос боцмана.

Боцман вытаращил глаза и помахал рукой, чтобы развеять облако дыма, выпущенное им из трубки. Он никак не мог сообразить, какое отношение имеет кино к товаро-пассажирскому пароходу «Чкалов». К тому же он что-то не слышал о такой академии.

Но Анечка уже торопливо разъясняла ему:

– Видите ли, я должна исполнять в одном кинофильме роль матроса. Так вот, перед тем как сниматься, я специально хочу поработать, познакомиться, чтобы войти получше в роль. Понимаете?

– Как же не понять, – согласился боцман, – это, значит, вроде репетицию у нас будете проделывать?

– Вот-вот, вроде репетиции, – сказала Аня, и от своей выдумки ей стало необычайно весело.

Вскоре вся команда знала, что на пароход поступила матросом киноактриса Потёмкина.

4

В очередной рейс на «Чкалове» в числе команды вышло пять женщин. В последний момент, когда пароход уже готов был к отходу, капитан ещё забежал в контору пароходства и осыпал её сотрудников градом проклятий. Возвратившись на судно, он отдал какие-то невнятные приказания старшему помощнику и закрылся в своей каюте.

Отдав концы и широко развернувшись, «Чкалов» поплыл вверх по Двине.

Женщин поместили в одну каюту. Кроме Маруси Ананьиной, Полины и Анечки, была ещё Дарья Дмитриевна, поступившая на «Чкалов» матросом. Это была уже немолодая женщина, домохозяйка.

Едва судно успело отшвартоваться, как они принялись устраивать своё жильё. Через час уже каюта словно обновилась. Линолеум на полу был так натёрт, что в нём отражалась электрическая лампочка. Стены, освободившись от табачной копоти, снова заблестели краской. На окне появилась шторка.

Больше всех хлопотала Дарья Дмитриевна. На пароходе она сразу почувствовала себя как дома. Было видно, что это заботливая и беспокойная домохозяйка. Она уже успела обойти весь пароход и нашла множество беспорядков.

– Завтра мы тут наведём чистоту, – сказала она, протирая тряпкой жалюзи. Мужчины так мужчины и есть. У них только на верхней палубе

чистота, подкрашено, а внизу, на корме, в уголках безобразие творится. Ровно у неряхи – губки подмазаны, а пятки на чулках драные.

Весь вечер женщины проговорили и совсем познакомились. После своей вахты к ним зашла Оля Шевченко, третий помощник капитана. Она занимала отдельную комнату.

– Это кто такая? – спросила она, рассматривая портрет Дженни Уатс над койкой Ани.

– Киноактриса, – ответила Аня и вспомнила разговор с боцманом.

Выдавать себя женщинам за артистку не было смысла. Они сразу уличили бы её. И потому она рассказала о том, как пошутила над боцманом.

– Ну и пусть тебя считают за кинозвезду, – сказала Маруся, – а мы подтвердим. Вот забавно будет!

Первый раз на вахту Полина заступила вечером. Над рекой поднималась белая пелена тумана. На палубе стало прохладно. Когда Полина опустилась по трапу в машинное отделение, её охватил тёплый воздух. Она уже бывала здесь. Александр во время стоянок в порту приводил её сюда и объяснял устройство машины, донок, динамки, инжектора. Она ходила за ним и удивлялась. Он умел хорошо рассказывать и вечно посмеивался над ней.

– Всё тут очень сложно, – говорила она.

– Пустяки, чуть посложнее твоей швейной машинки и часов-ходиков.

Она удивлялась, что в котле давление такое, что может погубить весь пароход, что в топках котла сжигается за сутки по двадцать пять кубометров дров, что цилиндры имеют рубашки.

Сейчас Полина убедилась, что дело её совсем несложное. Нужно было в определённое время смазать подшипники и время от времени прощупывать их, следить, чтобы не загорелись. Кроме того, она поливала мыльной водой из спринцовки параллели и набивала тавотом – густым маслом – подшипниковые коробки.

Но к концу вахты она утомилась. Голову ломило, должно быть, от непривычного шума машин и от запаха масла. Немного тошнило.

– Неужели не привыкну? – думала она, укладываясь спать. – Уж лучше бы тогда не поступать.

На следующий день она легко отстояла вахту. Теперь она знала почти все подшипники и много названий частей машины. Кирилыч объяснил ей парораспределение, и она уже начинала разбираться в этом, как ей сначала показалось, хаосе двигающихся штоков, шатунов, мотылей и эксцентриков.

Подруги по пароходу, собравшись в каюте, расспрашивали друг друга о работе. Маруся и Дарья Дмитриевна наперебой рассказывали, как они стараются «забить» матросов-мужчин.

Дарья Дмитриевна следовала по пятам за капитаном, старшим помощником и боцманом. От неё не было покоя не только во время вахты, но и в свободное время. Она просила заменить швабры, требовала отремонтировать сходни, предлагала удлинить рукава от насоса.

– Послал нам чёрт тётю, – жаловался старший помощник капитану, – минуты не даёт передохнуть.

Но жаловался старый помощник так просто, полушутя. В душе он не мог нахвалиться Дарьей Дмитриевной. Как заметно преобразился пароход за несколько дней! И всё это они – Дарья Дмитриевна и Маруся. Полный порядок царит на пароходе. Даже капитан, и тот заметил изменение.

– Что ж, – говорит, – если так будут работать, то подходяще. Только чтобы ребята не обижали их. Узнаю – плохо будет!

– Они себя в обиду сами не дадут, – усмехнулся помощник, – вот послушайте, как Даша отчитывает Яшкина.

Дарья Дмитриевна стояла перед одним из матросов.

– Что же, думаешь, я ещё после тебя буду палубу скатывать? Больше намазал, чем вымыл!

– Ты не указывай, тоже капитан нашёлся. Я ведь не посмотрю, а пошлю подальше, и всё тут.

– Я сама сумею послать. А если хочешь, то и с капитаном поговоришь. Работать так работать.

Капитан сразу же вызвал Яшкина и строго сказал:

– Вот что, ты дисциплину у меня не подрывай. Она тебе правильно говорит. Время такое, должен понимать.

С тех пор матросы перестали вступать в спор с Дарьей Дмитриевной. Все они уважали и побаивались капитана Катышева. А если капитан сказал – так, значит, и верно, баба деловая.

5

Только у Анечки с работой не ладилось. Вахта тянулась томительно долго. Первые дни ещё было сносно и даже весело. Она слышала, как матросы, поглядывая на неё, шептали друг другу:

– Видал, артистка, в кино снимается!

Кочегар Иванцев даже уверял, что видел Потёмкину в двух фильмах. Среди команды пронёсся слух: скоро приедут из Москвы операторы и на «Чкалове» начнутся съёмки.

Анечка делала вид, что не слышит, как о ней разговаривают, и усиленно насвистывала мелодию из «Петера»:

Хорошо, когда работа есть...

Однако ей больше нравилось, когда работы на палубе не было, а боцман пропадал где-нибудь в дебрях III класса и не видел её безделья. Тогда Анечка вставала у перил и принимала картинную позу, прикрыв ладонью глаза от воображаемого солнца. Ей казалось, что такие позы и насвистывание окончательно утвердят за ней звание актрисы.

Раньше всех интерес к киноискусству пропал у боцмана. Капитан требовал от него порядка на судне, а боцман замечал, что порядка как раз меньше всего на той вахте, когда стоит Потёмкина. Когда Анечка неумело уложила в бухту канат, боцман рассердился и поучительно изрёк:

– Это вам не академия. Тут думать надо!

Потом на Аню начал косо поглядывать матрос, стоявший с ней на одной вахте. Хотя вначале ему льстило, что с ним работает киноактриса, и он

даже немного возгордился, но потом увидел, что такое соседство совсем не в его пользу. Пока киноактриса мечтала у борта, ему приходилось работать за двоих. А товарищи начинали посмеиваться.

Когда рейс уже заканчивался, Аня поняла, что окончательно потеряла авторитет у команды. На неё уже смотрели как на лентяйку и только пока не говорили об этом в глаза.

Перед приходом в порт после вахты она пришла к себе в каюту и заплакала. Пусть её уволят, спишут. Она найдёт себе хоть какую-нибудь подходящую работу на берегу. Дженни Уатс участливо смотрела на неё со стены.

– Счастливица! – думала Аня. – О ней в газетах пишут, портреты печатают. Знаменитая! А тут о тебе никто не хочет подумать. Какая я несчастная!

Она уснула и пробудилась от стука в дверь. «Чкалов» уже стоял у пристани. Шла разгрузка.

– Товарищ Потёмкина, вас в контору вызывают!

Приоткрывший дверь матрос усмехнулся, и в этой усмешке Аня заметила какое-то злорадство.

– Ну и пусть выгонят! – крикнула она, но матрос уже захлопнул дверь.

Куда она теперь поступит? Ах, почему она не старалась? Ведь матросом работать не так уж трудно. А осенью её, может быть, действительно послали бы учиться на помощника капитана. И стала бы она, как Оля Шевченко. Или, может быть, её снова взяли бы на зиму в контору Речфлота.

Чёрт с ними, сейчас она разругается с начальником отдела кадров, и всё кончится. В трудовой книжке появится очередная неприятная запись.

Аня хотела постучать в комнату отдела кадров, как вдруг её окликнули:

– Потёмкина, вас к начальнику пароходства вызывают. Чего же вы заставляете ждать!

Сердце Ани упало. Значит, дела у неё совсем плохие, если обо всём знает даже начальник пароходства. С трепетом поднялась она на второй этаж.

– Скорее! – сказала секретарша. – Ждут вас.

Аня нерешительно открыла дверь в кабинет и ахнула. У начальника пароходства сидели Оля Шевченко, Дарья Дмитриевна, Полина, Маруся и капитан.

– Мы тебя будили, – сказала Маруся, – а ты, верно, опять уснула.

– Садитесь, товарищ Потёмкина! – указывая на диван, вежливо пригласил начальник.

Аня ничего не могла понять.

– Я пригласил вас, товарищи, по очень важному делу, – сказал начальник, и вы, вероятно, догадываетесь, по какому. Для вас не секрет, что пароходство испытывает острый недостаток в кадрах. Из-за этого простаивают пароходы, задерживаются на пристанях грузы и лесозаводы недополучают сырьё. Навязанная нам фашистской Германией война оторвала много мужчин от производства и с транспорта. Между тем как раз в дни

войны и заводы, и транспорт должны работать особенно производительно. Должно отлично работать и наше речное пароходство, наши суда и мастерские. И вот перед нами встаёт вопрос о людях, вопрос о восполнении мужских кадров, отправившихся защищать нашу родину. Этим пополнением могут стать женщины. Я приветствую вас, инициаторов движения женщин на речном транспорте, и приказом по пароходству всем объявляю благодарность.

От неожиданности Аня уронила на пол деревянную указку, каким-то образом оказавшуюся у неё в руках.

– Вот вы уже испытали, – продолжал начальник, – как вы считаете, могут на судах работать женщины?

– Конечно, могут, – ответила Полина.

– Ещё как могут, – сказала Дарья Дмитриевна.

– Ну вот. А как на это Василий Ильич смотрит?

– Я что же, я ничего. Справляются, – смущаясь, ответил капитан.

– А если мы ещё направим на «Чкалов» женщин?

– Ну что ж, если таких, как Дарья Дмитриевна, то не возражаю. Я бы даже с удовольствием заменил кое-кого, вот Яшкина, например.

– Уже от мужчин отказываешься? – улыбнулся начальник пароходства.

– Не от мужчин, а от лодырей.

– Воспитывать надо, воздействовать. Сейчас каждый человек дорог.

Аня забеспокоилась. Вдруг сейчас капитан и о ней скажет, мол, неплохо бы заменить.

– Так вот, ваша задача, товарищи, – продолжал начальник, – пойти к женщинам, к подругам, к жёнам наших водников и пригласить их на работу. Пусть придут и помогут нам выполнить навигационную программу, задание партии и правительства.

– Я предлагаю написать обращение к женщинам! – сказала Оля Шевченко.

– Правильно, – заметил начальник, – и напечатать в газете. Это сейчас же можно сделать.

Он снял телефонную трубку и набрал номер.

– Редакция? Вот вас мне и нужно. Говорит начальник Речфлота. Сейчас у меня находятся пять женщин из команды парохода «Чкалов». Они хотят через газету обратиться с призывом к женщинам области. Да-да. Придёте? Ну, хорошо, жду.

6

И снова «Чкалов» уходил в рейс.

Теперь на пароходе одна вахта была полностью женская. Только в машинном отделении в эти же часы вместе с Полиной стоял Кирилыч. Механиков среди женщин пока не нашли.

В областной газете было напечатано обращение, подписанное всей вахтой. Кирилыч, шутя, возмущался тем, что под обращением отсутствует его подпись.

Но главное, в этом же номере газеты была помещена фотография. Пять первых женщин из команды парохода «Чкалов». Когда фотокорреспондент сказал «спокойно», Аня совсем забыла о своих невзгодах. Она постаралась улыбнуться так же, как улыбается на снимке в газете Дженни Уатс. Неужели её фотография будет в газете?!

На другой день в газете действительно появился снимок. Аня незаметно для других подносила газету к стенке, где висел портрет Дженни, и сравнивала. Правда, разница некоторая была. Во-первых, Аня была на снимке в группе, во-вторых, улыбка у неё получилась не такая полная и блистательная, как у актрисы. Но это несколько не огорчало Аню.

Теперь, особенно после благодарности в приказе, после подписи под обращением и фотоснимка в газете, Аня решила работать старательно. Она призналась себе, что весь этот почёт относится не к ней, а к её четырём подругам. Но ведь об этом знали очень немногие. Так пусть же и эти немногие убедятся в том, что она не хуже подруг!

На первой вахте в этом рейсе Аня работала, стараясь изо всех сил. Дарья Дмитриевна, с которой она теперь вместе стояла вахту, тихонько шепнула Оле Шевченко:

– Зря жаловались на девушку. Вон какая она старательная! Просто хотели сжить с парохода.

Аня явилась в каюту возбуждённая. За время вахты она кое-что придумала.

– Знаете, девушки, у меня есть предложение!

И тут она заметила, как Полина и Маруся переглянулись. По их смеющимся глазам она заподозрила что-то недоброе. Она присела на край койки и задумалась.

– Что же ты придумала? – нетерпеливо спросила Маруся.

Аня молчала. На глазах у неё проступили слёзы.

– Ну, говори скорее!

– А чего вы смеётесь? – злобно крикнула Аня. – Думаете, я лентяйка, не хочу работать?

Она закрыла лицо руками и громко заплакала.

Полина, недоумевая, оторвала руки от её лица.

– Да ты что, Аня. Мы совсем о другом. Честное слово, о другом. Успокойся, глупенькая.

– Нет, правда. Почему вы смеётесь? – Аня достала платок и высморкалась. – Ведь я буду хорошо работать.

– Говорю тебе, мы совсем о другом. Вот об этой фотографии, – сказала Полина и показала на снимок Дженни Уатс.

– А что фотография? Нравится мне – и пусть висит. Очень даже хорошенькая артистка.

– Да ведь это не артистка, – засмеялась Полина.

Аня удивлённо посмотрела на неё.

– Как не артистка? Тут же напечатано.

– Вот что тут напечатано, – Полина взяла со стола листок бумаги и протянула его Ане.

На листке карандашом было написано:

«Лучшим рабочим недели» называют в Великобритании рабочего, добившегося лучших производственных показателей за неделю. Недавно это почётное звание получила Дженни Уатс – станочница одного британского военного завода. Она выточила на своём станке рекордное количество роликов для одного важного вида вооружения. Мисс Уатс двадцать два года. За всё время работы на заводе она не пропустила ни одного рабочего дня».

– Это перевод с английского, сказала Полина. – Перевела одна пассажирка, она прочитала обращение и зашла к нам.

Аня вытерла слёзы и улыбнулась.

– А я думала – киноактриса знаменитая. Смешно как всё получилось. А ведь там написано, что она исполняет какую-то роль!

– Это не роль, а ролики, то, что вытачивает твоя «артистка». Понимаешь? По-английски называется «ролли».

– Ну, хорошо, – согласилась Аня, – это даже лучше, что Дженни не актриса, а работница. Такая же, как мы. Её бы к нам на «Чкалова»! Наверное, она здорово работает, если её в газете напечатали даже. Знаменитая!

Аня как-то по-новому смотрела теперь на портрет над койкой. И ей было очень приятно думать, что Дженни, которую она за это время так полюбила, такая же работница, как и она, Аня Потёмкина.

– Теперь скажи, что ты придумала? – спросила Полина. Ей хотелось, чтобы Аня успокоилась, забыла о своих слезах.

– Ах, я и забыла совсем. Да, вы знаете, что я хочу. Только вы не смейтесь. Я предлагаю вызвать мужскую вахту...

– Соревноваться?

– Ну да, кто лучше. А то они зазнаются очень. Яшкин смеялся над нашим обращением. Говорит, юбочная вахта.

– Хвастун, – сказала Маруся, – как бы они у нас помощи не попросили. Но это только Яшкин такой, остальные все хорошие ребята. Я с ними вторую навигацию плаваю.

На другой день утром женщины объявили всей команде о своём вызове мужчин.

7

Слава о вахте подруг разнеслась по всему бассейну. В воднической газете появился очерк о том, как женщины на пароходе «Чкалов» организовали вахту и соревнуются с мужчинами. Газета даже предсказывала победу вахты подруг в этом соревновании. Женская вахта не имела ни одной аварии. Очерк заканчивался словами: «Так работают советские женщины, так они помогают фронту в борьбе против немецких оккупантов».

На пароход поступали письма от женщин с просьбами принять на работу. Вскоре много женщин появилось на других пароходах и в судоремонтных мастерских. А однажды в газете водников был напечатан вызов женщин парохода «Белинский», обращённый к вахте подруг «Чкалова».

Полина совсем освоилась в машинном отделении. Она теперь самостоятельно несла полную вахту и хорошо изучила машину и все механизмы.

Одно беспокоило Полину: от Александра уже два месяца не было никаких известий. Она писала ему о своей работе на «Чкалове», о подругах, но ответа не получала.

Наступил сентябрь, и с ним пришли тёмные ночи. Пароходы шли без огней, чтобы не привлекать внимания вражеских самолётов. Немецкие разведчики иногда появлялись над рекой, здесь, как казалось Полине, в очень глубоком тылу.

Один раз Полина видела самолёт. Он шёл на большой высоте. Где-то далеко за лесом ударили зенитки. Серые клубки от разрывов долго висели в вышине, пока совсем не растаяли. Полина оглянулась и, убедившись, что на палубе никого нет, погрозила в небо кулаком. Появление вражеских разведчиков скрывалось от пассажиров, чтобы не навести паники.

Возвращаясь из рейса, Полина скорее бежала домой в надежде найти драгоценный конверт со штемпелем «полевая почта», но ожидания не оправдывались.

Вот и сегодня томится она ожиданием. Остаётся ещё несколько часов ходу. В каюте никого нет. Все на палубе. Стоит солнечный, редкий для осени день. «Чкалов» плывёт по широкой реке в спокойном одиночестве. Шумят колёса, да за кормой отчаянно кричат чайки, ожидая подачки с парохода. Изредка кто-нибудь из пассажиров бросает чайкам кусочек хлеба.

Полина набросила на плечи рабочую куртку, намереваясь подняться наверх. Она приоткрыла дверь, но в этот момент пароход сильно трянуло. Раздался непонятный гул, похожий на короткий раскат грома. Над головой, на палубе, послышались торопливые шаги бегущих и испуганные крики. Звенел колокол. Она выскочила из каюты и побежала к лестнице, ведущей наверх. Её встретил поток пассажиров – мужчин, женщин, детей. Перепуганные, они толкались, кричали и мешали друг другу. На лестнице образовался затор. Громко плакали дети, стиснутые толпой в узком проходе лестницы. Паника уже захватила нижнюю палубу, женщины забивались в углы, хватая детей, мешки и чемоданы.

Какой-то здоровый парень задерживал пассажиров в проходе лестницы. Сам он уже пробился, но его огромный мешок застрял. Парень с переполненными страхом глазами пытался вырвать мешок из толпы.

Полину трясло, но не от страха, а от волнения. Чувство гадливости охватило её при виде этого перепуганного, подминающего детей толстомордого парня.

– Отпусти мешок! – закричала Полина вне себя от ярости и с силой рванула парня за рукав.

Оторвавшись от толпы, парень рухнул на палубу. Затор прорвался.

– Тише, товарищи! – попыталась успокоить бегущих Полина, но её не слушали, бежали, падали, кричали.

Выбравшись наверх, она увидела, что верхняя палуба совсем опустела. К ней подбежала Аня.

– Бомбу сбросил. У берега, на мели взорвалась! Вот опять летит...

По направлению к пароходу, зловеще ревя моторами, летел большой самолёт. Белые кресты были отчётливо видны на его плоскостях.

– Второй заход, – сказал помощник капитана. – Определённо сбросит ещё. По местам! Подготовить шлюпки! Потёмкина, чего ты копаешься!

Аня силилась развязать узел каната. Полина подбежала к ней, чтобы помочь.

Пронзительный свист бомбы заставил её броситься на палубу. Это был звук, ни на что не похожий, остро впивающийся в сознание, в сердце. Сейчас... сейчас...

Но взрыва не последовало. Бомба ушла в воду.

Полина вскочила. Самолёт снова приближался и теперь летел совсем низко. Всё кончено. На этот раз он, конечно, не промажет. Зачем он нападает на пароход? Ведь видно, что пассажирский. Женщины, дети... Хотя им всё равно, ведь это немцы.

С оглушительным рёвом пронеслась над головой чёрная махина, на мгновение совсем заслонив небо. На корме полыхнуло белое пламя. Вокруг зашипела, за клубилась вода.

– Зажигательные! Скорее к шлангам! – услышала она крик капитана.

Корма была в огне. Полина побежала туда. В дыму она столкнулась с Дарьей Дмитриевной.

– Передайте в машину, больше воды! – кричала Оля Шевченко.

Орудую топором, Полина разбивала верхнюю палубу. Мелькали лица Маруси, Ани, Дарьи Дмитриевны, боцмана, других женщин и матросов. Невыносимо слезились глаза, пламя обжигало руки, лицо. Вдруг она услышала продолжительный, прерывчатый треск, звон стекла, стон. Самолёт пролетел над правым бортом.

– Из пулемёта бьёт, ложись! – закричал помощник капитана.

Потом всё стихло.

– Аня, что с тобой? – Полина наклонилась над лежащей девушкой, приподняла голову. Она ощутила на своей руке кровь, тёплую и липкую. – Аня, ты ранена?

На большую реку спускались тихие голубоватые сумерки. Река струилась, безмолвная и величественная. Словно мать ребёнка, она бережно и неторопливо несла пассажирский пароход, закопчённый, обезображенный, ещё дымящийся после пожара.

8

Не дочитав до конца, Полина оперлась на косяк окна и заплакала. Письмо упало на подоконник, и капли дождя смочили бумагу. Танюша прижалась к ней и, глядя испуганными глазёнками на мать, тоже была готова расплакаться.

– Мама, что с папой?

– Всё хорошо, Танюша. Папа жив, он только немного ранен. Вот видишь, он даже сам пишет. И велел тебя крепко поцеловать.

Полина почувствовала, что ей холодно, и закрыла окно. Потом она ещё раз поцеловала дочь.

– Ты уедешь сегодня, мама? – спросила Танюша.

– Нет, я приду вечером, моя девочка, и буду с тобой.

Она вышла на улицу. Холодный ветер заставил поднять воротник дождевика. «Ещё будут очень трудные дни, – подумала Полина. – Но она выдержит все испытания, как выдерживала до сих пор. А потом...» Она улыбнулась и ускорила шаги. Нужно ещё было заглянуть в госпиталь к Ане, а потом спешить на «Чкалова», где проходили ремонтные работы.

Север. 1943

ХИЖИНА ДЯДИ АНДРЕЯ

Милый, чудесный человек дядя Андрей, старый охотник и рыболов, гроза лесных хищников, наш постоянный «консультант по делам охоты»!

Вечерами, когда за чёрным Кунд-озером солнце нанизывалось на острия длинноствольных ёлок, он выходил из своей избушки покоптить белый свет стойким дымом ярославской махорки. И в это время, проплыв восемнадцать километров на пароходе-колёснике и пройдя десять по узким лесным тропкам, мы являлись к нему.

По сравнению с дядей Андреем мы были горе-охотниками. Теперь я могу признаться: добрые три четверти нашей добычи – зайцы и белки, глухари, косачи и тетёрки, которых мы привозили домой в рюкзаках, – были пойманы и убиты дядей Андреем.

Вечером мы слушали рассказы старого охотника, а утром вместе с ним бродили по лесу, осматривали силки, стреляли.

Иногда мы не заставляли охотника дома. Но хижина дяди Андрея всё так же гостеприимно встречала нас. По старым карельским обычаям, избушка не имела замков и засовов. Черёмуховый кол подпирает дверь. Однако мы знали, что можем спокойно располагаться в избушке на отдых. Смолистая растопка и берёста были заботливо приготовлены дядей Андреем для костра. Всегда можно было найти в хижине кусок вяленого мяса, сушёную рыбу, мешочек с крупой.

Последний раз мы были у дяди Андрея в самую короткую ночь в году. Впрочем, ночи не было совсем. Не успели потемнеть за озером на закате сосны, как восток снова загорелся зарёй.

Охота в это время года запрещена. С вечера мы забросили в озеро жерлицы и до восхода проговорили с дядей Андреем об охоте, о повадках зверя, о былых временах кремнёвок и бердан и о всякой всячине.

Когда роса накрыла озеро и стало прохладно, мы перебрались в избушку. У потухающего костра остался Боско – густошёрстая спокойная и умная лайка. Уткнув морду между лапами, Боско чутко спал, часто поводя острыми стоячими ушами.

– Охота – хитрое дело, – рассказывал дядя Андрей. – Ну вот возьмём капкан. Пропах он железом, и ржавчиной, и керосином, и маслом. К такому капкану ни одна лесная тварь не подойдёт. Капкан никакого запаха не должен напускать в лесу. Хвоей его почаще протирать нужно. Я даже голой рукой капкана не касаюсь, рукавицы особые у меня вон лежат. А люди думают – секрет какой-то дядя Андрей знает. На дядю Андрея, говорят, зверь сам бежит...

Из окна избушки было видно озеро. Оно лежало длинное, причудливое в своих очертаниях, обнесённое частоколом мачтовых сосен и елей. Казалось, озеро дышало.

– Спать теперь некогда, – сказал дядя Андрей. – Нужно снасть посмотреть.

Озеро запылало, подожжённое зарёй. У самого берега плеснулась рыбёшка.

– И как же хорошо наша жизнь устроена! – говорил дядя Андрей, натягивая свои высокие болотные сапоги. – Никуда я из своих мест не уезжаю, а вещи всякие и харч у меня в избушке со всего государства собраны. Ружьё ижевцы смастерили, топор, по клейму видно, в Москве отковали, нож вот этот матрос из Мурманска подарил, сумка ленинградской работы... Махорочку ярославскую курю, чай – таджикский, вот тут написано. Порой вот сидишь так и думаешь: словно у тебя во всём Советском Союзе дружки живут и не забывают, шлют всё. Вот так и послал бы в подарок тому таджику, что этот чай вырастил, самую лучшую лисью шкуру.

В тот день мы поздно вернулись от дяди Андрея и пожалели, что в его хижине не было радио. Фашистские войска напали на нашу землю.

Кунд-озеро, где стояла хижина дяди Андрея, лежало в тридцати километрах от советско-финляндской границы. Нам больше не удалось побывать у дяди Андрея. О нём рассказали колхозники, ушедшие из деревни Кундозёрской, занятой гитлеровцами и белофиннами.

Дядя Андрей позднее других узнал о войне. Не голосом диктора и не газетным сообщением вошла война в его охотничью избушку, а воем снарядов, тревожным гулом самолётов и автоматными очередями.

Три дня в его избушке лежал раненый пограничник, укрываясь от фашистов.

Когда ночью дядя Андрей проводил пограничника никому не ведомыми тропами за линию фронта и вернулся домой, он застал в своей хижине незваных гостей – немецких офицеров.

Они окружили дядю Андрея и что-то требовали от переводчика-финна.

– Охотник я здешний и ничего не знаю! – отвечал дядя Андрей на вопросы переводчика.

Он смотрел, как три немца пили его водку и ели его копчёную жирную рыбу. Двое других уже спали.

Внезапно послышался лёгкий шум. Немцы уставились на дверь. Дядя Андрей знал: это Боско царапает косяк и просится в избушку. Дверь чуть приоткрылась, и немцы увидели красивую собачью морду. Один из них выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил.

– Айн!

– Не надо! – закричал дядя Андрей.

Боско спокойно смотрел на немца.

– Цвай! – произнёс немец и вторично нажал на спусковой крючок.

Собака завизжала. Дверь захлопнулась, но немец подскочил и распахнул её. Он выстрелил в третий раз.

– Драй!

Раненый пёс рванулся в сторону, подпрыгнул и, свалившись, замер в траве.

Дядя Андрей посмотрел на свою двустволку и с силой повернул голову в сторону.

В чугунном камельке лихорадочно подёргивалось тусклое пламя. Финн-переводчик ухватился за полку и повис на ней. Доски треснули – хорошее, сухое топливо!

– Зачем порушил? – Дядя Андрей вскочил и схватил финна за руку.

– Сиди, – сказал финн, – теперь я здесь хозяин. Карельская земля – наша земля!

Сухие доски ярко запылали в камельке. Пламя гудело, прорываясь через колена трубы.

Кто же здесь хозяин? Кто жил в этих местах двадцать пять лет? Кто построил эту избу? Кто мастерил эти скамейки и полочки, красил наличники, разбивал грядку под окошком? Кто охотился в этих лесах и рыбачил на Кунд-озере?

«Посмотрим ещё, кто здесь хозяин!» – подумал охотник.

Всякому тяжело переносить обиду, но особенно тяжело она переживается старыми людьми. Обида ещё больше старит их, сутулит, делает молчаливыми.

Дядя Андрей очнулся утром. Финн и немцы спали. Оконное стекло, казалось, плавилось в лучах солнца. Дядя Андрей осторожно поднялся, снял двустволку и тихо вышел из избушки. Вокруг никого не было. Знакомый клёст свистел и щёлкал в густой, позолоченной солнцем листве.

Для кого теперь будет щёлкать и посвистывать эта косоклювая хлопотливая птица? Чей сон будут охранять от ветров стены старой охотничьей избушки? Хозяин должен уйти. Для него всюду найдётся крыша.

Настанут другие, как и прежде, счастливые дни. Построит дядя Андрей новую избу у Кунд-озера, и друзья со всей страны помогут ему поднять хозяйство. А захватчикам – ни кола ни двора. В карельских лесах и в избах место только друзьям.

Хозяин снял с шеста несколько колец берёсты и швырнул их к стене избушки. Ногой подтолкнул охапку сучьев. Подумал, подошёл к двери и подпёр её колом. Всё это он делал не торопясь, спокойно, словно обычное своё ежедневное дело. Спокойно чиркнул спичкой. Издали можно было подумать, что охотник собирается готовить себе завтрак: так неторопливы были его движения.

Берёста вспыхнула бледным длинным пламенем, почернела и свернулась в тугой ком. Молочный дым пополз по земле.

Дядя Андрей ставнем прикрыл костёр, разведённый под стеной хижины, оглянулся и быстрым шагом пошёл прочь. Через мгновение он уже скрылся в лесных зарослях.

Утро в северном лесу полно запахов моха и травы, напитанных росой, брусничника и прелой земли, хвои можжевельника и листвы ольхи. Дым горящего сухого дерева, лёгкий и бесцветный, дополнял утренний запах леса. Пламя охватило избушку. Тихо горели стены, с треском занимались пламенем просушенные солнцем доски у окон и крыши, шипел и дымил в пазах жёлтый застарелый мох.

Так перестала существовать хижина дяди Андрея – гостеприимная охотничья избушка. В своих стенах она задушила фашистов.

Исчез старый охотник дядя Андрей. А в карельских лесах появился новый отряд партизан. И как рассказывали кунд-озёровские крестьяне, отрядом этим командовал старый человек, меткий стрелок.

Север. 1943

УЧЕНИК ТИГРОБОЯ

В одной из рот Н-ского полка бережно хранится железная доска. В центре доски – три отверстия, три пробойны от бронебойных пуль.

Об этой доске я вспомнил недавно, в Москве. Жил я в гостинице. Однажды, когда я вернулся к себе в комнату и ещё не успел снять пальто, в дверь постучали.

В комнату вошёл офицер с погонами подполковника. Он молча приложил руку к фуражке. Глаза его смеялись, и было видно, что он меня знает. Но я его вспомнить не мог.

– Проходите, пожалуйста, – сказал я.

Подполковник протянул мне руку и сказал:

– Да, времени много прошло. Не помните? А старую книжку о Тигробое помните?

Он улыбнулся. И эта улыбка и особенно напоминание о книге заставили меня всё вспомнить.

Зато я не могу сейчас точно сказать, что мы делали в ту первую минуту, когда я узнал в подполковнике бывшего рядового запасного полка Николая Мальгина. Кажется, мы обнимались, помогали друг другу раздеваться, удивлялись и радовались встрече.

Над тремя рядами орденских планок на груди Николая Владимировича поблёскивала золотая звёздочка Героя.

В то время, почти двадцать пять лет назад, я служил в окружной военной газете. Мне часто приходилось бывать в полку, куда рядовым бойцом пришёл молоденький Николай Мальгин.

Был он застенчив и молчалив.

Вечерами доставал из своего мешка старую-престарую книжку с распадавшимися страницами и начинал её читать.

Однажды я взял у Мальгина эту книгу. Титульного листа не было, я не мог узнать ни автора, ни названия книги. Тогда я наудачу раскрыл страницу и прочитал:

«Отважный Тигробой прицелился и выстрелил. Хищный зверь высоко подпрыгнул и замертво упал на землю».

Сразу же вспомнилось детство. Майн Рид, Густав Эмар, Фенимор Купер...

– Интересная? – спросил я.

– Очень, – ответил Николай. – Я эту книгу, наверное, десятый раз читаю. Про охотника. Смелый был и стрелял метко. Вот таким бы стать! Я ведь тоже охотник. Только в наших местах тигры не водятся. Даже медведи теперь редкость. Одни зайцы, ну и птица разная...

Николая Мальгина зачислили в противотанковую роту, и он стал учиться военному искусству. Сапёрной лопатой он рыл траншеи, окопы и ячейки, возводил брустверы, по-пластунски ползал по земле, укрываясь за холмиками, буграми и кустиками. Навстречу бойцам двигался учебный макет танка.

Николай выбирал уязвимое место «танка» и прицеливался. Учился он прилежно, но скучал и не скрывал этого. Он ждал отправки на фронт. В эти дни на фронте наши войска начали решительное наступление против немцев.

В роте теперь хорошо знали Мальгина. Он лучше всех стрелял из противотанкового ружья и забивал в мишень пули, словно гвозди, – точно и уверенно.

Накануне отправки на фронт Мальгин стрелял, как всегда, спокойно и уверенно. Железная доска была укреплена на макете танка. «Танк» полз на бойца. Три выстрела. Три бронебойных пули. Три пробоины в центре железной доски, той доски, о которой и упоминал в начале рассказа и которая до сих пор хранится в роте Н-ского полка.

Вечером после стрельб я увидел Николая Мальгина. Он читал какую-то книжку.

– Опять про Тигробоя? – спросил я, хотя видел, что Мальгин читал не старую потрёпанную книжку, а новенькую брошюру.

– Точно, про тигробоя, а вернее – про тигробоев, улыбнувшись, ответил Николай. – Читайте, как наши бронебойщики «тигров» фашистских уничтожают. «Тигры» – это танки у них такие. А наши их бьют, как настоящие тигробои. Вот таким бы стать!

– А про Густава Эмара забыл? – спросил я весело.

Николай махнул рукой:

– Далеко тому Тигробою до наших!

Николай вскоре уехал на фронт в составе маршевой роты. Я провожал уезжающих бойцов:

– Ну, Николай, ждём весточку для газеты!

Длительное время мы ничего не слышали о Николае Мальгине. И вот пришло письмо с фронта от заместителя командира полка.

«...В вашей части служил отличный воин-бронебойщик Николай Владимирович Мальгин, – писал майор. – Когда фашисты атаковали наш полк, переправившийся на правый берег Днепра, Мальгин проявил изумительное мужество. До двадцати фашистских танков рванулись на наши позиции. Гитлеровцы хотели раздавить, сбросить советских воинов назад, в Днепр. Николай Мальгин, находясь впереди подразделения, тремя выстрелами подбил три немецких танка. Четвёртый “тигр” смял его позицию. Но когда машина проскочила дальше, пуля чудом спасшегося бронебойщика остановила её. И всё это благодаря умению и стойкости отважного воина Николая Мальгина. Ещё два выстрела успел сделать герой. И ещё два танка остались на поле боя. Контратака была отбита.

Вчера мы проводили Николая Мальгина в Москву. Он поехал получать высокую награду – медаль “Золотая Звезда” и орден Ленина...»

Через несколько дней я получил письмо. Оно было из Москвы, от Мальгина. Он просил передать привет редакции и в конце письма, между прочим, написал:

«Помните старую книжку о Тигробое? Она заронила во мне мечту о смелости, о меткой стрельбе. Но научился я этому у наших бронебойщиков, у советских тигробоев».

Мы разговаривали с Николаем Владимировичем до полуночи.

– А где теперь та книжка, старая, о Тигробое? – спросил я. – Потерялась?

– Потерялась, – подтвердил подполковник и усмехнулся: – Может быть, солдаты раскурили.

Я посмотрел на Николая Владимировича, на его звезду и подумал: вот о каких тигробоях надо теперь писать книги!

Патриот Родины. 1944. 1 мая

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Утром в берёзовой роще засвистел и защёлкал невидимый бесстрашный клёст. Переливчатый свист необычайной чистоты заставил Яна вздрогнуть.

Ян инстинктивно сжал кулак вместе с горстью влажной от росы, пахучей земли.

Он лежал в тесной, неудобной ячейке, лежал молча, полный ожидания и напряжения. Впереди, в нескольких сотнях шагов, проходила граница, а за ней – ненавистная фашистская Германия.

Бойцы ожидали сигнала к атаке. Ожидал Ян, крестьянин и партизан, теперь красноармеец.

Он разжал кулак и взглянул на горсточку земли. Против его воли глаза застлала голубая влага. Человека в двадцать семь лет трудно заставить плакать. То были слёзы большой ненависти и большого счастья.

Переливчатый свист клеста и горсточка земли в сжатом кулаке – как и три с лишним года назад. Но тогда Яну было двадцать четыре года и его волосы не убеляла седина...

...Подминая плетни и посевы, ползли тогда крестоватые зловещие танки. И может быть, это было первое, что вызвало ненависть и обиду в сердце молодого крестьянина.

У деревни шёл бой, и Ян полсуток не мог попасть к своей семье. Фашисты ворвались в деревню и подожгли её. Свою злобу они выместили на жителях деревни, перед которой им пришлось задержаться на двенадцать часов.

У родного пылающего дома Ян нашёл убитого старого отца. Может быть, Яну посчастливилось: среди многих трупов он не нашёл своей жены и своей дочери. Может быть, он мог надеяться увидеть их живыми.

В тщетных поисках Ян ходил вокруг деревни, по полям и лесам, пока его ночью не задержали немецкие солдаты. Ему сказали: «Шпион!» - и закрыли в сарае.

К утру над выгоревшей деревней стояла тишина. Дверь открыл унтер-офицер. Он вытолкнул Яна из сарая и указал в направлении речки. Ян догадался: ведут на расстрел.

За что?

Вели двое – унтер и солдат. Солнце чуть-чуть приподнялось над полями. Оно ещё не успело высушить на травах росу. Унтер бы самодоволен и насмешлив, солдат – молчалив и равнодушен. И между ними, опустив голову, шёл смертник Ян.

Унтеру было скучно, он искал развлечения. Некуда торопиться, белорус всегда успеет получить свои несколько граммов свинца. Пусть он перед смертью выразит последнее желание. Международное право! Унтер захихикал.

Они стояли на песчаном берегу речки – два палача и осуждённый без суда.

Последнее желание! Чтоб вы сгинули, проклятые мучители! Нет, этого желания они не выполняют.

– Я хочу проститься с моей землёй! – сказал Ян.

Унтер совсем развеселился. Чего же с землёй прощаться, всё равно в ней придётся лежать. Или белорус мечтает о небе? Он кивнул головой в знак согласия.

Ян взял в руку горсть песчаной сырой земли. Он смотрел на неё долго-долго, потом приложился к ней губами. Над головой, на высокой сосне, засвистел невидимый клёст...

Это длилось секунду-две. Потом – резкий взмах, и горсть песку ослепила глаза унтера. Не успел солдат опомниться, как винтовка под сильным ударом вылетела у него из рук. Ян выхватил у ослепшего унтера пистолет и двумя выстрелами решил судьбу.

Так началась борьба.

Он скрывался в лесах, три года партизанил. Когда партизанский отряд соединился с Красной Армией, Ян стал красноармейцем.

И вот части Красной Армии подошли к границе Восточной Пруссии.

Ян лежал в тесной ячейке и ждал сигнала к атаке. Стояла необычная, напряжённая тишина. Переливчатый свист клеста заставил его вздрогнуть. В инстинктивно сжатом кулаке скрипнула земля.

Земля! В затуманенном влажном взоре Яна она засверкала бесчисленными кристаллами. Свободная снова, родная, советская...

Земля! Ощутимая весомость золотых колосьев и пряные запахи сочных трав. Сколько дней, недель, месяцев тосковали по тебе твои хозяева! Блёстки металла в сыпучем изломе – чугуна, меди, золота. Дым кочегарок, струи нефти и искристость антрацита. Земля, земля...

Вокруг уже бушевала канонада. Орудийные залпы сотрясали землю. Над головой ныли снаряды.

Взвилась ракета. Ян вскочил, нажал на спусковой крючок и, увлекаемый неудержимым порывом, побежал вперёд.

Патриот Родины. 1944. 10 ноября

ПОДВИГ

Есть много чудесных легенд у народа. Но нет легенды и сказки величественнее и изумительнее, чем подвиги советских людей, вставших на защиту своей матери - Родины.

Эту историю рассказал нам капитан Каплин. Капитан Каплин, старший сержант Зубов, сержант Греш, красноармеец Марусяк служат в одном из подразделений нашего округа. Все они хорошо знали сержанта-коммуниста Курицына. Они никогда не забудут имени героя. Что же сделал сержант?

Наши войска наступали, не давая врагу закрепиться на промежуточных рубежах. Артиллеристы неотступно сопровождали пехоту.

Но вот противник, оправившись, стал переходить в контратаки.

Наступление задержалось.

Орудийные расчёты оборудовали огневые позиции. По болотам протянулся телефонный провод. Батареи получили приказ на артиллерийскую подготовку. Мешкать было нельзя.

Противник накопил крупные силы и готовил решительную контратаку.

Наши связисты успели натянуть телефонную линию от огневых позиций к командиру батареи и дальше к передовому наблюдательному пункту. Командир батареи взял трубку, чтобы передать данные на батарею, но связи не было.

– На линии повреждение!

В ответственный момент, когда нужно вести интенсивный огонь, связь отказала. Между тем, подготавливая атаку, заговорили немецкие орудия и миномёты. Нужно немедленно исправить повреждение. Нужно соединить концы провода, дать контакт, оживить линию.

Пехотинцы лежали, прижатые к земле вражеским огнём. Они не могли подняться и ожидали помощи артиллеристов. А артиллеристы ждали команд.

Исправлять телефонную линию направился командир отделения связи сержант Курицын. Он выскочил из окопа и пополз. Командир батареи что-то кричал ему, но сержант, должно быть, не слышал его слов. Он торопливо полз, пригибая к земле голову, и вскоре скрылся в дымовой пелене.

Об остальном можно лишь догадываться.

Сержант полз вперёд. Вокруг него бушевал вихрь разрывов. Глаза слезились от дыма. Иногда он ощупывал провод и припадал лицом к взрыхлённому торфянику, когда мина рвалась рядом.

Совсем близко огненной очередью залился вражеский пулемёт. Второй очередью сержант был тяжело ранен. Преодолевая боль, он продолжал ползти вперёд.

Порыв найден. Теперь надо найти второй конец. Сержант пополз вправо, держа провод в зубах и руками разрывая землю у воронки. Вот и второй конец. Но в тот момент, когда связист схватил найденный конец провода, минный осколок ударил его в плечо. Сержант натянул проволоку, но соединить концы уже не было сил. Руки ослабли, и пальцы не повиновались. Напрягая последние силы, герой подтянул провод ко рту и, стиснув зубы, соединил оба конца...

Связь заработала.

После боя сержанта Курицына нашли лежащим у неглубокой воронки. Жизнь покинула его. В крепко стиснутых зубах он держал соединённые концы телефонного провода.

Патриот Родины. 1944. 28 декабря

СТО СОЛДАТ И МАЛЬЧИШКА

Для разговора с фашистами рядовой Фёдор Иванович Осипов в своём запасе имел два немецких слова, безотказный автомат и три гранаты. Чужеземной речи Фёдор Иванович терпеть не мог, но два известные ему слова при встречах с немцами всё же употреблял, потому что действовали они тоже почти безотказно. Собственно, эти слова, заставлявшие врага поднять руки, были как бы придатком к автомату.

Город уже был захвачен, и теперь бойцы вытаскивали на белый свет последних гитлеровцев, схоронившихся в самых укромных местечках.

Держа наготове оружие, Осипов спустился по выщербленным ступеням в подвал. Там стоял полумрак, пахло сыростью и плесенью. Осипов провёл лучом карманного фонарика по углам и крикнул:

– Хенде хох!

Он заметил, как в углу за бочкой что-то зашевелилось.

– Хенде хох! – повторил боец и уже по-русски весело добавил: – Вылезай, вылезай, кто сдаётся, того не уничтожаю.

Человек, скрывавшийся за бочкой, покорно поднялся. К величайшему удивлению Фёдора Ивановича, он оказался чуть повыше бочки, хотя и стоял во весь рост. Конечно же, это был не фашист, а всего-навсего мальчишка.

– Дядя, не надо, не стреляй!

Выставив руку вперёд, словно защищаясь, мальчишка громко всхлипнул.

– Вот так оказия, – удивился Осипов. – Да ты откуда взялся? Не реви...

Только сейчас распознав родную речь, мальчуган вытер рукавом глаза, а заодно и под носом, и спросил:

– Ты наш, что ли? Русский?..

– А то какой же, ясно дело, русский... Кто тут ещё есть?

– Никого.

– А немцы?

– Не-е...

– Так ты чего тут делал?

– Прятался. За мной один немец побежал.

– А мать у тебя где?

Мальчуган опять всхлипнул, потом навзрыд заплакал.

– Ну, ладно, не реви. Пойдём наверх. Как звать-то тебя?

– Андрейка...

Они поднялись наверх, и теперь Осипов мог хорошо разглядеть мальчишку. Ему было лет пять, не больше. Женская вязаная кофта заменяла ему пальто. На кофте оказалось столько заплат, дыр и грязи, что определить её цвет было невозможно.

Андрейка шёл медленно, пришаркивая правой ногой. Он боялся оставить на дороге свой единственный ботинок, не уступающий в размерах сапогам правофлангового гвардейца Осипова. Должно быть, Гекльберри

Финн перед Андрейкой выглядел бы франтом. Но Фёдор Иванович не читал повестей Марка Твена.

В городе было совсем тихо, как после промчавшегося урагана.

Они шли не торопясь, как старые приятели, толкуя о жизни. Бойцы встречали их весёлыми возгласами.

– Ого, Осипов, где ты такого «языка» достал?

– Сынка встретил, Фёдор Иванович?

Осипов тоже шутил, шуткой подбадривая Андрейку, а у самого где-то глубоко в груди притаилась щемящая тоска по семье. Серёже недавно пять исполнилось. А Катюшка уже в школу ходит. Фёдор Иванович силился представить своего Серёжу и никак не мог.

Андрейка ничем не напоминал сына. Худенький, остроносый, чернявый, он, должно быть, был южанином. Хотя Осипов не мог представить сына, но он знал, что у Серёжки льняные волосы, круглые щёки и нос – маленькая забавная луковка.

Фёдор Иванович взглянул на Андрейку и неожиданно для себя пожалел о том, что он совсем не похож на сына. Солдат вдруг спохватился и стал рыться в карманах, но ничего не нашёл. Он вспомнил, что ещё ночью перед штурмом догрыз последний сухарь. То были часы напряжённого ожидания и волнения, и в такие часы у Осипова почему-то всегда появлялся аппетит.

Угостить Андрейку оказалось нечем. Впрочем, скоро должны были подойти кухни. Покормить, а потом с первой машиной можно отправить в тыл.

У Андрейки были грустные глаза, и солдату непременно захотелось его развеселить. Осипов ещё порылся в карманах, вытащил неизвестно почему оказавшиеся там две автоматных гильзы и протянул мальчугану.

Андрейка, не останавливаясь, осмотрел гильзы и возвратил их Осипову.

– Пустые, – равнодушно сказал он. – Такие не выстрелят...

Потом подумал и повторил очевидно где-то слышанные слова:

– Совершенно безопасно.

– Ух ты, – удивился Осипов. – Бывалый. Тебе всё известно.

На отдых рота повзводно расположилась в нескольких одноэтажных домах на окраине города. Сюда подвезли кухню. После некоторого затишья улица оживилась. Побрякивали котелки, всюду слышались смех и разговор усталых солдат.

– Так-так, – сказал старшина роты, выслушав Осипова и оглядывая Андрейку. – Значит, молодое пополнение в роту. Ну что же, покорми. Да вот беда – машины сегодня не пойдут. На три дня рота вместе с полком остаётся в городе. Может быть, на шоссе какую перехватим, с ней и отправим.

Фёдор Иванович принёс два котелка с супом, занял у ефрейтора Коноплёва ложку и сказал:

– Давай, Андрейка, перекусим... А там видно будет.

Оказалось, что Андрейка уже два дня ничего не ел.

Две недели назад в той деревне, где жил с матерью Андрейка, гитлеровцы собрали всех молодых женщин и погнали на запад. Это были

страшные две недели. Андрейка тащился за матерью, держась за её руку. Потом женщины работали – строили укрепления на подступах к городу уже на чужой земле. А вчера женщин опять погнали дальше на запад.

Гитлеровский офицер на этот раз не разрешил матери взять мальчика. Она кричала и плакала. Её увели насильно. Андрейка бросился к матери, но конвоир отогнал его. Он ещё раз попытался подойти, тогда конвоир погнался за ним. В испуге мальчик забрался в подвал. Он провёл там ночь, заснул, а утром его разбудила стрельба.

...Андрейка ел с жадностью. Как давно не ел он такого супа! Но вспомнив о матери, он отложил ложку, и крупные слёзы закапали прямо в котелок.

– Ничего, малыш, – пробовал его успокоить ефрейтор Коноплёв, – вот фашистов переколотим и найдём твою маму.

Но Андрейка не унимался.

Вокруг собирались бойцы и сержанты.

– Мы завтра же разыщем твою маму, – сказал сержант Голубков. – Не надо плакать...

– Правда, найдёте? – недоверчиво спросил Андрейка.

– Говорю найдём, значит, найдём. Доедай, потом я тебя песенке одной научу. Про Волгу-Волгу не знаешь? Ну вот. А дядя Петрович сказку расскажет про немецкого генерала и русского партизана. Тоже не слышал? А вон тот дядя, Рыбников его фамилия, автомат тебе смастерит.

Слёзы у мальчугана высохли, и глаза глядели уже совсем весело.

– Ну вот, – продолжал Голубков, – житьё тебе у нас будет в роте. Сто солдат – сто забав. Конфет только нету. Зато сахар есть, вот держи. – И сержант сунул в Андрейкину руку огромный кусок сахара.

Спустя полчаса Андрейка, заботливо укрытый солдатскими шинелями, спал на широкой кровати. А бойцы, занимаясь каждый своим делом, вспоминали семьи и беседовали о горькой судьбе маленького Андрейки.

– Где-то мой Павлуха! – говорил Рыбников, вырезая ножом из доски игрушку. – Деревню спалили, а о них ни слуху ни духу. Может быть, перебили или в Германию увезли... Эх, да я за своего Павлуху у врага душу выну!

– На тебя обижаться не приходится, – сказал ефрейтор Коноплёв. – Ты уже не у одного эту самую душу вынул.

– Мало, – ответил Рыбников. – Мало ещё вынул. Таких, как мой Павлуха, может быть, сто тысяч. А за каждого мальчика по три фашиста надо. Вот и подсчитай, ты ведь алгебру проходил.

Коноплёв о чём-то задумался.

– Не ломай голову, – уверенно сказал Рыбников. – Тут и без алгебры обойтись можно. Когда последнего фашиста хлопнем, тогда и совесть наша чиста будет.

Утром командир роты, узнав об Андрейке, позвал его завтракать к себе.

– Если б не война, – сказал он, усаживая мальчугана, – был бы ты нашим воспитанником. Стал бы носить гимнастёрку с погонами и пилотку со

звёздочкой. Впрочем, экипировку мы и так тебе сменим. А то вид у тебя очень уж непрезентабельный. Хочешь быть военным?

Андрейка, освоившись в новой обстановке, кивнул головой.

– Тебя в суворовскую школу устроят. Будешь офицером, а может быть, и генералом.

– Маршалом, – засмеялся ординарец, подставляя Андрейке котелок с макаронами.

Командир роты подарил Андрейке два цветных карандаша и толстую тетрадь, а потом вызвал старшину.

– Обмундировать надо солдата, – сказал он, поднимая Андрейку к потолку.

– Я уже отдал приказание, товарищ лейтенант, – ответил старшина. – Разрешите снять мерку?

В каждой роте среди советских бойцов всегда найдутся мастера, которые умеют строить дома или чинить сапоги, рисовать плакаты или ремонтировать машины. Нашлись в роте и портные.

Андрейка познакомился с солдатами всей роты и быстро привык к своим новым друзьям. Бойцы рассказывали ему солдатские сказки, научили петь «Катюшу», а повозочный Мартынов катал его верхом на лошади. Словом, жизнь Андрейки в эти дни отдыха роты была весёлой и интересной.

Вечером старшина переделал его в новый костюм, и мальчишка стал похож на бойца.

Здесь, на чужой земле, Андрейка был для советских солдат тем, что напоминало им о Родине, об оставленных семьях. И каждый из них старался сделать для маленького соотечественника что-нибудь хорошее, чтобы порадовать его, чтобы заставить забыть его о том большом горе, которое внесли в его жизнь ненавистные гитлеровцы.

Присматривать за Андрейкой было приказано Осипову, но это не доставляло бойцу больших трудов, потому что у мальчугана оказалось по крайней мере сто воспитателей, словно сто родных отцов. Всем им Андрейка доставлял радость, как маленький любимый сынишка.

Но приближалось время выступления полка из города. Отдых заканчивался.

На третий день вечером через город, в сторону советской границы, проходила колонна автомашин. Командир роты приказал Осипову подготовить Андрейку к отправке на Родину.

Фёдор Иванович с грустными размышлениями принялся укладывать в вещевой мешок Андрейкины пожитки – немудрёные подарки от бойцов: игрушечный автомат, эмалированную кружку, мыло, полотенце, складную трофейную ложку-вилку, консервы, сахар и печенье.

Потом на листке бумаги он написал:

«Товарищи, где и как будет жить этот мальчик Андрейка, напишите по адресу: полевая почта 15285 «Д». Фёдору Ивановичу Осипову».

– Эту записку отдай тёте или дяде, где будешь жить, – сказал он, засовывая листок в карман Андрейкиной гимнастёрки.

Андрейка играл и с любопытством следил за приготовлениями дяди Фёдора. Но когда зашёл старшина и объявил: «Можно ехать», – Андрейка вдруг понял, что ему нужно расставаться с дядей Фёдором, со всеми этими людьми, которых он успел полюбить, к которым успел так привязаться.

– Не поеду, – упрямо сказал он и отвернулся.

Бойцы почувствовали, что мальчишка сейчас заплачет. Они и сами не думали, что расставание с этим чужим мальчуганом будет для них таким тяжёлым. Чужим? Нет, Андрейка теперь был для них родным, родным вдвойне вдали от своей родины, которая называется Советским Союзом.

Старшина, Голубков, Осипов, Коноплёв, Рыбников стояли около Андрейки и уговаривали.

– Скоро увидимся, – говорил Рыбников. – Будешь за сына у меня. Игрушек наделаю – во!

Андрейку посадили в кабину, и шофёр получил, по крайней мере, сто наказов, предложений и советов.

– Не сомневайтесь. Всё будет, как полагается, в порядке. Доставлю, – ответил шофёр и тронул машину.

Качнувшись, машина рванулась, пошла медленно, потом – быстрее и быстрее. Вскоре её скрыли другие машины, следовавшие в колонне.

А солдаты ещё долго стояли у дороги и толковали о русском мальчишке, которого машина теперь мчала на Родину.

Патриот Родины. 1945. 4 ноября.

ПЕРВЫЙ «ЯЗЫК»

Помню, как вскоре после окончания войны мы провожали домой мобилизованного ефрейтора Баранова.

Баранов славился в нашем полку. Был он искусным и смелым разведчиком. Очень ловко парень «языков» таскал. Многие погибали в поисковых операциях, другие возвращались с пустыми руками. А Баранову удивительно везло. Но уж дерзости и отваги, смекалки и хитрости у него было! – генералы удивлялись.

А ещё был ефрейтор Баранов отличным запевалой и первым участником самодеятельности. Он, и уезжая от нас, мечтал о поступлении в театральную студию.

Частенько после занятий Баранов рассказывал молодым солдатам о ночных поисках, о захвате «языков», опытом делился.

– А вы расскажите, как первого «языка» захватили! – иногда просили его бойцы. Молодым всегда интересно, с чего начинали мастера. Но ефрейтор только усмехался и отказывался:

– Тут никакого опыта нет. Просто забавная история. Даже поверить в неё трудно. Потом как-нибудь расскажу на досуге.

А перед самым отъездом из полка он всё-таки рассказал:

– Говорят, крепче всего в жизни запоминается первая любовь. Я, конечно, этого опровергать не стану. Но только первый «язык» тоже в памяти остаётся надолго. У меня это событие связано со сценической деятельностью. Я ведь очень люблю театр и сам выступаю на сцене. На фронте, когда ребята смотрели, всегда хвалили. А сержант Ерёменко до сих пор на меня обижается. «Я, – говорит, – так тебе хлопал, что наручные часы испортил. Ходить перестали».

Выступали мы однажды с самодеятельностью в землянке перед своими бойцами. На нашем участке тогда затишье было.

Ставили скетч «Первая любовь». Между прочим, я в этом скетче исполнял роль... Анечки Берёзкиной, влюблённой в одного лейтенанта. Ничего не подделаешь – женского персонала в роте не оказалось. Некому было играть героиню. А руководитель художественной самодеятельности сержант Серёгин говорит:

– Ничего, сыграешь. У тебя очень даже женственные черты лица и голос подходящий, тоненький. Не ставить же на это дело Кочеткова. У него – усы, брить не хочет, да и бас народному артисту Михайлову чуть уступает.

Бойцов на постановку собралось много. Вышел я из-за одеяла, что заменяло нам занавес, и, как полагается, веду роль. Вздыхаю, руки заламываю, у зеркала кокетничаю, нос ржаной мукой пудрю. Ожидаю любимого лейтенанта, то бишь ефрейтора Кочеткова, и пою:

Если б имела я десять сердец,
Все бы ему отдала...

А лейтенанта нет и нет. Роль у меня вся вышла. Говорить больше нечего. Тут я в самом деле волноваться стал. Вот, думаю, разиня Кочетков, сорвёт драматический момент.

Внезапно открывается дверь и – команда:

– Трево-ога! В ружьё!

Все зрители вскочили, к оружию бросились. А у меня винтовка в другой землянке. Выскочил я на волю и тут только вспомнил, что на мне – белое платье с оборкой и платок.

А кругом – темнота, уже бой идёт. Немцы атаковали неожиданно и немного потеснили наших. Слышу даже голоса немецкие.

Подбежал я к своей землянке, дух перевожу. Вдруг схватил меня кто-то сзади за руку. Чувствую – немец. Тянет меня в сторону, лапает меня своими мерзкими ручищами, хихикает. За бабу, должно быть, принял. Хотел я рвануться, да вовремя спохватился, смекнул и продолжил свою сценическую роль. Стал кокетливо упираться и тоже хихикать тоненько.

Зашли мы с ним, обнимаясь, в землянку. Я обнимаю фрица (сейчас с омерзением вспоминаю) и попутно кобуру у него расстёгиваю...

Ну, когда пистолет я у него вытащил, кончилась идиллия гитлеровца. Оттолкнул я его и шепчу:

– Руки вверх, фашистское отродье!

Он оторопел, схватился за кобуру и... поднял руки.

Вскоре наши вышибли гитлеровцев за нейтралку. А я, как был в платье, так и привёл захваченного немца к командиру роты.

Так закончилась постановка скетча «Первая любовь». Так был зачислен на мой счёт первый «язык».

Отважный воин. 1946. 22 июня

ОДНАЖДЫ НА СТАДИОНЕ

Ефрейтора Харитоновы знали и раньше. Знали в роте как опытного солдата-фронтовика, знали его и в части. Но известным всему округу он стал совсем недавно. И за один день.

В пятницу он заслужил отличную оценку за стрельбу. В субботу командир роты объявил ему благодарность. Харитонов на тактике в дозоре действовал превосходно. И за всё это в поощрение ему выдали в воскресенье увольнительную записку – отпуск в город до 17.00.

Пройдя пропускной пункт, Харитонов в раздумье остановился. Куда пойти? Он недавно сюда приехал, и во всём городе у него не было ни одного знакомого. «Что ж, – решил ефрейтор, – посмотрю город. А может быть, в кино попаду».

Он шёл по улице, как и подобает образцовому солдату, всё замечая, но не зевая по сторонам. Так дошёл он до стадиона. У ворот было многолюдно и шумно. Казалось, все жители города шли сюда.

За высоким забором играл духовой оркестр, и, по-видимому, там было не скучно. «Зайти?» – подумал Харитонов. В самом деле, куда приятнее в тёплый летний день погулять в саду, посмотреть на соревнования, подышать свежим воздухом, чем сидеть в душном зале кинотеатра!

Он прошёл на стадион, побродил по аллеям сада. Потом забрался на трибуны.

Стремительно мчались на стометровку бегуны. Мелькали на стартах флажки и эффектно взвивались на ветерке у финиша разорванные победителями ленточки. С волейбольной площадки слышались звонкие шлепки, и мяч, виляя хвостиком, то и дело взмывал высоко вверх.

Репродуктор, установленный у судейских столов, извещал на весь стадион фамилии победителей и результаты.

Когда Харитонову наскучило сидеть на трибунах, он отправился на другую сторону футбольного поля. Там соревновались гранатомётчики. Это было интересно.

Сказать по правде, Харитонову раньше не приходилось метать болванку на дальность. На фронт он готовился в спешном порядке, и несколько занятий по гранатометанию в запасном полку в счёт, конечно, не шли. Но Харитонов всегда чувствовал в своих руках большую силу. Расстояние, на которое он бросал гранаты в фашистские траншеи, в бою не измерялось. Зато до службы в армии Гриша Харитонов был самым искуснейшим городошником в своей деревне. От одного его удара нередко вылетала за черту вся фигура.

Он остановился около девушки, которая палочками отмечала падение каждой гранаты.

– Сорок семь! Пятьдесят четыре! Пятьдесят два пятьдесят, – кричала девушка.

Харитонов, любопытствуя, подошёл ближе.

– Здесь нельзя, товарищ, стоять, – строго сказала девушка. – Отойдите, а то попадёт, потом отвечай за вас.

Харитонов усмехнулся: от боевых гитлеровских уцелел, а от болванки-то как-нибудь.

Харитонов пошёл туда, где были гранатомётчики.

– Слабовато, – тихо заметил он после броска, который, судя по восторженным крикам, был особенно успешным.

– Разрешите попробовать, – тихо попросил ефрейтор. Он чувствовал, что без труда метнёт гранату на самое дальнее расстояние, которое отмечала девушка. Не дожидаясь ответа, поднял с земли одну гранату и с силой метнул.

Граната, описав в воздухе высокую дугу, упала далеко за всеми палочками-отметками. Судьи и все физкультурники с изумлением смотрели на незнакомого солдата.

– Вот это бросок! Да кто это такой? Ниночка, сколько? Дайте ему ещё бросить!

И Харитонову предложили метнуть ещё три гранаты.

Быстро-быстро закувыркалась граната, сопровождаемая десятками любопытных взоров.

– Шестьдесят три! – сообщила девушка.

Кругом захлопали и закричали. Харитонов так же уверенно с силой метнул ещё две.

– Шестьдесят три! Шестьдесят четыре!

Судьи, спортсмены, болельщики обступили Харитонova. Ему пожимали руки, поздравляли с областным рекордом, расспрашивали.

– Через полчаса, в семнадцать, будет толкание ядра. Попробуйте! – предложил судья.

– Нет, мне нельзя, – ответил Харитонов. – У меня увольнительная до семнадцати. Как-нибудь в следующий раз попробую.

И новый чемпион области, повернувшись, торопливо пошёл к воротам. Оркестр на стадионе играл торжественный марш.

Отважный воин. 1947. 20 июля

МОСТ ЧЕРЕЗ УСАЧЁВКУ

Дед Роман стоял на берегу реки Усачёвки и сокрушённо вздыхал. Вороной конь, запряжённый в высокие старомодные дрожки, участливо смотрел на деда, словно хотел сказать: «Да, в скверную историю мы попали с тобой, хозяин!..»

А кто знал, что всё так случится. Никому из колхозников и в голову не приходило, что именно в эту ночь на Усачёвке начнётся ледоход и стихия сорвёт мост.

Смешно говорить – стихия на Усачёвке! Были годы, когда на этой речке вообще не было ледохода. Лёд осаживался и закисал. А сейчас Усачёвка словно взбунтовалась, высоко поднялась и кое-где вышла из берегов.

Дед Роман ехал на станцию. Вчера в правлении колхоза «Новая жизнь» получили телеграмму: «Демобилизовался, встречайте двенадцатого. Григорий Нечаев». Это возвращался из армии Гриша Нечаев, парень-весельчак, тракторист, ныне старший сержант и кавалер ордена Славы.

Конечно, в колхозе немедленно стали готовиться к встрече. В клубе началась уборка и чистка. Школьники писали большой лозунг, который предполагалось повесить над сценой. Председатель колхоза сочинял приветственную речь. Во всех домах тоже наводили чистоту: земляк, которого не видали целых пять лет, должен обязательно зайти в гости, выпить рюмку водки или, на худой конец, стакан чаю, а главное – рассказать про войну, про Германию, про всё то, что повидал и пережил. Девушки втихомолку перебирали свои юбки, кофточки и платья и томились в раздумье: что же лучше надеть?

На другой день рано утром дед Роман – передовой конюх колхоза – запряг самого лучшего коня и, сопровождаемый многочисленными напутствиями односельчан, отправился на станцию. До станции было километров сорок.

И вот на половине дороги он задержался. Вскрывшаяся Усачёвка преградила путь. Дряхлый мостик был сметён ледоходом.

Деду Роману уже представилось, как к станции подойдёт поезд. Из вагона выйдет Гриша Нечаев в полной уверенности, что его, воина-победителя, прибывшего из далёкой Германии, встретят как желанного и дорогого гостя. Но никого из знакомых не найдёт он на станции. И горькая обида сожмёт сердце солдата: «Ну, спасибо, земляки, за радушный приём!» Да ведь это же позор на всю область будет. Дед Роман даже вспотел от такой мысли.

– Что, дедушка, переправиться не можешь? – услышал он за спиной сочувственно-добродушный голос и повернулся.

Судя по погонам, перед ним стоял офицер. Но, признаться, дед Роман не разбирался в чинах.

– То-то и оно, товарищ командир.

У старика, конечно, не было никакой надежды на помощь. И хотя он иногда при разных обстоятельствах вспоминал господ-бога, но в чудеса не

верил. А рассказал он офицеру всю историю так просто, чтобы хоть с кем-нибудь поделиться своим горем.

В это время к ним подошёл другой офицер. Он приложил руку к козырьку:

– Товарищ майор, личный состав батальона распределён по группам и приступил к работе.

– Хорошо, – ответил майор, – прикажите младшему лейтенанту Кротову подготовить понтоны. Нужно срочно переправить дедушку на тот берег.

Не прошло и двадцати минут, как вороной вместе с дрожками был уже на понтонном плотике. Дед Роман стоял, придерживая под уздцы коня, и всё ещё не верил в происшедшее.

– А выдержит? – опасливо спросил он.

– Будьте уверены, дедушка, – ответил молоденький сержант, командовавший бойцами на плоту. – Мы ещё не такие штучки переправляли. И водная преграда была пошире, и под огнём. Будьте спокойны, на то мы и сапёры!

– Да-а, – дед Роман вздохнул. – Теперь нам мученье без моста будет. А ведь на станцию часто приходится ездить. За материалом – за краской, за железом, за стеклом. Мы теперь строимся обширно, по плану. Вы к нам в колхоз через год-два приезжайте – подивитесь.

– У вас тоже пятилетка, стало быть? – спросил сержант.

– А как же, – не без гордости ответил дед Роман. – Обсуждали... Что у нас в «Новой жизни» через пять лет будет – и говорить не приходится.

Усиленно работая вёслами, бойцы быстро переправили понтоны к другому берегу. Они помогли деду вывести на берег коня, пожелали ему успехов и поплыли обратно.

На том берегу, где ещё полчаса назад, горюя, стоял дед Роман, собралось много солдат, слышались команды. «Учатся, – подумал дед, – манёвры проводят». И не знал старый Роман, что это был сапёрный батальон, вышедший ночью на выполнение срочного задания.

На станцию дед Роман приехал задолго до прихода поезда. Вечером он встретил Гришу Нечаева, и они зашли в станционный буфет, чтобы, как полагается при встрече, выпить по сто граммов, а если понравится да по ходу разговора потребуется, то и по двести. Дед рассказывал о житье-бытье в колхозе и обо всех новостях. Не утерпел он и по секрету сообщил Грише о приготовлениях к встрече. И вдруг лицо старика омрачилось. Он вспомнил о сбитом ледоходом мостике. Как же они будут переправляться через Усачёвку?

– Ничего, Роман Петрович, – успокаивал его Гриша. – Что-нибудь придумаем. Не в таких переделках бывали.

Они переночевали у знакомого телеграфиста и утром отправились в путь.

– Оно, конечно, – рассуждал дед Роман, погоняя вороного, – если бы манёвры не кончились, то вчерашний майор нам опять подсобил бы. А ведь сколько они там пробудут, – спрашивать у них не будешь. Дело военное,

тайна... Летом бы у Вороньего камня вброд можно. А теперь Усачёвка с головой тебя скроет.

Дед хлестнул вороного и вслух вспомнил бога. Разметав по ветру гриву, конь вынес дрожки из болотистой низины на высокий берег Усачёвки. И тут дед Роман обомлел.

От одного берега реки на другой был перекинут лёгкий, поблескивающий чистым настилом тёса новый мост. Старик даже опустил вожжи. Разгорячённый вороной с ходу влетел на мост, и высокие колёса дрожек мягко застучали по настилу.

– Вот это по-фронтовому сделано. Как в наступлении. Темпы! – сказал Гриша, улыбаясь и приветствуя бойцов сапёрного батальона, спешивших приладить к новому мосту перила.

Север. 1947. № 9

ДВА ЧАСА ДО НОВОГО ГОДА

До торжественного момента оставалось всего два часа, и потому на кухне у Марии Васильевны был настоящий аврал. В винегрете картошка ещё не соединилась с капустой. Селёдка до сих пор не окружила себя гарнирной свитой. Пирожки имели явную тенденцию подгореть, а какао всё ещё покоилось в коробке.

Иван Дмитриевич несколько раз заходил на «камбуз» и нетерпеливо посматривал на жену.

– Не волнуйся, – успокаивала Мария Васильевна мужа. – Ведь до Нового года ещё два часа. Иди лучше расскажи гостям что-нибудь...

Несколько последних лет капитан Иван Дмитриевич Котлов новогодние ночи проводил или в море, или в далёких чужеземных портах. А на этот раз ему посчастливилось получить отпуск, и он оказался дома.

Среди гостей, приглашённых на новогоднюю встречу, был кинооператор Корольков. С Корольковым Иван Дмитриевич познакомился в Мурманске, на киносъёмках в порту. Было это прошедшей весной.

Сегодня Корольков появился в квартире Котловых почему-то с огромным чемоданом. И его появление отвлекло Ивана Дмитриевича от «камбузных» треволнений.

– Куда это ты с чемоданом собрался? – спросил удивлённый капитан.

– К тебе, встречать Новый год. Приготовь поскорее простыню, да побольше! Пока есть время до Нового года, покажу вам свою картинку. Ты ведь ещё не видал, как я тебя изобразил.

Иван Дмитриевич догадался и бросился к бельевому шкафу. А тем временем Корольков вытащил из чемодана портативную киноустановку. Вскоре простыня, развешенная на стене, превратилась в киноэкран. Свет погасили, и аппарат чуть слышно застрекотал.

Женщины, которые помогали Марии Васильевне на кухне, сбежались в столовую.

Мелькнули кадры Баренцева моря, Кольского залива, скалистых берегов. Потом – капитанский мостик, а на мостике – в кителе и в форменной фуражке – Иван Дмитриевич Котлов.

Среди гостей послышались радостные и одобрительные восклицания:

– Ваня! Он, он!

– Иван Дмитриевич!

После портовой панорамы, погрузки и других кадров на экране вновь появился капитан Котлов. На этот раз он пожимал руку какому-то моряку, по всей видимости, иностранцу. И Иван Дмитриевич, и иностранец улыбались. Они рассматривали какой-то предмет, похожий на самопишущую ручку.

– Это Остин Питт, матрос с английского судна, – пояснил оператор Корольков. – Впрочем, Иван Дмитриевич вам всё сам подробно расскажет.

– Могу и я кое-что рассказать, – вдруг услышали гости голос Марии Васильевны, которая с риском для новогоднего ужина покинула кухню и стояла сзади. – А теперь разрешите мне накрывать на стол.

Что же было дальше? Нет, вначале, что было раньше.

Последние дни Остин Питт вёл себя странно. Это особенно замечал его приятель матрос Парсон. Как-то раз утром Парсон увидел в глазах Остина «сумасшедшинки». Он удивился и осторожно осведомился, не хватил ли Остин чего-нибудь горячительного с утра. Накануне Остин где-то пропадал.

Если Парсону было без малого тридцать лет, то Остину Питту было за сорок.

Парсон был женат. Остин Питт оставался холостяком. Когда-то в юности он полюбил девушку, полюбил, как любят истые моряки. Но однажды, вернувшись из рейса, он узнал, что девушка обманула его в лучших чувствах. Верный своим этим чувствам, он и решил свою судьбу.

Мамаша Остина со дня его рождения души не чаяла в сыне. Позднее её любовь подогревалась учителем мальчика. Мистер Бенкс говорил, что если способный Остин не будет премьером, то телегу-то впереди лошади он никогда не поставит. Конечно, Остин не стал премьером, но и к лошадям, к телегам, коляскам, фаэтонам и прочим экипажам он остался равнодушным. Он стал моряком, простым матросом.

Однажды в Архангельском порту, вернувшись из интерклуба на судно, Остин на другой день вдруг попросил у старшего штурмана томик сочинений Чарльза Диккенса. Это тоже озадачило его приятеля Джона Парсона, потому что Остина никогда не привлекала литература.

Вопросы, которые задавал Остин, совсем сбили с толку и серьёзно обеспокоили бедного Парсона. В самом деле, что мог, например, означать вопрос: «А как ты думаешь, Джон, может ли англичанин жениться на женщине другой страны?» Или: «Кто писал лучше – Диккенс или русский писатель Лев Толстой?»

Ни на один из таких вопросов Джон Парсон ответить не мог. Он качал головой и спрашивал:

– К чему тебе это нужно знать, Остин?

Но в вопросах Питт не нуждался. Он нуждался в ответах.

...Несколько дней назад Остин побывал в Архангельском интерклубе. Он искренне любил русских, потому что однажды именно русские парни спасли ему жизнь.

В зрительном зале сидели моряки – англичане, норвежцы, шведы, голландцы, немцы. Много поплававший Остин Питт почти безошибочно мог определять национальность – по разговору, по одежде, по манере держаться.

На сцене висел портрет старика с большой бородой и длинными волосами, с задумчивым взглядом красивых пронизательных глаз. Это был портрет великого английского писателя Чарльза Диккенса, портрет, знакомый Остину ещё со школьных лет.

Две женщины стояли на трибуне. Одна говорила по-русски, другая переводила речь подруги на английский язык. На неё-то, на переводчицу, и обратил всё своё внимание Остин Питт. Одета она была скромно, но изящно. Впрочем, Остин никогда не запоминал нарядов женщин. Его поразило лицо переводчицы. Оно было знакомо Питту с давних времён, лицо Мэри, девушки, которую он когда-то полюбил. Те же глаза, смотрящие прямо и

смело и всегда как будто чем-то восхищённые. Те же упрямые губы и тот же округлый подбородок. И почти тот же голос. Переводчица говорила по-английски очень чисто, чётко, словно уроженка его родины.

– Мы, советские люди, любим произведения гениального английского писателя Чарльза Диккенса, преклоняемся перед его замечательным талантом и глубоко чтим его память.

Так говорила эта женщина.

И вдруг Остину стало не по себе. Русские читают и любят книги английского писателя, а он, Остин Питт, англичанин, помнил лишь, что в детстве читал только «Оливера Твиста». И больше ничего не знал.

Переборов смущение, Остин в перерыв подошёл к переводчице и спросил:

– Скажите, вы когда-нибудь были в Англии?

– Нет, в Англии я никогда не была, – ответила переводчица, несколько не удивившись его вопросу.

– Но по всему видно – вы любите англичан?

– Разные есть англичане, – сказала она. – Но мы уважаем английский народ.

Он задал ещё вопрос, потом ещё. Она отвечала ему охотно и спокойно. Он узнал, что она не переводчица, а преподавательница английского языка в институте. Он узнал, что её зовут Мария, и ещё более поразился: Мэри и Мария. Но о той девушке, о Мэри, он ничего ей не сказал. Да и сейчас он увидел, что она мало похожа на Мэри. Ему хотелось спросить Марию ещё об одном, но на это Остин не решился. Конечно, это был вопрос, замужем ли Мария.

Они тепло и дружески распрощались, и Остин Питт возвращался на судно в приподнятом настроении.

Через три дня он снова появился в интерклубе. На этот раз в клубе было много и русских моряков. На приглательном билете Остина было написано: «Вечер интернациональной дружбы моряков».

В зале демонстрировался кинофильм. Остин зашёл туда. И вдруг он увидел на экране... себя. Он здоровался с капитаном советского парохода. И переводчица говорила:

– Так встретились старые знакомые – русский и английский моряки – капитан Иван Дмитриевич Котлов и матрос Остин Питт.

Когда в зале зажёгся свет, к Остину подошла Мария. Остин, гордый и в то же время смущённый, обрадовался, вспыхнул. Мария подошла к нему первая.

– Здравствуйте, мистер Питт, – сказала она, подавая ему руку. – Оказывается, вы знакомы не только со мной, но и с моим мужем.

Остин с недоумением посмотрел на Марию.

– Вы знакомы с моим мужем, – повторила она, – с капитаном Иваном Дмитриевичем Котловым.

– Он ваш муж? – пробормотал ошеломлённый Остин. – О, я ему очень многим обязан.

Что же было дальше? Нет, прежде, что было раньше.

Оператор кинохроники Корольков трудился в поте лица. Он имел задание показать жизнь, труд и быт советских моряков. Ему порекомендовали пароход, на котором капитаном был Иван Дмитриевич Котлов.

Корольков ходил на пароходе в короткий рейс, снимал команду на вахтах и на отдыхе. Весёлый и общительный, он стал в команде своим человеком, почти её членом.

– Вам этой плёнки на полнометражный фильм хватит, – сказал Королькову Иван Дмитриевич, плохо разбиравшийся в искусстве киносъёмок. – А то, пожалуй, и на две серии...

– Не беспокойтесь, Иван Дмитриевич, – ответил оператор, – начнём монтировать, и на пятнадцать минут не хватит.

По возвращении из рейса в Мурманск капитан и оператор гуляли по городу. Беспокойный Корольков всё ещё «работал», он искал и придумывал, что бы ещё такое прибавить к заснятым кадрам. И новые кадры сами «пришли в руки», да такие, о каких Корольков мог только мечтать.

К Ивану Дмитриевичу на улице вдруг подошёл иностранный моряк, по виду – матрос.

– Вы не узнаете меня? – спросил иностранец по-английски.

– Не помню, – признался капитан.

Тогда иностранец вытащил из кармана самопишущую ручку и подал её Ивану Дмитриевичу.

– Не узнаете? Меня зовут Остин Питт. Помните сорок третий год?

Иван Дмитриевич взял ручку и, видимо, узнав её, вдруг радостно улыбнулся и крепко пожал англичанину руку.

– Ну как же не помнить! Это мой вам подарок.

Оказалось, что Остин Питт и Иван Дмитриевич Котлов знакомы со времён войны. И вот теперь они случайно встретились. Разве мог упустить такие кадры оператор Корольков?!

На другой день советский капитан и английский матрос снова встретились уже перед объективом киноаппарата Королькова.

Что же было дальше? Нет, прежде, что было раньше.

Немецкая подводная лодка потопила английский транспорт. Многие из команды транспорта погибли. Кое-кому удалось спастись. Одну шлюпку с шестью англичанами, долгое время скитавшуюся по бурному океану, нашёл и поднял на борт советский пароход.

Особое упорство, мужество и выдержку при спасении английских моряков проявил третий штурман советского парохода Котлов. Ему же была поручена капитаном и вся дальнейшая забота о спасённых.

Среди спасённых был матрос Остин Питт. Он на всю жизнь запомнил дружеское отношение к нему советских моряков.

Когда англичане в порту покидали советское судно, взволнованный Остин Питт, прощаясь, сказал штурману Котлову:

– Вы будете капитаном. Я тоже хочу стать капитаном, но... Спасибо! Подарите мне, пожалуйста, что-нибудь на память о России, о вас и о ваших товарищах!

Иван Дмитриевич пошарил по карманам. Ему попалась самопишущая ручка. На металлическом держателе ручки было выгравировано: «Москва».

– Возьмите вот это, пожалуйста!

– Спасибо, – сказал англичанин. – Мы должны дружить, англичане и русские. Только мне нечего подарить вам на память. Разве вот только...

Он вынул из кармана металлическую сигаретную коробку, открыл её и булавкой на крышке нацарапал: «Остин Питт, Ливерпуль».

Иван Дмитриевич открыл ящик письменного стола, достал из него металлическую сигаретную коробку и подал Королькову. Оператор открыл коробку, в которой ещё осталось несколько сигарет, и прочитал на обратной стороне крышки: «Остин Питт, Ливерпуль».

– Да, – сказал Корольков. – Мария Васильевна права. Разные есть англичане. Но я уверен, что Остин Питт в Египет бы не поехал. Ему там нечего делать! Настоящий парень из народа.

– Товарищи, пожалуйста, к столу! – послышался голос хозяйки. – Вы рискуете опоздать!

Поспешили в столовую, где всё уже было готово к торжественному моменту.

Звон рюмок слился с доносящимся из репродуктора звоном больших, далёких и близких часов. Стоя, все в короткий момент вспомнили многое пережитое: работу, любовь, дружбу – и поздравили друг друга:

– С Новым годом, товарищи!

Правда Севера. 1957. 1 января.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

У Владимира Маяковского было страстное желание, выраженное в известных его стихах:

Я хочу,
Чтоб к штыку
Приравняли перо...

Когда надвинулось грозное время Великой Отечественной войны, тысячи советских писателей и журналистов надели военную форму и с воинами Советской Армии отправились на фронт. В труднейших условиях они издавали фронтовые, армейские, дивизионные газеты, писали статьи, очерки, фельетоны, стихи. Печатное слово их было разящим врага наравне с пулей стрелка, снарядом артиллериста, бомбой лётчика. Слово их было взволнованным, вдохновляющим на подвиг во имя Родины, иногда гневным, иногда задушевым, порой шутливым, но всегда полным верой в победу.

Кто не помнит блестящих памфлетов и едких фельетонов Ильи Эренбурга, чеканных статей Михаила Шолохова и Алексея Толстого, весёлой и глубоко патриотической поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин», лирических и призывных стихов Михаила Исаковского, Константина Симонова, Алексея Суркова!

Перо было полностью приравнено к штыку, к боевому оружию.

Но не только перо было на вооружении у литераторов. Деля с бойцами горечь отступлений, журналисты постоянно участвовали в боях с винтовкой и автоматом в руках, отстаивали каждый метр родной земли. Наступая, они вместе с нашими войсками вступали в занимаемые города и населённые пункты. Бывало и так, как поётся в «Песне военных корреспондентов», что журналисты:

И на «эмке» драной, и с одним наганом
Первыми врывались в города...

Немало писателей и газетных работников отдали свои жизни за социалистическую Родину. В рукопашной схватке с гитлеровцами пал смертью храбрых Юрий Крымов – автор известной повести «Танкер “Дербент”». Вырываясь из вражеского кольца, в контратаке погиб от автоматной фашистской пули знаменитый советский детский писатель Аркадий Гайдар. Во фронтовой обстановке героически приняли смерть писатели и поэты Владимир Ставский, Евгений Петров, Иосиф Уткин, Иван Меньшиков, Джек Алтаузен и другие. Зверскую расправу учинили гитлеровцы с советским поэтом Мусой Джалилем.

Многие архангельские журналисты также с первых дней войны находились на фронте. Одни из них работали в военных газетах, другие командовали подразделениями, воевали рядовыми бойцами. Многие побывали в поверженном Берлине, после окончания войны вернулись в родной город, удостоенные высоких правительственных наград.

Но вернулись не все. И сегодня, в День советской печати, мы вспоминаем светлые имена наших друзей-журналистов, чтим память славных сынов России, отдавших жизнь за свой народ, за свою родную землю.

С архангельским журналистом Василием Ланским я проводил своё детство в Соломбале. С переходом в юность началось наше увлечение литературой.

При библиотеке соломбальского клуба «Спартак» мы организовали кружок – читали свои первые рассказы, очерки, стихи, обсуждали их и жестоко спорили, не давая никакой пощады друг другу. Активнейший член этого кружка, Василий Ланской в спорах был особенно задорен, но всегда строго принципиален. Если ему что-нибудь из написанного нами очень не нравилось, он прямо и откровенно говорил: «Дрянь, нельзя так писать и никому это не нужно!». Но зато так же страстно он радовался нашим удачам.

Сам Ланской писал очерки и небольшие критические статьи, а однажды в альманахе «Север» выступил с пародиями на произведения архангельских литераторов. Пародии получили самые высокие отзывы. Василий Ланской хорошо знал Север и его экономику. Он часто выезжал на лесозаготовки, на лесозаводы, на рыбные промыслы. Длительное время он провёл в море на тральщике и после этого опубликовал серию интереснейших очерков в областной газете.

Ланской уехал на фронт рядовым бойцом и погиб в первые месяцы войны.

В редакции Василий Ланской дружил с литературным секретарём и очеркистом Николаем Солодовниковым. Первое время Солодовников казался мне несколько странным, оригинальничающим. Красивый, стройный, он ходил с высоко поднятой головой. Иногда надевал ненецкий совик и расхаживал в нём по городу. Иногда появлялся в редакции в авиационных унтах. Но первые впечатления обманули меня.

Когда я с Николаем Солодовниковым познакомился ближе, а потом и крепко подружился, то почувствовал, какой это душевный человек, чуткий товарищ и очень требовательный к своей работе, с большим литературным вкусом журналист.

Писал Солодовников скупно и медленно, но всегда отлично, со свежими литературными приёмами и очень живо. У него была неодолимая, самозабвенная любовь к Арктике. Николай сам жил на зимовках, и среди его друзей были почти все известные полярники и полярные лётчики: Мазурук, Черевичный, Водопьянов, Аккуратов, Папанин, Кренкель, Воронин, Бурке и многие другие. Некоторые книги с автографами, подаренные Солодовникову, хранятся в моей библиотеке.

На одной из книг надпись: «Дорогому Николаю Ивановичу Солодовникову с благодарностью за шефство над нашей четвёркой в Холмогорах перед отправкой на полюс. Э. Кренкель». На другой: «Коле Солодовникову – старому полярному моему другу, с крепким рукопожатием и искренним сердечным приветом дарю эту книгу. Р. Кармен». На третьей: «На добрую и долгую память Н. Солодовникову дарю эту книгу, возвращаясь с полюса, осуществив мечту пилота. М. Водопьянов».

На фронте Н. Солодовников был в строю, последнее время он командовал батальоном.

Я бережно храню письма моего друга и особенно то письмо, в котором он писал: «Хожу гордый – получил орден Красного Знамени». Это было последнее его письмо. Николай Иванович Солодовников погиб за три дня до взятия Берлина.

Молодого архангельского поэта Стефана Недзвецкого война застала в рядах Советской Армии. Он проходил срочную службу в одной из артиллерийских частей. До военной службы Недзвецкий учился в педагогическом институте и работал в газете водников.

Стефан Недзвецкий был душой литературной молодёжи Архангельска. Он писал яркие и энергичные стихи, очень короткие новеллы и зарисовки. Три-четыре странички на машинке он считал пределом для своих рассказов. И до сих пор помнятся оригинальные по сюжету, направленные против человеконенавистничества новеллы Недзвецкого «Рука», «Подушечка», «Колодец».

За несколько месяцев до войны в альманахе «Север» были опубликованы стихи «Стальной дивизион», подписанные красноармейцем Ст. Недзвецким. В стихах есть очень простые, безыскусственные строки:

И если нужно будет,
То каждый из бойцов
Своей широкой грудью
Пожертвовать готов.

В борьбе против гитлеровских захватчиков пожертвовал своей жизнью во имя Родины Стефан Недзвецкий.

По рассказам товарищей, архангельский журналист Василий Шубин в последний день своей жизни на фронте огнём станкового пулемёта прикрывал отход нашего подразделения.

С Шубиным мне пришлось работать в редакциях «Северного комсомольца» и военной окружной газеты. В то время, когда большинство из нас, журналистов, по военным билетам числились рядовыми и младшими командирами, Василий Шубин был командиром роты.

Однажды на стрельбище военно-учебного лагеря я видел, как, обучая бойцов, Шубин вёл огонь по мишеням-перебежчикам. Стрелял он хладнокровно и метко, восхищая не только бойцов, но и опытных старших командиров.

Односельчанин знаменитого ледового капитана В. И. Воронина поморский сын Гриша Пашин тоже работал в редакции газеты «Северный комсомолец». Он окончил комсомольское отделение Коммунистического института журналистики, а затем в Архангельске – педагогический институт. Пашин отлично знал и любил литературу и был автором многих остроумных и злободневных фельетонов, которых всегда с нетерпением ожидала наша молодёжь.

На фронт Григорий Пашин уехал командиром взвода. Его жизнь оборвалась в бою где-то под Синявиным.

Долгое время бессменным секретарём работал в редакции «Северного комсомольца» Вячеслав Волгин. Острослов и весельчак, Вячеслав между

вычиткой статей и макетированием очередного номера успевал писать боевые фельетоны и весёлые эпиграммы, которые печатались в газетах и в журнале «Звезда Севера». Волгин никогда не унывал, шуткой и добрым словом подбадривал товарищей и был страстно влюблён в свою газету.

О героической гибели сотрудника «Правды Севера» Александра Опарина в письме сообщил старшина роты, в которой Опарин служил. Невозможно забыть этого всегда оптимистически настроенного человека. Среди других работников газеты Саша Опарин выделялся своим ростом, весом и спокойствием. Его страстью была информация, репортаж. При всей своей кажущейся медлительности он никогда не опаздывал в очередной номер с самыми последними известиями о том, что произошло за день в

Архангельске и в области.

Мы хорошо помним и других наших журналистов – несколько флегматичного в быту и беспокойного в газете Ивана Хабарова, академически деловитого, аккуратного Николая Котова, задумчивого Михаила Фролова, подвижного Михаила Короткова, многих наших товарищей по работе в архангельских газетах.

Теперь их нет среди нас. Но память о них безмерно дорога нам.

Архангельские журналисты в пути на фронт. 1941 год. Фото К. Коробицына.

Правда Севера. 1961. 5 мая

НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ

Из фронтового блокнота

Однажды меня вызвал редактор и сказал:

– Послезавтра – воскресенье. Надо бы в номер что-нибудь такое, для души, чтобы воины с газетой отдохнули. Рассказик бы... позанимательнее...

– Рассказ хорошо бы, – согласился я. – Только времени осталось мало, а сюжета подходящего нету. Подумать надо.

– Сюжета? – редактор задумался, потом просиял, порылся в грудe рукописей, гранок и писем и подал мне листок бумаги:

– Вот письмо одного политрабoтника. Любопытная история, прямо невероятная, первоклассный сюжет. Познакомьтесь и пишите.

Я ушёл к себе и прочитал письмо. Действительно, в письме описывался такой случай, что в него трудно верилось. Но автор письма, хорошо знакомый нам политрабoтник, человек серьёзный и постоянный, добросовестный наш корреспондент, придумать сам ничего не мог. Кроме того, в письме указывались имя и фамилия разведчика, с которым всё это произошло, и номер его автомата.

...Рядовой Алексей Кузенков в бою на Ухтинском участке фронта в Карелии был тяжело ранен. Санитары подобрали его без сознания и доставили в полевой госпиталь. Но ранение было настолько серьёзным, что после операции Кузенкова пришлось эвакуировать в тыл.

Четыре месяца лечили паренька, и вот он настолько выздоровел, что снова был готов вернуться в строй. И вернулся. На тот же участок фронта, в свою часть, в своё подразделение.

Встреча с товарищами, с командирами была радостной, с бесконечными рассказами и воспоминаниями. Одно только угнетало Алексея Кузенкова, хотя об этом ему никто не напоминал. Дело в том, что, когда санитары подобрали Алексея на поле боя, у него не оказалось автомата...

Шло время. На Карельском фронте было затишье. Боевые действия главным образом заключались в поисках разведчиков.

Много раз ходил в поиск и Алексей Кузенков. Иногда удавалось захватить «языка», иногда разведчики приносили кое-какие сведения о противнике. Бывало, что поиск заканчивался без результата или разведчики возвращались, не досчитавшись товарищей.

Уже перед самым перемирием с Финляндией командир подразделения разведки, где служил Кузенков, получил задание захватить «языка». В команду разведчиков на выполнение боевого задания был назначен и Алексей.

На этот раз советским разведчикам сопутствовала быстрая и удивительная удача. Под утро они вернулись в расположение своей части без потерь. И привели двух пленных.

Когда пленных увели в штаб полка, разведчики сдали их оружие старшине.

«Автомат советский, – громко говорил старшина, записывая захваченное оружие и номера. – Так, автомат номер...».

Алексей Кузенков прислушался и не поверил своим ушам. Старшина назвал номер автомата, который был у Алексея и который исчез, когда почти год назад Алексей был ранен.

Можно представить удивление, радость, ликование солдата, через год случайно вернувшего своё оружие.

Весть об этом необыкновенном случае стала известна всей дивизии. Многие не хотели верить. Но факт есть факт. И номер закреплённого когда-то за рядовым Кузенковым автомата есть номер, точный и неизменяемый.

...Я перечитывал письмо, долго раздумывал, потом пошёл к редактору.

– Товарищ подполковник, – сказал я, – рассказа из этого письма не получится.

– Почему? – удивился редактор.

– Если я напишу об этом рассказ, беллетристическое произведение, никто не поверит. Скажут: вот ведь что придумал писатель! Этот факт – случайность и, значит, для сюжета не подходит. Лучше письмо дополнить подробностями и напечатать как корреспонденцию за подписью автора.

Так я и не написал рассказ на очень, казалось бы, заманчивый сюжет.

А ведь, согласитесь, какие всё-таки удивительные истории происходили на войне!

Правда Севера. 1968. 9 мая

МЕДАЛЬОН ПОГИБШЕГО ЛЕТЧИКА

(глава из повести «Полярная гвоздика»)

К радости Наташи и Илюшки, Ефим Вале́й, окончив свои домашние дела, всё-таки согласился пойти с ними в тундру. Собрались рано утром и отправились. И даже Игорь Осипов в этот день не проспал.

Ребят было четверо: Наташа, Илюша, Игорь и десятилетний ненец Ваня Тайбарей. Весь день накануне прошёл у них в подготовке к походу – в хлопотах и трудах. Набивали всякой всячиной рюкзаки: хлебом, крупой, мясом, рыбой, запасными носками, кружками, ложками. Прихватили компас, две тетради для походного дневника, верёвку, иглы, нитки. Словом, снаряжение экспедиции было полным, как у настоящих путешественников.

Проще готовились охотник Ефим и сказочник Поморцев. Вале́й всегда был готов к любой дороге. Собраться он мог за несколько минут. Да и Степану Егоровичу не приходилось много заботиться о сборах. Он попил чаю, надел свой чёрный плащ и шляпу, забросил за плечи мешок и сказал нетерпеливо ожидавшим Игорю и Наташе:

– Готов.

Впереди шёл Ефим Вале́й. Нужно было выбирать сухой путь, а лучше охотника делать это никто не мог. Болота стали попадаться сразу же, как только спустились с прибрежных сопок.

Погода стояла добрая, погожая, солнечная. Конечно, жары не было.

Заполярное солнце, почти совсем без лучей, лишь желтело на небе и ничуть не грело. И это было даже лучше. Кто не знает, что такое жара в пути.

Идти было легко и весело. Шествие замыкал Илюшка. Он покрикивал на беспечного Игоря. Тот, не признавая прямой дороги, выбегал то вправо, то влево, заметив какой-нибудь новый цветок или вспугивая заливающуюся песенной трелью пичугу.

Наташа думала о том, что, должно быть, зимой по этим местам бродят огромные белые медведи и оглашают заснеженную тундру своим оглушительным свирепым рёвом. Хорошо бы сейчас увидеть такое мохнатое чудище. С охотником Ефимом это не страшно. У него ружье, и он меткий стрелок. Наташа совсем забыла о том, что белых медведей теперь стрелять запрещено. Их становится всё меньше, и жизнь таких редких зверей охраняется законом. А ведь именно об этом ей ещё совсем недавно говорил Илюша.

Прошли километров десять. Путники уже утомились, и Ефим, подняв руку, сделал знак на первый привал. К удивлению Наташи, развязав мешок, он вытащил оттуда в первую очередь не провизию, а десять мелко наколотых полenceв.

Заботливый и предусмотрительный этот дядя Ефим! Иначе как бы они обошлись без костра?.. На чём бы подогрели мясо и вскипятили чай?!

Оказывается, такое топливо имелось и в рюкзаке у Илюши.

Всё было вкусно у тёти Веры и у тёти Мэневы, но здесь, на вольном воздухе, у маленького костра, и мясо, и рыба, и даже простой хлеб показались девочке ещё вкуснее.

Потом опять шли, и путь уже стал казаться однообразным и даже скучным. Медведей не было, и хаерад-цветок не встречался.

Второй привал уже сделали через час, пройдя километров пять. Наташа слышала, как Ефим сказал Степану Егоровичу, что выбирает новые для него дороги.

Может быть, кто знает, они и нападут на желанный цветок. Но цветка всё не было и не было.

Гвоздика встречалась, но это была не та гвоздика, о которой мечтали друзья, не хаерад-цветок.

Так в бесплодных поисках прошёл весь день. Было решено переночевать в тундре.

К ночи, потеряв надежды на волшебный цветок, ребята грустные улеглись спать на выбранной Ефимом высотке. Только он, не ищущий ничего в тундре охотник, не унывал. Поужинав, он ещё долго беседовал со старым сказочником, а утром поднялся раньше всех.

Когда Наташа проснулась, а остальные ребята ещё спали, у Ефима уже был готов завтрак. Он сжёг последние поленья, и это означало, что на обратный путь остаётся лишь сухой паёк.

Нет, оказывается, после Ефима не она первая проснулась. В маленьком лагере не было Илюшки. Куда он пропал?..

И вдруг произошло неожиданное. Прибежал Илюша с криком торжества:

– Нашёл! Нашёл!

Он даже перепугал Наташу.

– Что ты нашёл? Хаерад?

– Да нет, не хаерад. Вот!

И он протянул Наташе какую-то трубочку и маленький листочек бумаги. На листке было написано: «Петров Андрей Иванович. Деревня Разуваевская, Смоленской области...»

Ни Илюша, ни Наташа не понимали, что бы всё это могло значить. Всё объяснил Илюшин отец Ефим.

– Это гильза-медальон. Такие медальоны во время войны выдавали всем советским бойцам и командирам. Чтобы в случае гибели можно было узнать имя и родину человека.

И он рассказал, как пришла на остров война.

...Далеко-далеко в Заполярье остров, но и сюда война пришла в свои первые дни.

По Северному Ледовитому океану с запада на восток шли караваны – большие морские транспорты с оружием и продовольствием для нашей армии. Гитлеровцы с самолётов разыскивали эти караваны и направляли на них свои подводные лодки и эскадрильи бомбардировщиков.

Один молодой охотник вернулся из тундры и сообщил: видел следы белого медведя. Ефим Валец тогда ещё не уехал на фронт. Он пошёл в тундру и сразу определил – следы не медведя, а человека, следы от меховых сапог.

Ефим не стал смеяться над неопытным охотником, а сказал:

– На наш остров фашисты сбросили парашютиста.

Конечно, немецкий разведчик будет следить за караванами и по радио сообщать о них своему командованию.

Дважды пролетел над островом фашистский самолёт. И все догадывались: самолёт сбрасывал своему разведчику продовольствие.

Радист с метеорологической станции сообщил о немецком шпионе на Большую землю. Вскоре с советского военного корабля на остров высадились бойцы и командиры. Они привезли с собой артиллерийские орудия и заняли на берегу оборону. Ведь враг мог попытаться захватить советский остров.

Вероятно, немецкий шпион передал фашистскому командованию сведения о наших войсках на острове, потому что через два дня далеко в море показался немецкий крейсер и начал оружейный обстрел берега. Потом прилетели фашистские самолёты и тоже принялись бомбить побережье острова.

Комендант советского гарнизона получил приказ захватить или уничтожить гитлеровского шпиона. Он пришёл к председателю островного Совета и доверительно сообщил:

– Вы знаете, на острове немецкие шпионы. Один или несколько. Необходимо ликвидировать. Выделяю команду бойцов. Старший – старшина Голубков. Вот он, – комендант представил председателю старшину Голубкова. – Но нам нужны проводники, знающие остров.

– Найдём, – с готовностью ответил председатель. – Сколько?

– Три.

– Пиши, – сказал председатель секретарю. – Ефим Валец, Митя Выхло, Семён Хатанзей. Вызывай в распоряжение начальника.

Председатель островного Совета, коммунист, побывавший в Кремле на приёме у Михаила Ивановича Калинина, узнав о войне, с первым же пароходом отправил на Большую землю всю оленину и всю рыбу, какая имелаась на острове.

Ненцы-колхозники согласились с ним: фронту, советским воинам нужно продовольствие.

Команда стрелков в сопровождении Ефима Валеца и двух его товарищей вышла на розыски гитлеровского шпиона.

– Старшина, – сказал Ефим Голубкову, – найдём, без моего голоса не стрелять. Возьмём живого! Если что, первым стрелять буду я.

Едва команда отошла на три километра в глубь острова, как над побережьем появились фашистские самолёты. Наперехват им летел единственный советский.

Неравный воздушный бой начался над океаном и завершился над островом.

Первым врезался в тундровое болото немецкий «мессершмитт». Советский самолёт загорелся. И наш отважный лётчик пошёл на таран.

При таране он успел выброситься с парашютом, но ещё в воздухе был убит пулемётной очередью с фашистского самолёта.

Команда советских стрелков выполнила боевое задание. Замеченный немецкий шпион пытался скрыться, но Ефим Вaley ранил его в ногу. Он оказался ценным «языком» для нашего командования.

Вскоре после захвата шпиона Ефим уехал на фронт. Награда за эту операцию, орден Красной Звезды, нашла его лишь через пять лет после войны.

Обломки самолётов — нашего и двух немецких — островитяне разыскали в тундре и вывезли на берег.

А сегодня, через тридцать лет после воздушного боя над островом, красный следопыт Илюша Вaley, разыскивая хаерад-цветок, нашел останки героя-лётчика Андрея Петрова.

— Да, — Степан Егорович обнял Илюшу, — хотя и не хаерад, а находка ценная!

Наташа, Игорь и Ваня Тайбарей тормозили Илюшу и требовали подробнее рассказать, где и как он нашёл медальон.

— Ладно, потом, — отвечал смущённый младший Вaley. — Придём домой, тогда и расскажу.

Правда Севера. 1970. 3 декабря

ОСКОЛОК

Галя осторожно положила таблетки на тумбочку, так же осторожно поправила одеяло.

– Я не сплю, сестрица, – сказал Смольников и открыл глаза. – Доброе утро!

– Доброе утро. Лежите. Вам... – Галя не договорила, притворно нахмурилась.

А он и так знал, что она должна была сказать. Конечно: «Лежите, вам нельзя много разговаривать».

– Я немного.

– Что «немного»? – удивилась сестра. – Если не спите, тогда будем мерить температуру.

– Всегда готов, – Смольников протянул руку за градусником. – Не хмурьтесь, я ведь знаю, вы не сердитесь.

– Молчать! – Галя отвернулась, чтобы он не заметил её улыбку.

– Ух, как грозно. Сестра, какое у вас воинское звание?

– Генерал.

– Да-а... – словно удивляясь, озадаченно протянул Смольников. – Тут, ясно дело, сержанту молчать. А я-то думал, нужно молчать только из-за этого дурацкого осколка... Вот ведь дурной, зашевелился через тридцать лет.

Бой за высотку с белым домиком подробно описал корреспондент армейской газеты. Корреспондент был молоденький, восторженный и смелый паренёк. Он сам участвовал в прорыве кольца, которым гитлеровцы обложили домик с его крошечным гарнизоном.

«Среди городов-героев, – было напечатано в газете, – среди многочисленных зданий-свидетелей этот маленький белый домик останется для поколений скромным памятником Великой Отечественной войне. Он будет пользоваться вниманием и любовью как героический очевидец стойкости и мужества советских людей сороковых годов двадцатого века. И, наверное, на одной из его стен будет прикреплена доска с надписью: “Три дня и три ночи взвод пулемётчиков под командованием сержанта Георгия Смольникова оборонялся в этом доме, отражая яростные атаки врага”».

...Взвод поддерживал наступление стрелкового батальона. Немцы подтянули на этот участок большие подкрепления и перешли в контратаку. Они потеснили наш батальон, отрезав и потом окружив пулемётный взвод.

Пулемётчики заняли оборону в небольшом кирпичном здании, одиноко стоящем на чуть заметной возвышенности. Один пулемёт они установили в ячейке около дома. Много раз гитлеровцы пытались овладеть домом. Они обстреливали его из миномётов, блокировали, шли в атаку, предлагали советским бойцам сдаться. Но гарнизон мужественно держался и отвечал фашистам только огнём пулемётов и автоматов.

После жестокого боя, после нечеловеческого трёхдневного напряжения в живых остались тяжело раненный в голову сержант Смольников, заменивший погибшего лейтенанта, и шесть бойцов.

Между тем наш батальон снова начал атаковать немцев. Дважды на прорыв ходили автоматчики и дважды были вынуждены отступить.

К исходу третьего дня советские автоматчики прорвались к домику. Но гитлеровцы упорствовали и сами заняли оборону.

В кромешном хаосе автоматных очередей и минных разрывов сероглазая санитарка (так о ней писал в газете юный корреспондент) перевязала голову Смольникова. Он пришёл в себя и, не открывая глаз, чуть слышно спросил:

– Как тебя зовут?

– Лариса... Молчи. Держись!

– Лариса...

Он глотнул из фляжки воды и снова потерял сознание.

Санитарка набросила руку раненого себе на плечо и поползла. Но выбраться из полосы обстрела ей не удалось. Её похоронили тихо и просто, почти в безмолвии, по-фронтовому, по-солдатски.

Смольников ничего не видел и долго ничего не знал об этом. Его эвакуировали в тыловой госпиталь. Тяжёлое ранение в голову туманило память. Он мучительно силился припомнить то, что произошло. Белый домик... бой... свои ребята-пулемётчики... И непонятно откуда – имя Лариса.

На фронте ему больше быть не пришлось. Он написал письма в полк друзьям. Спустя некоторое время получил два ответа и номер армейской газеты. Из газеты он узнал о подвиге своего взвода, о белом домике, о гибели санитарки Ларисы Грачёвой.

Она погибла, спасая его. Какая же она была, эта сероглазая Лариса?.. Будь она жива, он бы её разыскал. Разыскал и, наверное, влюбился бы. Нет, не влюбился, полюбил бы...

Он стал замечать, что непрестанно думает о ней, о её родных, о тех местах, где она жила до войны. Знать и что-то сделать – этого подсознательно требовал долг. Об этом, хотя и безболезненно, но в то же время чувствительно напоминал осколок мины, так и оставшийся в голове.

Смольников писал и писал – в редакции, в штаб полка, друзьям. Наконец, он узнал о городе, из которого Лариса Грачёва уехала на фронт. И что в этом городе живёт её мать – Мария Петровна. Тогда он решил навестить мать Ларисы, а может быть, и остаться в том городе. У него, наскитавшегося по госпиталям, бывшего детдомовца, не было ни дома, ни семьи. Хотя бы жить в том городе, где жила его Лариса...

Он приехал рано утром и долго бродил по набережной широкой реки, волнуясь и переживая ещё не состоявшуюся встречу.

Конечно, у матери есть портрет или какая-нибудь фотография дочери. Дверь после звонка открыла закутанная в огромный платок старушка. Она с любопытством оглядела незнакомца.

– Вам кого?

– Мне бы Марью Петровну Грачёву.

– Грачёву?.. – старушка попятилась, словно чего-то испугалась. – Марью Петровну?.. Так Марья Петровна... она ведь умерла...

И мать Ларисы умерла... Да что же это?.. Как теперь часто случалось, у него затуманилось сознание. Давал себя знать проклятый осколок. Смольников опёрся о косяк.

– А Вы кем ей приходитесь? Родич? – старушка сочувственно смотрела на побледневшего Смольникова. – Да вы пройдите...

Смольников вздохнул. Говорить было не о чем, а уходить не хотелось. Здесь, здесь она жила, Лариса.

– С гостиницей, наверное, трудно у вас... – нерешительно начал он.

– А Вы приезжий? Так денёк-два поживите у нас, – гостеприимно предложила хозяйка. – Нас всего-то двое. И комнаты две. Невестка, она не запротивится. Вдовая тоже, муж на войне погиб. Располагайтесь, пожалуйста.

Так и остался бывший сержант Георгий Смольников в этом городе. Обжился без женитьбы, учился да работал. Время шло и шло. А он нет-нет да и вспоминал Ларису. Раньше рассказывал кому-то о своей оставшейся любви. Люди чаще отмахивались: «Нету нынче такой любви вечной. И тебе не поверим». Тогда он перестал рассказывать.

Более тридцати лет прошло после ранения. И вдруг осколок стал беспокоить. Смольникова положили в больницу.

– Зажился у вас непрошенный гость, – сказал хирург. – Пора Вам и расстаться с ним. Теперь уже можно.

Смольникова оперировали.

...Сестра ещё раз перечитала фамилию на температурном листке. Где-то давно, очень давно она встречала такую фамилию. Но где и когда?.. Больных Смольниковых на её памяти не было. И знакомых – тоже.

– Сестра, когда мне вернут мой осколок? Я же просил.

– Осколок? – у сестры было хорошее настроение. – А мы его в металлолом сдали.

– Бросьте шутить, – рассердился Смольников. – Я этот осколок в своей черепной коробке тридцать лет таскал. Всё-таки как-никак не зря воевал. Он для меня самая дорогая память.

– Осколок? Память? – интересовалась сестра. – О ком же?

– О нашей победе!.. И ещё об одной медицинской сестре. О такой, каких на всём белом свете нету.

– Ну уж, будто и нету, – глаза у сестры ревниво и весело сверкнули. – Да знаете, какие у нас сёстры, какие санитарочки! Оля, Женя, Таня, Галя, другая Галя...

Больные невольно слушали не очень понятный для них разговор.

– Я знаю, все вы очень хорошие, все добрые, заботливые, – согласился Смольников. – Ещё Ася. Наташа, вы... А вот Ларисы нету.

– Ларисы?.. Почему Ларисы?..

Смольников молчал.

– Почему Ларисы? – ещё раз спросила сестра.

– Была такая Лариса. Меня в бою спасла. Осколок этот – память о ней.

У сестры дрогнули губы. «Смольников, – вдруг вспомнила она, – военная газета, статья о белом домике...» Когда погибла Лариса, им вместе с похоронкой прислали эту газету, и они с мамой её читали.

– И белый домик? – чуть слышно спросила сестра и, держась за спинку кровати, вдруг заплакала.

– Домик? – Смольников недоумевающе посмотрел на сестру. – Откуда вы знаете?

Ему показалось, что он ослышался, что слова о белом домике почудились, вероятно, потому, что он вспомнил о Ларисе и об осколке.

К сестре спешили встревоженные больные.

– Вы присядьте. Успокойтесь. Откуда вы знаете о домике? – снова спросил Смольников.

Палата притихла. словно чем-то испуганная, девушка подняла заплаканные глаза.

– Вы сказали о Ларисе... Я вспомнила газету, белый домик. Лариса Грачёва – моя родная сестра.

– Сестра? – прошептал Смольников. – Я не знал, что у неё есть сестра...

Люди замерли, они молчали, боясь нарушить тишину, словно что-то очень хрупкое и драгоценное. А так и было в действительности. Хотя бы на короткое мгновение сейчас была нужна тишина.

Первым заговорил Смольников, тот, кто и имел на это право.

– Тогда сохраните осколок у себя, на память о белом домике... А мне подарите фотографию сестры. Я никогда не видел Ларису.

Правда Севера. 1975. 13 сентября

РУКАВИЧКА

На общей кухне стояли пять столиков самых разных размеров. На них постоянно гудели и шипели примусы и керосинки. Хозяйки готовили завтраки, обеды, ужины для своих семей, иногда мирно судачили, но частенько и схватывались в словесной перепалке. Неистовое гудение примусов тогда захлёстывалось, словно приумолкало, хотя горелки и полыхали.

Двух из тех хозяек теперь уже нет, остальные живут в разных концах города в новых квартирах.

Авдотья Семёновна навестила свою бывшую соседку по старой квартире. Ульяна Егоровна несказанно обрадовалась госте. Конечно, чаёк, разговоры, воспоминания...

Горести у женщин хотя и давние, а душу не перестают точить. У Авдотьи Семёновны с фронта не вернулся сын. В конце войны, перед самой победой, получила похоронку на мужа Ульяна Егоровна.

– Гляди-ко, какую мне, Егоровна, памятку прислали, – и Авдотья Семёновна вытащила из сумки изрядно поношенную и залатанную рукавицу.

– Да кто прислал-то? На что она тебе? – удивилась Ульяна Егоровна.

– А ты вспомни-ка...

И вспомнили.

...Когда в квартире не стало взрослых мужчин, три домохозяйки поступили работать – две на механический завод, третья – на лесную биржу. Почти совсем прекратились кухонные ссоры. Чтобы не грустить, не маяться в одиночку, сходились вместе, вязали и шили рукавицы для фронта, для советских воинов. Первое время войны город считался тыловым. Фронт, правда, и позднее не проходил через него. Но некоторое время спустя в небе стали появляться вначале одиночные «рамы», потом гитлеровцы стали бомбить город массированно. Свободные от работы женщины и старики дежурили на улицах. В часы налётов за городом ухали зенитки, неведомо когда и откуда подвезённые для защиты населения и предприятий.

Вспомнилось, как самая старшая из соседок по квартире, было ей уже за семьдесят, просилась в госпиталь сиделкой или уборщицей. И когда ей очень вежливо, со словами благодарности, отказали, она обиделась, мол, не доктором и не сестрой милосердия прошусь, а помыть там что или у больного посидеть...

– А вот вспомни-ка, – задумчиво произнесла Авдотья Семёновна, – рукавицы мы шили?

– Ну, шили.

– А я в каждую рукавицу записочку засовывала, – так, мол, и так, воюй, милый, и домой возвращайся с победой. Дак вот, эта рукавица-то – моя.

– Ну?

– Вот и сама не думала, не гадала. Верно ты, Егоровна, говоришь, много годов-то прошло. А только приходит ко мне почтальонша и подаёт не то посылочку, не то письмо толстое. Говорит: «Вам бандероль. Распишитесь». Что такое – никак сообразить не могу. Смотрю, всё верно: и

по адресу, и по фамилии – мне. Расписалась в книге, а открывать боюсь. Потом думаю: да ведь не бомба же там. Распечатала, значит, а в бандероле этой – рукавица. Сразу узнала – мной вязана. А в рукавице ещё шоколадина громадная. И бумаги лист – письмо. На-ко, почитай.

Письмо было написано чётким красивым почерком, видимо, под диктовку другим человеком. Подпись в конце была неуверенная, словно хромящая: Фёдор Голубцов.

«Многоуважаемая Авдотья Семёновна! После многих, многих лет разыскал я Вас наконец. Большущее Вам спасибо за рукавички. И помогли они мне в стужу, и просто радостно было их получить на фронте, почувствовать, что где-то заботятся о нас люди. В рукавице в записке я вычитал только Ваше имя и отчество, да город, где Вы живёте. Решился разыскать Вас. Написал в адресный стол, потом через редакцию Вашей газеты – пионерам. И ответ всё-таки с Вашим адресом получил. Хорошие люди живут в Вашем городе! Одну рукавицу оставляю у себя на память, а вторую посылаю как доказательство, что Ваша доброта крепко помогла нам, солдатам, в те тяжкие дни и годы...»

Сидели две пожилые женщины, читали письмо, вспоминали и плакали...

Правда Севера. 1975. 1 октября

И ТИХО, ТИХО ВСЁ КРУГОМ...

Мне хочется рассказать об одной женщине, о её нелёгкой судьбе, а может быть, и о судьбах многих ей подобных.

Сейчас Елизавета Васильевна в годах. Да и тогда настоящая её молодость уже заканчивалась.

Город отстоял от фронта далеко. И если бы не война, которая особенно жёстко сжимала сердца жён и матерей фронтовиков, можно бы сказать пушкинской строкой: «И тихо, тихо всё кругом...»

Это было как будто очень, очень давно, и в то же время совсем недавно.

В те времена Елизавета Васильевна жила в общей коммунальной квартире. Столики соседок-домохозяек на кухне чуть ли не громоздились один на другой. На столиках фурчали примусы и подымливали керосинки.

Муж Елизаветы Васильевны и единственный сын были на фронте. Совсем редкие и короткие весточки получала она от них. И каждый такой редкий треугольничек приносил ей величайшую радость.

Домашних дел у неё было немного, и она, когда позвали, поступила работать на завод, где раньше работал её муж. И тут, правда мельком и с чужих слов, услышала: «Рабочую продовольственную карточку захотела». Было до слёз обидно и больно. Хотела уволиться, но её тут же, на заводе, пристыдили. Людей нет, некому работать, а она...

И она осталась.

Заводской специальности у Елизаветы Васильевны не было. Её поставили помогать на выдаче инструмента. Начальник цеха, который хорошо знал её мужа, отличного слесаря-лекальщика, сказал:

– Присмотритесь, подучим, если понравится, специальность будете иметь.

И она быстро привыкла, даже полюбила цех, уходила с работы поздно вечером. Не хотелось домой, где невыносимо тихо.

В обеденный перерыв, в дневную смену, когда Елизавета Васильевна выходила из цеха, если в небе горело солнце, оно не замечалось, его словно и не было. На улице словно не было деревьев и кустов – зелени, а она всегда любила зелень. Заросли кустарника на берегу смотрелись в речку и, отражаясь, любовались собой. Но она не слышала ветерка в кустах, не видела волшебного, чуть заметного колыхания голубоватой воды.

Было тихо, как будто наступила глухота.

Но Елизавета Васильевна знала, по-женски особенно больно воспринимая: на берегах Волги грохочет, взрывается, пылает. Шло грандиознейшее из сражений всех времён – Сталинградская битва. И она чутьём матери, по каким-то мелочам и намёкам из последнего письма поняла: сын её там.

В цехе среди подруг-работниц она заикнулась о фронте: сходить в военкомат, попроситься. Кто-то усмехнулся, кто-то нахмурился. Она поняла. Задуманное намерение напрасно.

А то, что её тревожило, мучило, убивало, вскоре случилось. Пришла не «похоронка» – коротенькое письмо от товарища сына по роте. Сын погиб под Сталинградом. Подробностей не было. Была лишь в конце письма приписка: «Мы за него отомстим!».

Она не верила, хотя знала, что это уже произошло, знала, что не один он – многие и многие, что и она не одна: многие получали «похоронки» или такие же письма о сыновьях и мужьях. Или были совсем в неведении. Но, не смиряясь со случившимся, она хотела узнать о сыне всё-всё.

Но что делать, что?.. Кричать, стучать в стены и в чужие двери? А там такое же горе...

До утра Елизавета Васильевна сидела на краю кровати. От поздних рыданий, может быть, стало легче. Она ждала, когда можно пойти на завод. Будильник у неё остановился, и она прислушивалась к бою стенных часов у соседей – ожидала эти приглушённые дощаткой и обоями удары, знала о них и каждый раз, когда раздавался бой, вздрагивала. Тревожили не звуки, не шум, пугала тишина.

Утром она отнесла пайку хлеба соседской семье – там было трое ребятишек. Она и раньше делилась с соседями.

В цехе Елизавета Васильевна крепилась, работала молча, чтобы не выдать себя. Руки почти не чувствовали инструмента – холода гаечных ключей, резцов, ножовочных полотен.

Но начальник цеха заметил. На его вопрос она ответила тихо, но прямо, без слёз, только отвернувшись.

– Идите, Елизавета Васильевна, домой. Успокойтесь, отдохните... – что он ещё мог сказать или сделать в то время?

– Нет, нет, только не домой. Из цеха я не уйду. Здесь мне лучше... только никому не говорите.

Поздно вечером начальник цеха и один из мастеров проводили её до дому, зашли на квартиру. Елизавета Васильевна и стеснялась, и была рада. Одиночество в комнате угнетало.

Потом, в другие вечера, к ней приходили подруги по работе. Немногословно переговариваясь, они вместе с Елизаветой Васильевной нашли занятие – шили и вязали для фронта рукавицы. Все жили одними мыслями – и общими, и своими. Кто-то из них перенёс такое же горе, как и Елизавета Васильевна, другие ждали писем с фронта.

В посылки, кроме рукавиц, они складывали всё, что находилось дома: бельё, тёплые рубашки, свитера. Пригодится, всё равно кому-нибудь пригодится! И адрес на посылках писали краткий: «Фронт. Нашим защитникам». На почте им никогда не отказывали в приёме таких посылок.

Проходили горькие дни, недели, месяцы... И уже годы продолжалась война. Но вот наступили большие дни радостей и на фронте, и в тылу. Советская Армия стремительно погнала врага на запад. Один за другим освобождались родные города, освобождалась родная земля.

И наконец – граница, и наконец – наши войска на чужой и на освобождённой земле, за которую ещё ожесточённо цеплялись обречённые гитлеровцы.

Девятое мая – Победа.

Это была всенародная, величайшая радость радостей. Но она, Елизавета Васильевна, ждала ещё одну радость – возвращение мужа. Он уже не молодой, после победы его в армии долго не задержат.

...В яркий день внезапный бросок угольно-жгучего мрака оглушает человека.

Мир отпраздновал победу. После четырёхлетних страданий звучало ликование в душах людей, а ей пришло позднее горестное известие: в Будапеште погиб муж.

Кто мог вынести такой удар, вторичный жесточайший удар судьбы?! Кто?..

Как и три года назад, сидела она на кровати, застывшая, безмолвная, одинокая.

Было всё так же. И тихо, тихо всё кругом.

Потом так же уходили годы. И жила и живёт с болью в сердце, но с достоинством сильная русская женщина Елизавета Васильевна.

Правда Севера. 1976. 8 мая.

Фронтовые корреспонденции

ФАЛЬШИВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Фельетон

Чем-чем, а подлогами, подменами и разного рода фальшивками фашистского фюрера не удивишь. Геббельс из всех сил старается, язык на сторону, а фюрер или усмехается, или злится. «Старо», – говорит, – или ещё хуже: «Нечистая, – говорит, – работа».

И вот уже около месяца Геббельс в немилости ходит. А ведь, казалось, какой мастер был! Мюнхенскую школу шулеров прошёл, у мошенников с мировыми именами учился, сам на этом имя заработал и звание фальшивых дел заслуженного мастера получил. Практика огромная. Начинал с колоды краплёных карт. Теперь исторические факты подтасовывает и карту мира крапит. О документах говорить не приходится. На имя самого дьявола паспорт заготовить может.

И тем не менее фюрер им недоволен. Провалов стало уже очень много. Не только за границей – в Германии перестали верить. Тогда Геббельс приуныл, но решил не сдаваться.

– Удивлю Вас, мой фюрер, не будь я Геббельс!

Так и сказал. И ушёл думать. Думал ни много ни мало пять дней. Ничего не придумал и решил подавать в отставку.

А у фюрера болезнь приключилась – старая болезнь вернулась, мягко говоря, психическое недомогание, мания подделки и подмены. Показалось фюреру, что Геббельс уже что-то придумал и начинает удивлять.

Всё началось с прихода Геринга.

– Напрасно в Россию сунулись, – сказал Геринг. – На свою голову. Не унести ног будет, пожалуй. Не повернуть ли назад?..

Фюрер глаза вытаращил. Кто это говорит? Геринг, его ближайший сподвижник по захвату чужой земли и чужого добра!

– Нет, это не Геринг, – сказал себе Гитлер, – подмена. Не иначе, Геббельс действовать начал, подменил Геринга. Он мастер на подделки и подмены. Придумал, сукин сын.

Доложили фюреру, что танковые части Гудериана разбиты и откатились. Не поверил фюрер. Одно твердит:

– Подмена, подделка. Гудериан – не тот, танки – не те, Красная Армия, что Гудериана разбила, – не та. Всё подделано, всё подменено. Знаю, он мастер на эти штуки, этот Геббельс!

Однажды, в момент просветления мысли, Гитлер всё же сказал по радио:

– Мы ошиблись в вопросе о том, какую силу представляет наш противник.

Но тут же фюрер испугался своих слов.

– Сукин сын, этот Геббельс, он уже, кажется, и меня сумел подменить, – в бешенстве кричит фюрер. – Я – не Гитлер, и Гитлер – не я, и я – не я. Подать сюда Геббельса!

Привели Геббельса. Тот стоит, трясётся, как осиновый лист, не подозревает, что у фюрера временно «не все дома».

– Не сдержал, – говорит, – я своего слова. Ничего не придумал. Не Геббельс я отныне...

И тут произошло необычайное. Гитлер успокоился вдруг и пробормотал в восторге:

– Вот это я понимаю. Даже самого себя подменил, сам признался. Это вам не эрзац хлеба и нефти сотворить. Настоящий спец по подлогам и подделкам. Ладно, приступай к своей работе.

И Геббельс приступил снова подделывать, подменять и фальшивить.

Патриот Родины. 1941. Октябрь

В БОЮ ПОБЕЖДАЕТ ХРАБРЫЙ

Танкисты-фронтовики рассказывают о своём опыте

Тридцать восемь атак, тридцать восемь ударов по немецко-фашистским бандам нанёс этот экипаж в боевом содружестве с другими советскими танкистами. И теперь вечерами, после дня напряжённой боевой учёбы, молодые, ещё не испытавшие боевой жизни танкисты упрашивают трёх товарищей рассказать о боях.

Теперь их трое. Четвёртый погиб в бою. Иногда в клубе, иногда в общежитии собираются бойцы и командиры послушать волнующие рассказы фронтовиков.

Обычно начинает рассказывать командир танка старший сержант Кученков. Но у слушателей-водителей после рассказа возникает много вопросов «по специальности». Тогда рассказ дополняет механик-водитель старший сержант Богдашкин. Что касается ведения огня, то тут много полезного может посоветовать башенный стрелок Дардыкин, самый молодой в экипаже.

...В деревне С. укрепились фашисты. Начало смеркаться, когда был получен приказ выбить врага. В числе других машин танк Кученкова вышел на выполнение приказа.

Сообщения разведки оказались абсолютно точными: перед деревней немцы вкруговую установили противотанковые пушки и много огневых точек.

Когда танк Кученкова выскочил на бугор, шальной осколок снаряда угодил ему в переднюю часть. Однако советская машина выдержала и продолжала мчаться вперёд. Меткими выстрелами с хода экипаж танка сбил две противотанковых пушки. Несколько огневых фашистских точек было раздавлено гусеницами тяжёлой машины.

Навстречу, под прикрытием лёгких танков, вышла немецкая пехота. Но деревня была уже близко, и советские машины стремительно неслись на неё.

У самой деревни танки были остановлены. Фашисты вели с окраины яростный огонь прямой наводкой. У машины Кученкова снарядом перебило два трака. И тут же в бою танкисты принялись за ремонт. Радист Волков вёл пулемётный огонь, а трое его товарищей спешили снова ввести в строй омертвлённую машину.

Вскоре экипаж машины Кученкова вместе с другими танками ворвался в деревню...

Это один из тридцати восьми эпизодов, из тридцати восьми атак, в которых участвовал экипаж. Иногда танки по два раза атаковывали врага, возвращались, пополняли боеприпасы и горючее и вновь уходили в бой. Ничто не могло сломить наступательного порыва отважных советских танкистов.

Беседуя, товарищи рассказывают о том, как танки должны взаимодействовать с пехотой, прикрывать её наступление, уничтожать миномётные и пулемётные гнёзда.

– Особенно зорко нужно наблюдать танкистам за полем боя, – говорит командир машины. – Кусты, впадины, овраги, – всё это может таить для нас неприятные сюрпризы.

Когда танки останавливаются для стрельбы, нужно избегать скученности их. Скученность затрудняет наблюдение, мешает ведению огня и увеличивает поражаемость. При движении по укрытой местности не следует выскакивать на открытые места, чтобы неожиданно не попасть под огонь противника.

Много полезных советов дают молодым танкистам фронтовики Кученков, Богдашкин и Дардыкин. Их засыпают вопросами.

– Как восстановить машину на поле боя?

Такие случаи встречались в практике у экипажа Кученкова дважды. Об одном уже было рассказано. Во второй раз сбило качающий рычаг. Не прекращая огня, танкисты вывели одно колесо, натянули гусеницы. Машина шла неровно, но всё же её удалось вывести из боя.

Также, отвечая на вопросы, Богдашкин рассказал, как они вытаскивали танк из болота, ни на минуту не прекращая огонь по фашистам, пытавшимся приблизиться к месту аварии.

Когда танк стрелял с места, механик-водитель корректировал огонь, который вёл командир.

Четырнадцать бесед провёл экипаж машины старшего сержанта Кученкова. Кроме того, повседневно на занятиях и в свободное время фронтовики в кругу товарищей делятся опытом.

Патриот Родины. 1942. 18 марта

О ПУЛЕМЁТЧИКЕ

Мечта осуществилась. Уже упругие рессоры покачивают тебя в вагоне воинского эшелона. Колёса на стыках отсчитывают каждый рельс. «На запад, на фронт!» – словно говорят колёса. Им вторят и буферы, и шатуны паровоза, и пар, шумно врывающийся в воздух.

Бойцы едут на фронт. На железнодорожных станциях незнакомые девушки им машут платками. Поезд проходит по необъятным просторам страны, переживающей грозovou, военную весну.

И ты тоже едешь на фронт, Алексей Малышев. Мы будем помнить тебя, дорогой боец-пулемётчик, пока не увидим снова, возвратившегося с фронта с победой. Это будут счастливейшие дни для тебя, для всех нас, для нашей родины. И при встрече ты о многом расскажешь своим товарищам, тоже возвратившимся с фронта, и своей матери, всегда думающей о тебе, и своей девушке, которая терпеливо ожидает тебя. Мы знаем о твоём благородном стремлении на фронт.

...Когда происходило распределение бойцов по подразделениям, молоденький чернобровый красноармеец два часа ходил за лейтенантом Зуевым, упрашивая «взять в пулемётчики».

– Пулемёт весит... – начинал говорить лейтенант, меряя взглядом маленького красноармейца.

– Знаю, шестьдесят шесть килограммов, – быстро подхватывал обрадованный красноармеец. – Это без охлаждающей жидкости...

– То-то и оно, без охлаждающей жидкости. А сколько ты сам весишь? Кто же за тебя, дорогой, пулемёт будет перетаскивать? Нет, нет. Не подходишь.

Однако настойчивый красноармеец добился своего. Он был зачислен в пулемётный взвод, которым командовал лейтенант Шемет.

Когда взвод получил приказ об отправке на фронт, лейтенант Шемет сказал:

– Вам, товарищ Малышев, придётся остаться. Рост маловат, да и вообще, молодой...

Красноармеец обиделся. Нет, он возмутился. Он даже чуть не заплакал от отчаяния, протестовал, хотел жаловаться. Но оказалось, что лейтенант Шемет... пошутил. Не было причины оставлять Малышева – лучшего бойца-пулемётчика.

С первых же дней учёбы он начал удивлять командира и товарищей своей энергией, жадностью к занятиям, терпением и настойчивостью в учёбе. Материальную часть станкового пулемёта он изучил буквально в несколько дней. Нередко, когда уже время подходило к «отбою», Малышев появлялся перед помощником командира взвода и просил объяснять. Он также не давал покоя своему командиру отделения Митрофанову, «надоедал» командиру взвода, часами возился у пулемёта после занятий, собрав вокруг себя бойцов.

А как ждал Малышев первую стрельбу! Он уже ясно представлял себе, как по команде выйдет на огневой рубеж, ляжет у пулемёта и хладнокровно

возьмётся за рукоятки затыльника. Он уже много раз репетировал этот долгожданный момент.

И вот, словно привстав на четвереньках, ожидает его маленький, тяжёлый «максим». «Главное – выдержка, – думает Малышев, изготовляясь, – и тогда всё будет в порядке». В двухстах метрах стоит грудная мишень. Пулемёт заряжен пятью патронами. Время – одна минута – засечено и проходит. Если из пяти всадить четыре патрона – будет «отлично». Это самое малое, что должен сделать Алексей Малышев. Он поднимает предохранитель и нажимает на спусковой рычаг.

Пулемёт вздрогнул, на секунду залившись пятипатронной очередью. Все пять пуль впились в центр мишени, одна возле другой.

Всё отделение выполнило упражнение. Но лучше остальных стрелял маленький боец-пулемётчик Алексей Малышев.

Пулемётный взвод выходил на тактические занятия, занимал оборону, поддерживал наступление стрелков, совершал переходы. И всюду Малышев восхищал лейтенанта Шемета неутомимостью и исполнительностью. Никто лучше него не умел выбрать огневую позицию, замаскироваться, быстро выдвинуть и подготовить к стрельбе пулемёт.

– Он, должно быть, для того и родился, чтоб стать пулемётчиком, – говорил Шемет, выписывая в записной книжке против фамилии Малышева цифру «пять». – Впрочем, он удивительно настойчив, этот «малыш» Малышев. В этом всё дело...

...Но вот и закончилась учёба. Поезд мчит тебя к фронту, Алексей Малышев. Предстоят настоящие бои. Приказ товарища Сталина выполнен – ты в совершенстве овладел своим оружием – станковым пулемётом. Ты хочешь стать командиром Красной Армии. Окончится война, и ты снова будешь учиться.

Ты уверен в победе, как уверен в этом весь советский народ. В 1942 году гитлеризму придёт конец.

Так бей же ненавистных фашистов, отличный боец-пулемётчик! А пока – счастливый путь!

Патриот Родины. 1942. 3 июня

ЛЮБОВЬ РОДИНЫ

С ним прощались на фронте, говорили «до скорой встречи», но, конечно, никто не надеялся на эту встречу. Ранение было исключительно серьёзным. Осколки мины повредили обе челюсти, нарушили ткань, обезобразили лицо. У раненого было тяжёлое физическое состояние.

Его привезли в госпиталь, где начальником тов. Самойлов, положили в палату челюстно-лицевого отделения. Начальник отделения военврач II ранга Рабинович спокойно сказал:

– Всё будет в порядке. Операция, соответствующее лечение, и через некоторое время вы опять будете молодцом. Опять поедете на фронт, не волнуйтесь.

Но чудес на свете не бывает. Эту истину хорошо знал раненый красноармеец. Конечно, он не поверил врачу. Врачи любят успокаивать. Однако оказалось, что здесь, в госпитале, творят чудеса. После операции больному наложили шины, исправили прикус челюстей, произвели косметику лица. Через три месяца удивлённые товарищи по подразделению встретили его снова у себя, на фронте. От страшного ранения на лице не осталось следа.

Уже в период Отечественной войны советская медицина в области челюстно-лицевой хирургии добилась новых изумительных результатов. Большую работу с применением новейших методов лечения проводит врач Леонид Миронович Рабинович. Восстановление функции жевательного аппарата, речи и косметика лица – его специальность. Работа очень трудная, требующая больших знаний и опыта.

– При операциях челюстно-лицевой части, – говорит Леонид Миронович, – мы имеем опасных соседей – мозг и дыхательное горло. Нужна величайшая осторожность, чтобы операция и лечение не отразились отрицательно на этих важнейших органах.

Ранения, нанесённые пулями и осколками мин и снарядов, успешно излечиваются в госпитале. Искусство хирургии доведено здесь до совершенства.

У красноармейца Курганского помимо челюсти был повреждён язык. Трети языка не доставало. Курганский лишился дара речи. Врач Рабинович произвёл сложную операцию. Применив пересадку ткани, он восполнил дефект. Однако это ещё не дало желательных результатов. Отвыкший от обычных движений, язык «не действовал». Курганский по-прежнему не мог говорить. Тогда врач Рабинович ввёл физкультуру языка. Перед больным садился физкультурник и заставлял его делать языком различные движения. После ряда таких «физкультурных» упражнений Курганский постепенно снова начал разговаривать. Он уехал на фронт совершенно здоровым человеком и теперь в письмах благодарит врачей и весь обслуживающий персонал госпиталя.

Много интересного есть в работе врачей-хирургов. Оказывается, человек может питаться, не разжимая зубов. Иногда больной после тяжёлого ранения некоторое время не имеет возможности действовать челюстями. Для

введения пищи имеется специальный поильничек с резиновым отводом. У каждого человека за зубами есть свободное пространство, через которое и вводится пища.

Два – три – четыре месяца требуется для того, чтобы человек с повреждённой челюстью, с искалеченным лицом вновь был здоровым, почти без шрамов и искажений черт лица. Перед нами два фотографических снимка без какой-либо ретуши. На обоих снимках один и тот же человек. На первом снимке – в день поступления в госпиталь, на втором – в день выписки из госпиталя. Губы, щёки, челюсти – всё это представляет сплошное кровавое пятно. В таком виде больного привезли сюда. А через два-три месяца он выглядит нормальным человеком, он смеётся, показывая два ряда красивых зубов.

В тяжёлом труде доктору Рабиновичу помогают доктор Любарская, молодой врач Шарымов, старшая сестра Анисимова, сестра Черноситова, санитарки Жезлова, Кичева и другие. Это им приносят горячие благодарности в письмах, которых так много приходит в госпиталь от бывших больных.

«Я хочу поблагодарить всех работников госпиталя, – пишет тов. Мишкин, – вы приложили все силы, чтобы вылечить меня, вернуть в ряды РККА, чтобы я снова мог защищать родную землю от немецко-фашистских мерзавцев. У вас я нашёл заботливый родительский уход, и это помогло мне. За ту боль, которую я пережил, за всю боль, которую переживает наша страна, я жестоко отомщу гитлеровцам».

Коллектив медицинских работников под руководством доктора Рабиновича не только восстанавливает здоровье раненым бойцам, но своей заботой, чутким отношением он олицетворяет ту величайшую любовь, которой окружает своих защитников наша родина, наш советский народ.

Патриот Родины. 1942. 14 октября

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР

«Странное совпадение», – подумал старший лейтенант Настевич.

...Когда-то на командирских занятиях он решал задачу. На виду у «противника» требовалось перейти через насыпь железной дороги. И он предложил сделать подкоп.

– Абсурд! – сказал тогда руководитель занятия. – Нужны реальные мысли и действия, а не мальчишеские выдумки...

Но сейчас предаваться воспоминаниям было некогда. Разведывательная рота под командованием Настевича пробралась в тыл врага. Двадцать километров двигались разведчики без дорог по лесам и болотам. Впереди находились штабные палатки фашистского полка. В замыслы командира разведывательной роты входило внезапное нападение на эти палатки. Опасная операция обещала много интересного для разведчиков – «язык», документы...

Линия железной дороги отделяла роту от расположения противника. Перейти через насыпь железной дороги – значит преждевременно обнаружить себя, подвергнуться обстрелу, всполошить врага.

«Произвести подкоп под рельсами!» – принял решение Настевич.

Небольшая группа бойцов, скрытно приблизившись к железной дороге, начала работать. И вскоре вся рота, не поднимаясь на насыпь и не выдавая себя, перешла железную дорогу.

Меньше всего противник ожидал нападения с этой стороны. Впрочем, далеко от фронтовой линии, здесь вообще, должно быть, не допускали мысли о близости русских. Дерзкое нападение привело немцев в замешательство, поднялась паника. И в это время разведчики сумели справиться со своими делами – штаб был разгромлен, документы и пленные захвачены.

Однако фашистам подоспела помощь. Роту начали окружать. Медлить было нельзя. Стремительным ударом в одном направлении Настевич прорвал кольцо, бойцы даже вынесли своих раненых.

Восемь суток ходил тогда со своей ротой по вражеским тылам. Возвратившись, он доставил пленного офицера – ценного «языка», немецкие документы и много трофейного оружия.

За смелые и успешные действия Настевич был выдвинут на должность заместителя командира батальона.

Случилось так, что, наступая, противник окружил роту лейтенанта Косарева. Настевичу приказано помочь роте выйти из окружения. Три дня он вёл бои на прорыв. И ему удалось выполнить приказ. Но противник в это время получил подкрепление. Настевич со своими бойцами также оказался в окружении. Ещё три дня вёл он упорные бои и искусным манёвром прорвал фашистское кольцо.

Выйдя из окружения, Настевич соединился с группой командира Смирнова и занял оборону, чтобы противодействовать наступлению врага. По шесть-семь атак в день отбивали под его командованием советские воины. И они не сделали ни одного шага назад со своих позиций.

За эту девятидневную операцию тов. Настевич был награждён орденом Красного Знамени.

Он поехал на фронт в звании лейтенанта. В последнее время он был капитаном и командовал батальоном. В последовавших затем наступательных боях талантливый и отважный командир капитан Настевич погиб смертью героя.

Бойцы очень любили его. Он показывал изумительные примеры отваги, стойкости и выносливости. Он заботился о них, и драться с врагом под его командованием бойцы считали своим особенным и большим счастьем.

Патриот Родины. 1942. 5 ноября

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ НА ФРОНТЕ

До войны они работали в архангельских газетах. Когда гитлеровские полчища напали на Советский Союз, многие из них поехали на фронт военными корреспондентами. Другие сменили перо на винтовку, учились, овладевали военным делом и затем стали командовать подразделениями.

Архангельские журналисты проявили себя на фронте как истинные патриоты, как боевые газетчики и отважные воины. Некоторые из них пали смертью храбрых в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Погиб Пётр Крылов, награждённый за время войны двумя орденами Красного Знамени. Из редакции он был переведён на политическую работу. Он проявлял в боях личную храбрость и был любим бойцами и командирами.

Пример исключительного героизма показал наш товарищ Василий Шубин. Смерть застала его за станковым пулемётом, когда он прикрывал огнём выход красноармейской части из окружения.

Мы лишились также боевых журналистов-воинов Воронцова, Фролова, Короткова, Опарина, Я. Семакова, Оришина. Их имена останутся надолго в нашей памяти. И за их смерть будет отомщено.

Другие архангельские журналисты продолжают работать и воевать. За отличную работу и за храбрость Советское правительство наградило Дмитрия Попеля орденом Красной Звезды, Н. Потапова – орденом Отечественной войны, Балдакова, Зыкова, Веселова – медалями.

По корреспонденциям, которые печатаются в газете «Красная звезда», видно, что военный корреспондент Иван Агибалов бывает в тех местах на фронте, где идут особенно кровопролитные бои. Его корреспонденции отличаются оперативностью, ярким изложением и большим знанием военного дела.

В других фронтовых и армейских газетах можно прочитать статьи и очерки архангелогородцев Солодовникова, Волгина, Низковского, Попова, Давыдова, Коноплёва, Хабарова, Шорникова и других. На фронте – Коничев, Коробицын, Пашин, Семаков, Фрадкин, Коровин. На страницах фронтовых газет часто появляются стихи архангельских поэтов Владимира Мусикова и Сергея Баренца.

Перо в дни Великой Отечественной войны оказалось грозным оружием. И архангельские журналисты доказали, что они умеют действовать этим оружием смело, решительно, наверняка.

Правда Севера. 1943. 5 мая

КОНЦЕРТ СЕРЖАНТА ГОЛУБКОВА

Даже в посвистах ветра, даже в шорохе позёмки он хотел слышать музыку. Ветер дул со стороны вражеской обороны и снежной пылью слепил глаза. Сержант Голубков лежал в секрете, в маленьком укрытии, и прислушивался. Ему нужно было и наблюдать. Но что увидишь в такую чёрную ночь, когда невозможно разглядеть даже конец ствола своей собственной винтовки?

Завтра канун Нового года. Для бойцов будет организован концерт. И выступит на концерте он, сержант Голубков.

Три года назад он тоже выступал. Это было в родном городке на Волге, в заводском клубе. Тогда слесарь Голубков – участник самодеятельности – имел огромный успех. В зале хлопали и вызывали на «бис». Концерт затягивался. Заведующий клубом ругался. Зал неистовствовал. И Голубков пел.

Его слушали товарищи по цеху, люди, родившиеся и выросшие на Волге, любящие свою чудесную реку. Голубков пел «Вниз по матушке по Волге», волжские частушки и песенки из кинофильма «Волга-Волга».

...Сержант прислушался. Это уже был не свист ветра и не шорох поземки. Он ясно различал музыку, мелодичные звуки, долетающие из темноты ночи вместе с порывами ветра. Что за чёрт?! Даже слышно отдельные слова знакомой песенки:

Удивительный вопрос:

Почему я водовоз?

Голубков мигнул глазом, щипнул себя за щеку. Нет, он не задремал. Музыка продолжалась. Слова русской песенки доносились с немецкой стороны. Когда налетал ветер, звуки музыки становились особенно сильными, густыми. Казалось, что темнота – это стена, а за стеной заведён гигантский патефон. Так в большом городе через трамвайный и автомобильный шум протискиваются звуки высоко установленного репродуктора.

Ну, конечно, это репродуктор. Сержант Голубков не мог понять лишь одного: почему у немцев русская музыка, наша весёлая песенка из кинофильма «Волга-Волга»? Должно быть, это пластинка. Немцы ограбили какую-то квартиру, захватили там пластинки и теперь через усилитель их крутят.

Голубкова охватила злоба.

– Агитируют, – прошептал он. – Думают разжалобить, а потом кричать будут, гнусные фрицы. Знаем мы ваше дурацкое «русс, сдавайся!».

Сержант горячился. Вот сейчас бы по этой установке огонька дать из миномётов. Взлетели бы фашистские музыканты вместе со своей шарманкой.

Успокоившись, Голубков стал напевать:

Удивительный вопрос:

Почему же Геббельс – пёс?

Потому, что он кретин
Чистокровный... сукин сын.

А потом, напрягая слух, он начал улавливать, откуда доносится музыка. Он припоминал, в каком направлении поднимается высота, где стоит обгорелая ёлка, где бомбой с самолёта вырыта глубокая воронка. В уме сержант построил сложную геометрическую фигуру, одним из углов которой была его позиция.

Утром сержант изложил командиру подразделения свой план.

– Вы не только певец, но и математик, – улыбнувшись, сказал командир.

Днём вели наблюдение. Голубков сам уточнял свои ночные расчеты.

Приближалась полночь, приближался Новый год. Миномётчики были в готовности к открытию огня.

– Хорошо, – говорил сержант Голубков. – Жаль только, концерт наш новогодний сорвался.

И снова, как вчера, на вражеской стороне в темноте загорланил репродуктор. Даже ветер не мешал ему сегодня. Он бесчинствовал в тишине, пока не прозвучал голос на нашем командном пункте. То была команда к открытию огня.

Минный шквал раздробил тишину. Мины густо рвались на вражеской стороне. Репродуктора давно было не слышно. А миномёты били и били.

Голубков лежал с двумя бойцами на своей позиции и следил за разрывами.

– Точно! – говорил он. – Славная музыка. Хороший новогодний концерт мы устроили фрицам. А спеть – я ещё спою, будет время.

Огневой налёт был удачным. В подразделении его называли концертом сержанта Голубкова.

Патриот Родины. 1944. 1 января

ИЗВОЛЬТЕ ВЕСЕЛИТЬСЯ!

Геббельс в своём выступлении вновь угрожал немцам, впадающим в пессимизм... (из газет)

Герр Геббельс озабочен
Берлинской злой тоской.
И вот он пишет срочно
Приказ такой:
«Чтоб не было отныне
Уныния в Берлине –
Приказываю впредь
Плясать, смеяться, петь.
При всяческой погоде
И в дождь, и при луне,
Смеяться при народе,
И дома... и во сне».

Извольте веселиться
И выполнять приказ...
У агентов полиции
Повсюду глаз.
У сыщиков гестапо
Хороший слух,
У подчинённых Гиммлера
Собачий нюх.

У сына старых Гномме
Осколком выбит глаз.
По случаю такому
Пустились старцы в пляс.
У Штернов тоже горе:
Убит на фронте зять.
И Штерны начинают
От «счастья» хохотать.

Извольте веселиться
И выполнить приказ...
У сыщика гестапо
Повсюду глаз.

Голодная старуха
В слезах бредёт домой...
Не смей реветь, старуха!
Приказ такой,
Плясать и веселиться, –
Гласит приказ.
Иначе...
У полиции
Везде свой глаз.

Мальчонка плачет горько.
Упал на мостовой.
– Ага, ты подрываешь
Фашистский строй,
Слезам сеешь смуту,
Проклятый пессимист!
Пред мальчиком надутый,
Озлобленный фашист...

Смех идиотов, плач,
кривлянья
И вой зверья...
Какая мерзкая, Германия,
Судьба твоя!

Брагина — девичья фамилия
моей матери —
Патриот Родины 18 марта 1944 года

Красноармейский юмор

Извольте веселиться!

Гейббельс в своем выступлении вновь угрожал немцам, впадающим в пессимизм...

(Из газет).

Гер Гейббельс озабочен
Берлинской злой тесной.
И вот он пишет срочно
Приказ такой:
«Чтоб не было отныне
Уныния в Берлине —
Приказываю впредь
Плясать, смеяться, петь.
При всяческой погоде
И в дождь, и при луно,
Смеяться при народе,
И дома... и во сне».

Извольте веселиться
И выполнять приказ...
У агентов полиции
Повсюду глаз.
У сыщиков гестапо
Хороший слух,
У подчиненных Гиммлера
Собачий нюх.

У сына старых Гномме
Осколком выбит глаз.
По случаю такому
Пустились старцы в пляс.
У Штернов тоже горе:
Убит на фронте зять.

И Штерны начинают
От «счастья» хохотать.
Извольте веселиться
И выполнять приказ...
У сыщика гестапо
Повсюду глаз.

Голодная старуха
В слезах бредет домой...
Не смей рыдать, старуха!
Приказ такой.
Плясать и веселиться, —
Гласит приказ.
Иначе...
У полиции
Везде свой глаз...

Мальчонка плачет горько,
Упал на мостовой.
— Ага, ты подрываешь
Фашистский строй,
Слезам соешь смуту,
Проклятый пессимист!
Пред мальчиком надутый,
Озлобленный фашист...

Смех идиотов, плач,
Кричания
И вой зверья...
Какая мерзкая, Германия,
Судьба твоя!

Т. БРАГИН

(Е. Кокосович)

Патриот Родины. 1944. 18 марта

АВТОМАТЧИКИ

Это был, действительно, дерзкий и внезапный налёт.

Утром автоматчики сели в кузов грузовой машины и отправились на выполнение задания. Слово «грузовая» как-то не походило к определению этой машины. Гонщики-автомобилисты позавидовали бы её бешеной скорости. Казалось, на каком-нибудь из поворотов она вот-вот перескочит узкую обочину и сорвётся вниз.

В других условиях, вдали от фронта, наверное, этого шофёра лишили бы прав, или, по крайней мере, он потратил бы всю заработную плату на штрафы. Так думал Николай Баушев, сидя в кузове вместе с другими автоматчиками. Впрочем, об этом долго думать не пришлось. Баушев скоро освоился с опасностью вылететь в канаву. А кроме того, появилась другая опасность – встретиться с немцами.

Машина свернула с шоссе и покатила узкой лесной дорогой. Этим путём она прошла несколько километров. Слева остался совхоз. Автоматчики должны были совершить внезапный налёт на него и захватить пленных.

Машина снова выскочила на широкую дорогу. Теперь она двигалась в обратном направлении, на совхоз.

Вдали показались отдельно стоящие от других построек совхоза две хаты-мазанки. Ещё несколько секунд движения – и машина остановилась. Кроме шофёра, около неё остались два бойца. Остальные, укрываясь в кустарниках, пошли вперёд.

Несколькими бутылками с зажигательной смесью хаты были подожжены. Перепуганные фашисты стали выбегать из хат. Но, спасшись от смерти в огне, они находили её под пулями советских автоматчиков.

И вот появился первый немец с поднятыми руками, за ним – второй, третий... Всего семь. Автоматчики окружили их.

Машина задним ходом подошла к пылающим мазанкам. Через несколько секунд пленные были в кузове. Вокруг них разместились автоматчики.

Но выстрелы и дым пожара переполошили немецкий гарнизон, занимавший совхоз. Вскоре за машиной помчалась погоня.

Немецкие мотоциклисты давали полный газ, иногда им удавалось значительно сократить расстояние. Тогда машина останавливалась. Автоматчики выскакивали и вели огонь по преследователям. Немцы тоже останавливались и тоже строчили из автоматов.

Потом машина снова мчалась вперёд, и, наконец, она совсем оторвалась от погони.

Советские воины, выполнив задание по захвату пленных, не потеряли ни одного человека.

Участие в таких налётах раскрыло Николаю Баушеву всю сущность действий автоматчиков.

После ранения и излечения в госпитале он прибыл в тыловое подразделение. Боец Баушев имел опыт, и ему доверили командовать отделением.

Занятия в его отделении всегда проходили интересно. Молодые автоматчики устраивали на чердаках и деревьях засады, учились стрелять с деревьев, прочёсывали лес, совершали скоростные марши на лыжах.

Часто рассказывая о боевых делах советских автоматчиков, Баушев всегда подчёркивал их качества: дерзость, внезапность и находчивость. Бойцы с восхищением слушали эти рассказы и на занятиях старались подражать фронтовикам.

Однажды на занятии командир взвода поставил отделению задачу – зайти в тыл «противника» и отрезать ему путь отхода к деревне, где располагались его главные силы.

Попытка проникнуть в тыл с дороги не удалась. Пришлось избрать трудный путь лесом по глубокому снегу. Выбываясь из сил, автоматчики всё же вышли в указанный им пункт и оседлали дорогу.

Но Баушев не стал ожидать, когда «противник» начнёт отходить. По его приказу группа автоматчиков скрытно пробралась в расположение «противника» и с коротких дистанций открыла огонь.

Затем, отходя, группа заманила «противника» в засаду.

Отделение Баушева, действуя дерзко и внезапно, отлично справилось с задачей.

За успешное обучение бойцов Баушеву было присвоено звание сержанта, а затем – старшего сержанта.

Инициативный и требовательный командир Николай Баушев на боевом опыте воспитывает смелых, находчивых автоматчиков.

Патриот Родины. 1944. 27 апреля

БЕЛЫЙ ДОМИК

Среди городов-героев, среди многочисленных зданий-свидетелей этот маленький белый домик останется для поколений памятником Великой Отечественной войны. Он будет пользоваться вниманием и любовью, как героический очевидец стойкости и мужества советских людей сороковых годов двадцатого века. И, наверное, на одной из его стен будет прикреплена доска с надписью: «Три дня и три ночи взвод пулемётчиков под командованием старшины Георгия Кудашова оборонялся в этом доме, геройски отражая яростные атаки врага».

Их было немного – взвод советских пулемётчиков. После жестокого боя с гитлеровцами, после нечеловеческого трёхдневного напряжения в живых осталось совсем мало – семь: командир взвода Георгий Кудашов и шесть его подчинённых, шесть его товарищей.

...Взвод Кудашова поддерживал наступление стрелкового батальона. Немцы подтянули на этот участок большие подкрепления и перешли в контратаку. Они потеснили наш батальон, отрезав и затем окружив пулемётный взвод.

Пулемётчики заняли оборону в небольшом кирпичном здании, стоящем на берегу быстроводной речки. Один пулемёт они установили в ячейке около дома.

Много раз гитлеровцы пытались овладеть домом. Они обстреливали его из миномётов, блокировали, шли в атаку, предлагали советским бойцам сдаться.

Но гарнизон белого домика мужественно держался и разговаривал с фашистами только огнём пулемётов и винтовок.

Ряды обороняющихся редели. Тяжело был ранен сам командир взвода старшина Кудашов. Без сна и без смены находился у пулемёта его помощник, тоже раненый, старшина Фёдоров.

Они верили в свою силу и стойкость, они верили в то, что советские воины прорвутся к ним. Каждая атака дорого стоила немцам. Множество трупов фашистских солдат лежало во ржи. Взвод Кудашова имел большой запас патронов, и это было счастьем советских пулемётчиков.

Между тем наш батальон снова начал атаковать немцев. Дважды на прорыв ходили автоматчики и дважды были вынуждены отступить.

К исходу третьего дня кольцо окружения всё же было прорвано. Два взвода автоматчиков устремились к домику, на выручку нашим пулемётчикам.

Среди автоматчиков, прорывавших кольцо, был Вячеслав Петров, воспитанник Архангельского пулемётного училища. Он знал, что взводом, обороняющимся в домике, командует Кудашов.

Ведь Георгий Кудашов – питомец Архангельского училища. Четыре месяца назад они вместе отправились на фронт.

Их тепло провожали в Архангельске. Кудашова в училище знали и любили все курсанты. Это был лучший старшина, весёлый человек, организатор самодеятельности. Он в совершенстве знал станковый пулемёт и мастерски из него стрелял. Он всегда отличался на тактике, самостоятельно проводил занятия с курсантами и имел немало благодарностей.

В первых же боях Георгий Кудашов, назначенный командиром пулемётного взвода, отличился и был награждён орденом Красной Звезды.

Теперь Вячеслав Петров надеялся встретить своего товарища по училищу.

Но Петров задержался, преследуя противника. И когда он вошёл в домик, командира героического взвода уже унесли санитары. Он был тяжело ранен.

Вся земля вокруг дома была изрыта снарядами и минами. Но стены дома стояли. Лишь пули осыпали их штукатурку, да осколки обгрызли углы.

Около ста пятидесяти трупов немцев было найдено в примятой ржи. Советские пулемётчики из своей обороны беспощадно билиседавших фашистов. Они мстили за своих погибших товарищей.

...Воспитаннику Архангельского пулемётного училища старшине Георгию Максимовичу Кудашову указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

Вячеслав Петров, награждённый орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», теперь снова находится в Архангельском училище.

Друзьям не пришлось после боя увидеть друг друга. Но настанет время, и они обязательно встретятся – Кудашов, Петров и Фёдоров – питомцы Архангельского училища, и кто знает, может быть эта прекрасная встреча произойдёт среди золотой ржи, среди поднимающейся вокруг жизни, у того маленького белого домика, который был свидетелем стойкости и героизма советских людей.

Патриот Родины. 1944. 9 августа

ВЫ-ВЫ

Даже севастопольские пластуны могли бы кое-чему поучиться у красноармейца Топоркова. Этот паренёк из четвёртой роты ползал по полю с необычайной ловкостью и проворством. Сам командир дивизии за отличную тактическую подготовку объявил ему благодарность.

Когда Топоркова спрашивали, где он научился так искусно ползать, он отшучивался:

– Лет двадцать назад ходить ещё не умел, вот и научился.

В роте Топоркова любили. Самый маленький по росту, в строю он неизменно находился на левом фланге. И бойцы любовно называли его сынком.

В армию Топорков пришёл из колхоза. В школе почему-то учиться ему пришлось немного, и в грамоте он был не силен. Но если на занятиях в классе Топоркову приходилось трудно, бойцы наперебой старались ему помочь.

В роте надолго запомнили урок по инженерной подготовке.

Лейтенант размашисто вывел на доске мелом: «ВВ».

– Красноармеец Топорков! Что означают эти буквы?

Топорков встал и смущённо произнёс:

– «Вы-вы»...

– Не «вы-вы», а «вэ-вэ», – поправил лейтенант. – Это означает: взрывчатые вещества.

В тот день Топорков узнал такое, что его необычайно удивило: маленькая толовая шашка размером чуть побольше пачки табаку при взрыве могла совершить работу за тысячу человек. Вначале он не поверил. Но через полчаса в поле Топорков убедился в силе этого на вид безобидного брусочка. Тяжёлый стародавний пень взлетел на воздух, рассыпавшись на мелкие щепки.

– Вот тебе и вы-вы! – озадаченно сказал Топорков.

Бойцы засмеялись.

Этот случай вспомнили через несколько месяцев на фронте.

Вражеский дот врос в землю у дороги, ведущей к населённому пункту. А населённый пункт по приказу должен быть взят к 10:00. Рота, встреченная огнём из дота, залегла. Топорков, назначенный связным, лежал в кустарнике рядом с командиром роты и ожидал приказаний.

Рассвет ещё не наступил. В высоком тёмном небе копошились бесчисленные звёзды. Командир роты молчал, должно быть, он обдумывал план штурма.

– Товарищ лейтенант, – зашептал Топорков, – если бы туда «вы-вы» подбросить...

Даже в эту напряжённую минуту лейтенант не смог сдержать улыбку:

– Самое верное дело. А доберёшься?

– Товарищ лейтенант, – зашептал Топорков, – я им как соли в кашу подсыплю. Опомниться не успеют...

Чуть-чуть начинало светать, когда Топорков и сапёр Малышкин поползли к доту. Чтобы облегчить дело подрывникам, командир роты приказал подготовиться к лыжной атаке.

– Без взрывчатки Топорков обязательно добрался бы. Он, что твой выюн, ползёт по-пластунски, – сказал командир отделения. – А тут как-никак груз. Трудновато!..

Спустя полчаса с шипением взметнулась искристая ракета. На правом фланге дробно застучали станковые пулемёты. Ветер понёс по полям и перелескам многоголосое «ура».

В стороне дота замелькали торопливые пулемётные вспышки. Враг отвечал огнём.

– Неужели не достигли? – говорил лейтенант, тщетно пытаясь разглядеть что-нибудь в предрассветной дымке.

И словно в ответ на его вопрос ослепительный свет ударил в окуляры бинокля. Огромный столб земли и дыма взметнулся к небу.

– Вперёд, – закричал лейтенант.

Но команды и не требовалось. Бойцы с волнением ожидали этого момента. Уже на ходу, дозаряжая винтовку, кто-то из бойцов вспомнил вслух:

– Вот тебе и «вы-вы»!

Патриот Родины. 1945. 4 января

ДОБЛЕСТЬ

К Одеру двадцатилетний Виталий Смирнов пришёл уже бывалым солдатом. Глаза слезились от дыма пожарищ. Они многое видели, эти глаза. Развалины и пепелища, трупы детей, бесчисленные могилы по обочинам дорог. Боль сердца, боль за ужасающее огромное горе своего народа привела советского воина к этой немецкой реке.

Теперь уже ничего не могло его остановить. Впереди был Берлин, и слово Победа, всё чаще и чаще произносимое солдатами, приобрело реальный, всеми чувствами ощутимый смысл. И напрасны были надежды гитлеровцев задержать Советскую Армию на Одере. Напрасными были и взрывы мостов, и лихорадочные дополнительные укрепления одерского левобережья.

Мост, к которому подошёл со своей частью Смирнов, был взорван. Середина его зияла, и бесчисленные обломки перекладин и креплений напоминали огромный чудовищный скелет.

Стояла зима, но середина реки не замёрзла и стремительно несла свои воды.

Взвод младшего лейтенанта Смирнова был придан стрелковой роте, которой первой предстояло переправиться через реку. Была ночь. Приглушённо и зловеще шумел Одер. С левого берега то там, то тут врезались в чёрное небо хвостатые осветительные ракеты.

Разведчики сообщили, что через провал на мосту можно соорудить настил.

То, что сделали за час сапёры, было слишком слабым и ненадёжным сооружением для переправы подразделений и совершенно непригодным для переправы техники. Это очень хорошо понимал командир части. Но работала мысль военачальника, и солдаты были готовы на подвиг.

Одной роте с пулемётами переправиться на противоположный берег, закрепиться, вести бой и этим помочь наладить прочную переправу. Такова была мысль.

По-пластунски ползли по мосту пулемётчики первого расчёта. С ними полз и командир взвода Смирнов. По настилу перебрались благополучно, хотя немцы и заметили смельчаков и открыли огонь. Ещё несколько минут – и советские воины укрепились на берегу за насыпью.

Уже должен был двинуться другой взвод. И в этот момент шальной снаряд ударил по мосту. Вместе с обломками моста рухнул лёгкий настил. Пулемётный расчёт с командиром взвода и пятнадцать стрелков оказались отрезанными на вражеском берегу.

Гитлеровцы торжествовали и злорадствовали. От этой кучки советских солдат через пятнадцать минут ничего не останется. Так рассчитывали они. Но этот маленький злобный расчёт немцев оказался похожим на большой расчёт их фюрера, когда Германия напала на Советскую страну. В расчёте был просчёт.

Немцы немедленно атаковали крошечный советский плацдарм. Они обрушили сюда огонь миномётов, пулемётов, автоматов.

Младший лейтенант Смирнов сам действовал у пулемёта. Судорожно билась пулемётная лента, гоня в приёмник патроны. Из винтовок били стрелки, отражая атаки. Положение казалось безнадёжным. Но великая вера в торжество победы крепла и поддерживала силы смельчаков.

Сколько атак предпринимали немцы? Этого не знал Смирнов, как не знали этого и его солдаты. Атаки фашистов слились в сплошной натиск, и едва советские воины успевали отбить один удар, как за ним следовал другой.

Три часа вёл бой младший лейтенант Смирнов, отражая вражеские атаки.

Наступало утро. Наши сапёры спешно заканчивали восстановление переправы через мост. Но вражеский пулемётный огонь затруднял работу. Если бы удалось засечь расположение пулемётной точки, которая вела огонь по нашим сапёрам!

Смирнов решился на отчаянный поступок. Он выдвинулся вперёд. Командир расчёта Гумеров и наводчик Кушнир следовали за ним с пулемётом. Наблюдением Смирнову удалось обнаружить амбразуру дзота.

Своими руками установил он пулемёт, навёл его, своими руками нажал на спусковой рычаг. В таких случаях не гадают: что это было – мастерство или удача? Но только после смирновской очереди немецкий пулемёт навсегда замолчал.

Мало, очень мало советских солдат осталось на крошечном плацдарме, когда подоспела помощь.

Командир пулемётного взвода младший лейтенант Смирнов был тяжело ранен. Вражеская мина разбила и пулемёт.

Но плацдарм ширился, и всё больше и больше наших воинов переправлялось на тот берег, где несколько часов героически сражалась горстка советских смельчаков.

...Теперь младший лейтенант Смирнов служит в одной из частей Архангельского округа. И солдаты его взвода горды тем, что их воспитывает и обучает смелый, заслуженный и опытный офицер, Герой Советского Союза.

Виталий Смирнов не дошёл до Берлина, но отблески больших чудесных огней Победы горят на его Золотой Звезде.

Отважный воин. 1947. 23 февраля

ДВА СЛОВА ПРАВДЫ

Фельетон

Исключительный случай! В одной сводке фашистского командования, в куче обычной беспросветной лжи и хвастовства встретились, между прочим, два слова правды. Буквально, два слова. Нельзя сказать, что это была настоящая правда. Однако, как говорят, на безрыбье и рак – рыба. Что касается самой настоящей правды, то легче заставить медведя петь песни, чем Геббельса – говорить правду.

Но не будем отклоняться. Геббельса могила исправит.

Так вот, в той сводке говорилось, что «группа “Юнкерсов” под командой храброго лётчика Клемме в смелом налёте бесстрашно разбомбила переднюю линию укреплений...»

В этой же сводке указывалось, что «батарея бесстрашного обер-лейтенанта Лейпцкофа смело отражала и храбро сбила за пять минут пять самолётов...»

Теперь нужно разобраться, где здесь слова правды.

Дело было так. Стояла чудесная, тихая ночь. И в эту ночь «храбрый» Клемме повёл подвластные ему самолёты на бомбёжку Ленинграда. Он с честью выполнил бы своё задание, но... ему помешали советские зенитчики. Признаться, Клемме совсем не хотел иметь дело с советскими снарядами. Эти снаряды ему очень не нравились. Такие неприятные у них осколки – острые, увесистые. Свободно могут мотор или фюзеляж покалечить.

Потому, как только «Юнкерсы» были встречены огнём, у Клемме чуть-чуть вздрогнуло сердце, а вместе с сердцем и подколенки. Короче говоря, Клемме немедленно изменил курс на 180 градусов. Иначе такой манёвр называется «показать пятки» или ещё проще – «дать тягу».

Но вскоре «храбрец» пришёл в себя. Неудобно с полным грузом возвращаться на аэродром. Покружившись в раздумье, фашисты неожиданно пришли в движение и начали сбрасывать бомбы. С земли ответили бешеным огнём. Осколок впился в один из «Юнкерсов»; самолёт перевернулся и врезался в землю. Остальные «Юнкерсы», хотя и в беспорядке и поспешно, но всё же освободились от своих бомб.

На земле торжествовали. Хотя сброшенные бомбы засыпали землёй и без того зарытые танки и разрушили блиндажи, но зато был сбит самолёт. Первым к месту падения подбежал обер-лейтенант Лейпцкоф и с ужасом узрел на обломках пылающего самолёта... фашистскую свастику. Так вот кто их бомбил! О таких случаях обычно говорят: «Своя своих не познаша».

Однако обер-лейтенант не растерялся. Какое ему дело, чей самолёт! И он написал в своём донесении: «Сбит самолёт».

В свою очередь писал и Клемме: «Под моим командованием самолёты разбомбили переднюю линию обороны противника».

Так из одного дурацкого случая получились в фашистской сводке два «победных» факта.

– Клемме разбомбил? Разбомбил.

– Обер-лейтенант Лейпцкоф сбил? Сбил.

– Значит, есть два слова правды? Есть!
Ну, а всё остальное, как и водится, – обычная геббельсовская ложь.

Патриот Родины. 1941 – 1944.

ПУБЛИКАЦИИ Е.С. КОКОВИНА В ГАЗЕТАХ
«ПАТРИОТ РОДИНЫ» (1941 – май 1946) и «ОТВАЖНЫЙ ВОИН»
(май 1946 – 1950)

1. **Автоматчик Жаравин** // Патриот Родины. – 1943. – 20 февр. – С. 2
О командире отделения Василии Жаравине и пользе частых тренировок с бойцами
2. **Атака укрепленной позиции. Занятия стрелкового взвода на штурмовой полосе** // Патриот Родины. – 1944. – 19 дек. С. 3
3. **Бедность** // Патриот Родины. – 1945. – 8 дек. – С. 2-3
Об узком кругозоре и духовной бедности, что недопустимо для советского офицера
4. **Без актива. Стенгазета «За Родину» - редактор товарищ Волков** // Патриот Родины. – 1943. – 4 апр. – С. 3
Указаны основные ошибки при выпуске стенгазет, даны рекомендации
5. **Благие порывы** // Отважный воин. – 1947. – 24 мая. – С. 2
О библиотеке Н-ской части: планы составляются, но не выполняются. Библиотека должна быть не просто пунктом хранения книг, а центром массовой работы с читателями
6. **Богатство офицера Максимова** // Патриот Родины. – 1943. – 20 нояб. – С. 4
Об офицере Максимове, человеке энциклопедических знаний, всесторонне развитой личности; считает, что невежеству нет оправдания
7. **Боевая учёба и стенная печать** // Патриот Родины. – 1944. – 15 июля. – С. 4
«Боевые листки» и стенгазеты должны стать подлинными помощниками командиров в выполнении боевых задач
8. **Бой в населённом пункте** // Патриот Родины. – 1945. – 31 марта. – С. 2
О сложностях уличных боёв в населённых пунктах
9. **Бойцы одобряют решение правительства** // Патриот Родины. – 1941. – 4 июня. – С. 2
Первый день лагерной учёбы в Н-ской части совпал с выпуском займа третьей пятилетки, митинг в части, подписка на займ
10. **Борьба за высокие спортивные результаты. Успех команды военных училищ. Женская эстафета 3×5. Лейтенант Барышников – победитель. Первой финиширует Запольская** // Патриот Родины. – 1945. – 3 марта. – С. 3
11. **В большой семье** // Отважный воин. – 1947. – 31 авг. – С. 4, фото
О юном партизане из Смоленска Володе Хизвере, учёба в Суворовском училище
12. **В голубом автобусе. Рассказ об экскурсии по столице** // Отважный воин. – 1947. – 26 авг. – С. 3
К 800-летию Москвы
13. **В лесах советского Севера** // Отважный воин. – 1948. – 29 янв. – С. 3, фото
Выполнение пятилетки в 4 года; участок Войбора Емцовского лестрансхоза, Плесецкий район
14. **В обстановке дисциплины и организованности** // Патриот Родины. – 1945. – 16 мая. – С. 2
О старшем лейтенанте Медицком, который вывел свою роту в число лучших подразделений
15. **В плену условностей: почему отделение сержанта Емец повторило атаку огневой точки / соавтор А. Читалов** // Патриот Родины. – 1941. – 12 февр. – С. 3

16. **В Сольвычегодском музее** // Отважный воин. – 1949. – 8 дек. – С. 2, фото
Музей И.В. Сталина в Сольвычегодске
17. **В роте капитана Катышева** // Патриот Родины. – 1945. – 14 июня. – С. 3
18. **В школе младших командиров** // Патриот Родины. – 1941. – 3 апр. – С. 2
19. **Во взводе, где служит красноармеец Моисеев** // Патриот Родины. – 1943. – 23 дек. – С. 3
О бронбойщике Василии Моисееве
20. **Великая книга** // Отважный воин. – 1948. – 1 окт. – С. 3
О книгах И. Сталина
21. **Весна Победы и счастья** // Отважный воин. – 1949. – май.
22. **«Ветер с юга»** (рубрика «Прочтите эту книгу») // Отважный воин. – 1947. – 18 июля. – С. 3
Е.С. Коковин рекомендует к прочтению книгу Э. Грина
23. **Вечер сатиры и юмора** // Патриот Родины. – 1942. – 16 июля. – С. 4
О выступлении коллектива художественной самодеятельности под руководством политрука Кефчияна
24. **Взаимодействие** // Патриот Родины. – 1941. – 10 июня.
25. **Взвод наступает** / соавтор Н. Тарасов // Патриот Родины. – 1941. – 11 мая. – С. 2
Учения, наступательный бой взводом
26. **Влияние на подчинённых** // Патриот Родины. – 1945. – 9 авг. – С. 3
О влиянии старших офицеров на бойцов, курсантов и молодых офицеров; от командира подчинённым передаются многие черты его характера и поведения - как положительные, так и отрицательные, о чём командир должен всегда помнить
27. **Военный телеграфист** (в рубрике «Лучшие люди нашего края») // Патриот Родины. – 1945. – 19 июля. – С. 3
О старшине Николае Павловиче Русских
28. **Воин-гражданин** // Отважный воин. – 1949. – 5 дек. – С. 3
О солдате-отличнике, ефрейторе Матвее Евдокимчике
29. **Воин-коммунист** // Отважный воин. – 1949. – 6 нояб. – С. 3
О передовом воине Николае Возовикове
30. **Воспитатель** // Отважный воин. – 1949. – 5 окт. – С. 2
О старшине Григории Черненко, наставнике солдат
31. **Вручение грамот и ценных подарков победителям. Закончилась окружная спартакиада** // Отважный воин. – 1948. – 24 июля. – С. 1
32. **Вручение орденов** // Патриот Родины. – 1944. – 4 марта. – С. 1
О вручении орденов офицерам Архангельского пулемётного училища за образцовую работу по подготовке офицерских кадров
33. **Вступая в третий период...** // Патриот Родины. – 1941. – 20 апр. – С. 2
Боевая учёба в отделении сержанта Москалика дана как пример высокой выучки
34. **Второй день** // Патриот Родины. – 1943. – 27 авг. – С. 4
Об окружной спартакиаде по военизированному пятиборью
35. **Выносливость, выдержка** // Патриот Родины. – 1941. – 11 февр. – С. 2
Кросс как часть учебных занятий

36. **Выступление театра «Московские литературные чтения»** // Отважный воин. – 1949. – 1 нояб. – С. 3, фото
37. **Гераклит и Буланова** (маленький фельетон) // Отважный воин. – 1948. – 27 мая. – С. 4
О беспорядках в офицерском доме по адресу ул. Левачёва, 10
38. **Герои всенародной отечественной войны** // Патриот Родины. – 1941. – 14 нояб. – С. 4
Обзор брошюры, в которой собраны отдельные боевые эпизоды храбрости и мужества советского солдата
39. **Героическая** // Патриот Родины. – 1941. – 27 мая. – С. 2
Об окружной олимпиаде музыкантов, вокалистов, танцоров, чтецов, акробатов. Акцент на литературно-музыкальном монтаже «Героическая»
40. **Готовься заменить командира** // Патриот Родины – 1942. – 11 авг. – С. 3
О необходимости обучения бойца всегда быть готовым к замене командира в бою
41. **Гранатомётчик** // Патриот Родины. – 1943. – 24 июля. – С. 4
О Кузине, добившемся в гранатометании высоких результатов
42. **«Далеко от Москвы»** // Отважный воин. – 1948. – 23 нояб. – С. 3
О романе В. Ажаева
43. **«Дальневосточные рассказы» Сергея Диковского** (рецензия) // Отважный воин. – 1948. – 6 янв. – С. 3
44. **Два зайца** (фельетон) // Отважный воин. – 1949. – 19 июня. – С. 4
Об организации солдатского отдыха
45. **Два командира** // Патриот Родины. – 1942. – 15 мая. – С. 3
О разном отношении к учёбе командиров Григория Панкратова и Константина Кривоносова
46. **Депутат** // Патриот Родины. – 1942. – 5 дек. – С. 3
О Василии Терентьевиче Гузиенко, рекордсмене по рубке леса на лесопункте «29 километр» Подюжского леспромхоза Вельской ветки, методах работы, избрании его в депутаты Архангельского областного Совета, высоком доверии избирателей и военной службе
47. **Дерзкий налёт** // Патриот Родины. – 1942. – 17 марта. – С. 3
Об учениях
48. **Для советских танкистов нет преград** // Патриот Родины. – 1941. – 15 июля. – С. 3
О совершенствовании боевой выучки танкистов
49. **Доблесть** (о герое Советского Союза Виталии Смирнове) // Отважный воин. – 1947. – 23 февр. – С. 2
50. **Доверие** // Отважный воин. – 1947. – 26 окт. – С. 2
О телефонисте Иване Шевченко, выбравшем после возвращения с фронта военную профессию
51. **Дружба** // Патриот Родины. – 1942. – 6 сент. – С. 2
О поддержке во время боя, из которой рождается дружба
52. **Друзья лётчиков** // Патриот Родины. – 1943. – 19 марта. – С. 4
О важности авиатехников, их дружбе с лётчиками, а также о том, как важно относится к своему делу с любовью
53. **Ездовой Рябчиков** (очерк) // Патриот Родины. – 1941. – 24 сент. – С. 2

54. **Жажда знаний** // Отважный воин. – 1949. – 18 нояб. – С. 3
Настойчивая учёба – залог успеха командирской деятельности
55. **За боевые заслуги** // Патриот Родины. – 1942. – 2 окт. – С. 2
Об энтузиасте Степане Патракове, который днями ремонтировал обувь для бойцов, тушил зажигательные бомбы, спасая деревянные дома, а по ночам с красноармейцами вылавливал вражеских парашютистов
56. **За два часа** // Патриот Родины. – 1942. – 16 апр. – С. 1
О митинге в поддержку подписки на заём
57. **За двадцать минут** // Патриот Родины. – 1943. – 5 июня. – С. 3
О подписке бойцов на Второй Государственный Военный Заём
58. **За новые успехи в боевой и политической подготовке** // Патриот Родины. – 1941. – 8 окт. – С. 1
59. **«За тех, кто в море».** Фильм о воинской чести и славе (рецензия) // Отважный воин. – 1948. – 8 апр. – С. 3
60. **Зависть** (рассказ) // Отважный воин. – 1947. – 1 июня. – С. 3
61. **Заём – наступление** // Патриот Родины. – 1943. – 8 июня. – С. 2
О подписке бойцов на военные займы
62. **Заём Победы** // Патриот Родины. – 1942. – 18 апр. – С. 1
О подписке бойцов и командиров на Государственный Военный заём
63. **Закончились окружные лыжные соревнования** // Патриот Родины. – 1945. – 6 марта. – С. 3, фото
Третий день окружных лыжных соревнований среди военных учебных заведений
64. **Заметки о бойцах. Во взводе лейтенанта Шунина** // Патриот Родины. – 1944. – 21 окт. – С. 3
Отмечены лучший стрелок, лучший агитатор, лучший дозорный и др.
65. **Замковый Алексей Чепурной** (очерк) // Патриот Родины. – 1941. – 26 сент. – С. 4
66. **Запевала, песню!** // Патриот Родины. – 1941. – 9 сент.
67. **Заслужить благодарность вождя** // Патриот Родины. – 1943. – 1 сент. – С. 3
Об отправке после курса обучения на фронт красноармейцев, готовых бить врага
68. **«Звезда»** (в рубрике «Прочтите эту книгу») // Отважный воин. – 1947. – 13 нояб. – С. 3
Рекомендация к прочтению книги Эм. Казакевича
69. **Здесь жил товарищ Сталин. В Вологодском музее** // Отважный воин. – 1949. – 18 дек. – С. 3, фото
70. **Знать общевойсковое оружие. Изучить своё оружие в совершенстве – долг каждого воина** // Патриот Родины. – 1942. – 30 июня. – С. 1
71. **Зов партии** // Отважный воин. – 1947. – 9 апр. – С. 2
72. **Зрелость воина** // Отважный воин. – 1948. – 21 мая. – С. 2
О наводчике Юрии Пахотине, о любви к своему делу
73. **Идущие впереди** // Патриот Родины. – 1942. – 10 дек. – С. 3
Обучение и тренировки бойцов-новичков в подразделении разведки
74. **Из дальнего плавания** // Отважный воин. – 1948. – 14 июля. – С. 4
Возвращение судов из дальнего плавания в Архангельский порт, выполнение архангельскими моряками пятилетки

75. **Из рядовых бойцов. Как рос и воспитывался командир орудия сержант Буйновский** // Патриот Родины. – 1942. – 2 сент. – С. 2
76. **Искусство разведки** // Патриот Родины. – 1941. – 5 марта. – С. 2
77. **Искусство разведчика** // Отважный воин. – 1946. – 29 мая. – С. 2
О лейтенанте Семёне Ругоеве, боевые эпизоды
78. **Испытание. Что показал марш** // Патриот Родины. – 1944. – 22 марта. – С. 3
Обучение курсантов, тридцатикилометровый ускоренный марш
79. **Истребитель фрицев** // Патриот Родины. – 1943. – 8 апр. – С. 3
Об архангелогородце Григории Яковлевиче Кудрявцеве, снайпере, взявшем пример с севастопольского снайпера Людмилы Павлюченко
80. **Их подвиг** // Патриот Родины. – 1943. – 24 окт.
81. **Как требует Родина** // Отважный воин. – 1949. – 10 нояб. – С. 3
82. **Кандидаты народа** // Отважный воин. – 1950. – 17 дек. – С. 3
О кандидатах в депутаты местного Совета
83. **Капитан Брагин** // Патриот Родины. – 1943. – 31 янв. – С. 2, фото
О Гурии Александровиче Брагине – командире чапаевских традиций
84. **Клятва солдата** // Отважный воин. – 1949. – февраль.
85. **Когда же настанет сдача норм ГТО?** // Отважный воин. – 1947. – 10 авг. – С. 3
Критика военных подразделений, где плохо сданы нормы ГТО
86. **Командир и газета** // Патриот Родины. – 1942. – 5 мая. – С. 2
О командире-военкоре Александре Галкине
87. **Комендант гарнизона** // Патриот Родины. – 1943. – 23 окт. – С. 4
О человеческих и административных качествах старшего лейтенанта Павловича: дисциплинированность, требовательность, справедливость и заботливое отношение к человеку
88. **Комсомольская радость** // Патриот Родины. – 1943. – 9 сент. – С. 2
О принятии в комсомол лучших бойцов подразделения под командованием сержанта Жаравина
89. **«Крейсер Варяг»** (рубрика «Сегодня на экране») // Отважный воин. – 1947. – 30 марта. – С. 3
О фильме, о событиях, положенных в его основу
90. **Кто комендант** (рассказ) // Патриот Родины. – 1943. – 23-30 нояб., 1 дек.
91. **Лейтенант Климчук** // Патриот Родины. – 1943. – 13 июля. – С. 3
О командире артиллерийского подразделения, уделявшем большое внимание партийно-политической работе
92. **Лейтенант Корнов** // Патриот Родины. – 1945. – 20 февр. – С. 3
Довоенная жизнь и боевые дела командира взвода лыжников-автоматчиков, послефронтовая деятельность
93. **Лесной богатырь** // Патриот Родины. – 1945. – 5 дек. – С. 3
О подюжском лесорубе-стахановце Сергее Журенкове, мастерски воевавшем на Карельском фронте
94. **Ложный стыд** // Патриот Родины. – 1942. – 26 нояб. – С. 3
О лейтенанте Ивонинском, неспособным к командирской должности, об отсутствии силы воли
95. **Лыжник из Коротаевки** (рассказ) // Патриот Родины. – 1941. – 23 февр. – С. 4

96. **Лыжник Борисов и другие** // Патриот Родины. – 1942. – 31 дек. – С. 3
Очерк о лыжной подготовке артиллеристов
97. **Любимые герои** // Отважный воин. – 1948. – 3 марта. – С. 3
О любимых героях книг
98. **Любовь Родины** // Отважный воин. – 1950. – С. 3, фото
О воине-отличник, ефрейторе Александре Козловском
99. **Мастерство** // Патриот Родины. – 1943. – 24 февр. – С. 3
О командирских и человеческих качествах старшего сержанта Черных
100. **Мать** (рассказ) // Патриот Родины. – 1941. – 8 марта. – С. 3
101. **Меткий стрелок** // Отважный воин. – 1948. – декабрь.
102. **Младший сержант Зарубин** // Отважный воин. – 1947. – 21 мая. – С. 2
О связисте Николае Зарубине, учения в артиллерийском подразделении
103. **Молодая гвардия** // Отважный воин. – 1948. – 16 окт.
104. **Мусоргский** // Отважный воин. – 1950. – 8 дек. – С. 4
Рецензия на фильм
105. **На вооружении** // Патриот Родины. – 1945. – 5 мая. – С. 2
О необходимости газет на фронте
106. **На лыжне** // Патриот Родины. – 1946. – 10 марта. – С. 3
О красноармейце Терентьеве, показывающем отличные результаты на лыжных соревнованиях, о необходимости владения лыжами, как боевым орудием
107. **На сверхурочную** // Патриот Родины. – 1945. – 25 нояб. – С. 1
О старишне Мезенцеве
108. **На собачьей упряжке** (отрывок из повести «Вожак санитарной упряжки») // Патриот Родины. – 1945. – 15 нояб. – С. 3-4
109. **На месте мужа** // Патриот Родины. – 1943. – 7 марта. – С. 2
Об Александре Васильевне Комлевой, вставшей 23 июня 1941 года к станку на заводе вместо мужа, станок при ней, как и при муже, был стахановским. О женщине, счастливой в труде, счастливой тем, что достойно заменяет мужа; награждена медалью «За трудовую доблесть»
110. **На приказ вождя** // Патриот Родины. – 1944. – 13 мая. – С. 3
О непрерывном повышении боеготовности в подразделениях
111. **На родине Ломоносова** (в рубрике «По историческим местам нашего округа») // Патриот Родины. – 1945. – 16 дек. – С. 3
112. **На учении, как в бою. Гвардии младший лейтенант Козляков учит роту на боевом опыте** // Патриот Родины. – 1944. – 10 дек. – С. 3
113. **Настойчивость** // Патриот Родины. – 1944. – 28 окт. – С. 3
О настойчивости лейтенанта Суворова в деле личного самосовершенствования
114. **Не верь тишине** (очерк) // Патриот Родины. – 1941. – 6 авг. – С. 3
О зоркости и постоянной готовности разведчиков к встрече с врагом
115. **Не оставляя линии огня. Сборник стихов С. Наровчатова «Костёр»** // Отважный воин. – 1948. – 2 дек. – С. 4
116. **Не ценят учебное время. Здесь нет настоящей заботы об учёбе и быте бойца** // Патриот Родины. – 1943. – 25 дек. – С. 3

Неорганизованное питание, беспорядки и бесхозяйственность в столовой тормозят учебный процесс. Расхищается не только посуда, но и драгоценное время бойцов, предназначенное для учёбы и отдыха

117. **Неиспользованные права. Младшие командиры и дисциплинарная практика** // Патриот Родины. – 1943. – 20 мая. – С. 3
118. **Новичок** (отрывок из повести «Суворовцы») // Отважный воин. – 1948. – 13 мая. – С. 3
119. **Ночь перед выборами. Солдат Иван Кривошей выполнил свой гражданский долг** // Отважный воин. – 1947. – 10 февр. – С. 2
120. **О военной подготовке офицеров службы тыла** // Патриот Родины. – 1945. – 13 дек. – С. 3
121. **О Родине** // Отважный воин. – 1947. – 6 нояб. – С. 3
О солдатской любви к Родине
122. **Об одном предложении** // Патриот Родины. – 1942. – 9 окт. – С. 3
О рацпредложении техника Лапина о переводе самолётов с сухих батарей на умформеры, что позволит сохранить связь с землёй при понижении температуры и уменьшить вес рации; а также о равнодушии тех, кто такие изобретения должен продвигать
123. **Обозначение противника на тактических занятиях** // Патриот Родины. – 1942. – 28 июля. – С. 3
124. **Обучение меткой стрельбе** // Патриот Родины. – 1941. – 4 сент. – С. 4
О выполнении второго упражнения начальных стрельб боевым патроном подразделением младшего лейтенанта Ларичева
125. **Обычные порядки** // Патриот Родины. – 1943. – 8 окт.
О порядке и организованности в военном училище под руководством тов. Меерзона
126. **Орден «Победа»** // Отважный воин. – 1949. – 9 сент. – С. 2
127. **Отделение Цыварева** // Патриот Родины. – 1941. – 25 июля. – С. 3
128. **Отлично учиться, культурно отдыхать** // Отважный воин. – 1948. – 24 дек. – С. 3, фото
Занятия в личное время солдат и офицеров Н-ского подразделения
129. **Отличный орудийный расчёт** // Отважный воин. – 1949. – 1 июля. – С. 2, фото
Об отличном наводчике Николае Бузе
130. **Офицер Гончаров** // Патриот Родины. – 1944. – 5 февр. – С. 3
Подчёркиваются личностные качества офицера: требовательность, постоянное самообразование, заботливость о бойце, неравнодушие к его нуждам
131. **Офицер и подчинённые. «Военный вестник № 1 – 1945 год»** // Патриот Родины. – 1945. – 28 февр. – С. 4
Обзор издания, особое внимание уделено статье подполковника Зотова «О чуткости офицера и его общении с подчинёнными»
132. **Первая звёздочка** // Патриот Родины. – 1944. – 26 авг. – С. 3
О Константине Алексеевиче Дубове, солдате, решившем после войны получить военную профессию
133. **Первый день окружной спартакиады** // Патриот Родины. – 1943. – 26 авг. – С. 4
Об окружной летней спартакиаде по военизированному пятиборью
134. **Первый номер** // Патриот Родины. – 1944. – 23 мая. – С. 3

Благодарная зависть, смешанная с восхищением, подталкивает к непрерывному обучению мастерству, стать лучшим, больше учиться и тренироваться

135. **Первые дни. Молодые бойцы настойчиво взялись за учёбу** // Патриот Родины. – 1944. – 19 авг. – С. 3
136. **Первый язык** (рассказ; ранняя редакция) // Отважный воин. – 1946. – 22 июня
137. **Передовой орудийный расчёт** // Патриот Родины. – 1941. – 2 июля. – С. 2
О боевой готовности артиллерийского расчёта ефрейтора Левина
138. **По методу Тренина. Равнение на передовиков** // Патриот Родины. – 1944. – 17 июня. – С. 3
Передача личного передового опыта
139. **Под надёжной защитой** // Отважный воин. – 1947. – 1 мая. – С. 3, фото
О солдате Дмитрие Санникове
140. **Под счастливой советской звездой** // Отважный воин. – 1948. – 29 окт. – С. 3
Офицеры вспоминают день приёма в комсомол
141. **Поддерживая славу Алтая** // Отважный воин. – 1947. – 23 апр. – С. 2
О младшем сержанте Дмитрие Санникове
142. **Подрывник Матросов** // Патриот Родины. – 1941. – 16 авг. – С. 3
143. **Потерянный день. Младший лейтенант Савин допускает условности в обучении** // Патриот Родины. – 1945. – 3 февр. – С. 3
Критика неорганизованности учебного процесса бойцов
144. **Почта лейтенанта Колбина** // Патриот Родины. – 1943. – 23 сент. – С. 4
Благодарственные письма от курсантов с фронта
145. **Поэмы А. Твардовского** (рубрика «Прочти эту книгу») // Отважный воин. – 1947. – 22 июня. – С. 3
146. **Праздник у курсантов** // Патриот Родины. – 1945. – 4 мая. – С. 4
Празднование первая
147. **Прибор Суханова** // Патриот Родины. – 1944. – 3 авг. – С. 3
Рацпредложение по усовершенствованию ночной стрельбы
148. **Пример командира** // Патриот Родины. – 1942. – 6 марта. – С. 3
О силе личного примера командира
149. **Просчёт Лапочкина** (рассказ) // Отважный воин. – 1948. – 18 июля. – С. 4
150. **Против шаблона** // Патриот Родины. – 1942. – 21 авг. – С. 2
О проведении занятий в обстановке, близкой к боевой. Основная цель – научить бойцов взаимодействовать и следить за полем боя
151. **Пулемётчик Меркулов** (очерк) // Патриот Родины. – 1941. – 9 окт. – С. 2
152. **Пулемётчики поддерживают стрелков. Умелые действия командира расчёта Криворучко** // Патриот Родины. – 1944. – 8 июля. – С. 3
153. **Путь к знаниям** // Отважный воин. – 1948. – 12 февр. – С. 2
Об офицерах, получающих заочное высшее образование
154. **Путь снайпера** // Отважный воин. – 1946. – 14 июня. – С. 2
Об архангелогородце Григории Кудрявцеве, снайпере, взявшем пример с севастопольского снайпера Людмилы Павлюченко
155. **5000 метров** // Отважный воин. – 1948. – 28 июля. – С. 3
О сержанте Иване Цветкове, который в армии увлёкся спортом и постоянно повышал своё спортивное мастерство

156. **Равнодушие** // Патриот Родины. – 1942. – 22 нояб. – С. 3
О потере драгоценного учебного времени, преступное отношение к отдыху бойцов в подразделении Себова
157. **Рассказ о винтовке** // Патриот Родины. – 1941. – 27 апр. – С. 2
О русской трёхлинейной винтовке
158. **Рассказы фронтовика** // Патриот Родины. – 1943. – 18 апр. – С. 1
О младшем лейтенанте Романове, который, зная в совершенстве финский язык, завёл с белофиннами «дружеский» разговор и привёл их к своей заставе
159. **Рукопашная схватка в траншеях** // Патриот Родины. – 1944. – 9 июля. – С. 3
Боевые учения
160. **«Русский вопрос» (пьеса Константина Симонова)** // Отважный воин. – 1947. – 22 апр. – С. 3
О постановке пьесы в Архангельском Большом театре
161. **«Русский вопрос»** // Отважный воин. – 1948. – 19 марта. – С. 4
Рецензия на фильм по произведению Константина Симонова
162. **Русский человек никогда не будет рабом** // Патриот Родины – 1942. – 9 нояб.
163. **Ручей** (рассказ) // Патриот Родины. – 1941. – 1 мая
164. **Рядовой Владимир Горбунов** // Отважный воин. – 1950. – 29 нояб. – С. 2
О кандидате в депутаты местного Совета
165. **С приветом...** // Отважный воин. – 1947. – 1 янв. – С. 2
О вернувшемся с войны сержанте Николае Ильине, о крепкой солдатской дружбе, о переписке между однополчанами
166. **Салтыков-Щедрин** (к 60-летию со дня смерти) // Отважный воин. – 1949. – 11 мая. – С. 4
167. **Сапёр Виктор Рождественский** // Патриот Родины. – 1944. – 2 апр. – С. 3
Любовь к своему делу приближает к мастерству
168. **Сапёр Прилучный** // Патриот Родины. – 1941. – 16 янв. – С. 2
169. **«Севастопольская оборона»** // Патриот Родины. – 1941. – 30 янв. – С. 4
О книге Сергеева-Ценского
170. **Семья рядового Беляева** // Отважный воин. – 1949. – 31 дек. – С. 3, фото
171. **Сердце коммуниста** // Отважный воин. – 1949. – 21 июня. – С. 3, фото
О рядовом Владимире Масленникове
172. **«Синий платочек»:** новая пьеса В. Катаева / соавтор З. Шадхан // Патриот Родины. – 1943. – 30 марта. – С. 4
О постановке в Архангельском Большом театре
173. **Слово матери** // Патриот Родины. – 1942. – 16 окт.
О перевоспитании рядового Насонова, уроженца Пинежского района Заовражского сельсовета
174. **Снежная конница** (рассказ) // Патриот Родины. – 1942. – янв.
175. **Советский богатырь** // Патриот Родины. – 1945. – 23 февр. – С. 3
О курсанте пулемётного училища Шлыкове, его успехах в боях на Карельском фронте
176. **Соколиный удар** (о лётчиках) // Патриот Родины – 1946. – авг.
177. **Соломбала** (исторический очерк) // Отважный воин. – 1948. – 18 нояб. – С. 4

178. **Спортсмен-универсал** // Патриот Родины. – 1945. – 29 июля. – С. 3
О младшем лейтенанте Рыбалко
179. **Срочное задание** (рассказ) // Отважный воин. – 1946. – 28 мая. – С. 2
Ранняя редакция рассказа «Мост через Усачёвку»
180. **Старший сержант Баранов** // Отважный воин. – 1949. – 3 дек. – С. 2
181. **Стереоскопическое кино.** Достижения советских изобретателей // Отважный воин. – 1947. – 29 марта. – С. 3
182. **Стрелок-радист Дочар** // Патриот Родины. – 1941. – 17 июля. – С. 3
183. **Счастье солдата** // Отважный воин. – 1950. – 2 нояб. – С. 2
О воине-отличнике, радиотелеграфисте, ефрейторе Петре Шульге
184. **Танкист Чугин** // Патриот Родины. – 1941. – 21 июля. – С. 3
185. **Точность** // Патриот Родины. – 1942. – 29 марта. – С. 3
О воинской дисциплине
186. **Традиции первого орудия** // Патриот Родины. – 1945. – 18 нояб. – С. 2
О важности сохранения боевых традиций
187. **Традиции училища** // Патриот Родины. – 1944. – 30 сент. – С. 3
О Пуховичском военном училище
188. **Тренировка** (рассказ) // Патриот Родины. – 1943. – 26 февр. – С. 2
189. **У будущих офицеров** // Патриот Родины. – 1946. – 1 марта. – С. 3
Об инспекторской проверке по различным видам боевой подготовки в военном училище
190. **У лётчиков** // Патриот Родины. – 1941. – 30 дек. – С. 3
О быте лётчиков
191. **Урожай идёт. На полях парникового хозяйства** // Патриот Родины. – 1943. – 22 авг. – С. 3, фото
О подсобном хозяйстве Архангельского отделения Военторга под руководством Виктора Алексеевича Агафонова
192. **Участковая комиссия перед выборами** // Патриот Родины. – 1946. – 2 февр. – С. 2
193. **Участники парада Победы возвратились в часть** // Патриот Родины. – 1945. – 30 июня. – С. 2
Об участниках парада Победы – защитниках Советского Заполярья, перечислены фамилии
194. **Урок вождения** // Патриот Родины. – 1942. – 19 февр. – С. 3.
195. **Учёба офицеров** // Патриот Родины. – 1944. – 26 окт. – С. 3
Военная учёба офицеров в Пуховичском училище по теме «Рота при прорыве укрепленной полосы противника»
196. **Учиться ещё лучше** // Патриот Родины. – 1945. – 6 мая. – С. 2
О взятии Берлина и митингах в воинских подразделениях
197. **Флаг поднят. 3-я окружная спартакиада** // Патриот Родины. – 1944. – 8 авг. – С. 4
О спартакиаде Архангельского военного округа на стадионе «Динамо»
198. **Флагштурман** // Патриот Родины. – 1941. – 23 марта. – С. 2
О капитане Малышеве, война с белофиннами
199. **Хирург Брегман и его коллектив** // Патриот Родины. – 1942. – 24 нояб. – С. 2

О нейрохирурге Исааке Соломоновиче Брегмане, выполняющем сложные операции при черепно-мозговых ранениях и возвращающем людей к жизни

200. **Чемодан в ловушке** // Патриот Родины. – 1946. – 13 марта. – С. 3
О беспорядках в офицерской гостинице г. Беломорска
201. **Чемпион** (рассказ) // Патриот Родины. – 1945. – 29 июля. – С. 3
202. **Через болота и леса. Пятидесятикилометровый марш артиллеристов** // Патриот Родины. – 1944. – 12 окт. – С. 3
203. **Четыре награды** // Патриот Родины. – 1944. – 15 нояб. – С. 3, фото
О подвигах артиллериста Николая Черепанова, награждённого орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу»
204. **«Чортова кукла». Сборник сатиры и юмора** // Патриот Родины. – 1944. – 31 марта. – С. 4
Обзор нового сборника библиотеки журнала «Красноармеец», отмечаются рассказы Алексея Резапкина
205. **Чувство и воля народа** // Патриот Родины. – 1941. – 9 нояб. – С. 3
О том, с каким чувством комсомолец Пашков слушал доклад Сталина
206. **Шесть новых окружных рекордов:** открытие второго тура 4-ой летней спартакиады / соавтор К. Дмитриев // Отважный воин. – 1949. – 9 авг. – С. 1
207. **Штыком и прикладом** / соавтор И. Кашницкий. – (Юмористическая рубрика) // Патриот Родины. – 1943. – 17 окт. – С. 4

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «Е. ЕВГЕНОВ»

1. **Басня о Фрице и Франце** // Патриот Родины. – 1941. – 31 окт. – С. 4
2. **Боевые стрельбы. Бойцы отделения сержанта Юрьева умело сочетали огонь и движение** // Патриот Родины. – 1944. – 26 дек. – С. 1
3. **В морозную ночь** // Патриот Родины. – 1942. – 22 марта. – С. 3
Об установке палаток в холодное зимнее время
4. **В сложных полётах** // Патриот Родины. – 1944. – 1 мая. – С. 3
О лётчике Николае Горохове
5. **Воинский долг** // Отважный воин. – 1948. – 10 апр. – С. 2
О связисте, сержанте Иване Титове
6. **Высокие показатели** // Патриот Родины. – 1944. – 27 окт. – С. 1
Трудовые показатели автопарка Н-ской части накануне 27-ой годовщины Октября
7. **Гитлеровское государство будет уничтожено** // Патриот Родины. – 1942. – 13 нояб. – С. 1
О готовности бойцов подразделения Буракова к выполнению наказов Сталина
8. **Ефрейторы** // Патриот Родины. – 1943. – 18 мая. – С. 3
О присуждении звания «ефрейтор» ряду связистов
9. **Инициатива бойцов на занятии** // Патриот Родины. – 1944. – 7 дек. С. 1
О тактических занятиях в подразделении капитана Нехорошева
10. **Команда победителей** // Патриот Родины. – 1945. – 8 марта. – С. 2, фото
Об окружных лыжных соревнованиях, выступление команды военных учебных заведений

11. **Красноармейские концерты** // Патриот Родины. – 1942. – 28 июля. – С. 4
О коллективе красноармейской художественной самодеятельности под руководством политрука Кефчияна
12. **Любовь и благодарность** // Патриот Родины. – 1944. – 1 авг. – С. 3
Реакция красноармейцев на награждение Сталина орденом «Победы»
13. **Мастера пулемётчики** // Патриот Родины. – 1942. – 30 дек. – С. 3
О взводе под командованием лейтенанта Бакианова, выполнившем упражнения по стрельбе на «отлично»
14. **Материнское слово** // Патриот Родины. – 1944. – 19 марта. – С. 2
Благодарное ответное письмо лейтенанту Гончарову от матери курсанта Виталия Тепляшкина
15. **На воде** // Патриот Родины. – 1944. – 6 авг. – С. 2
О водных видах спорта на 3-ей окружной спартакиаде Архангельского военного округа
16. **На футбольном поле** // Патриот Родины. – 1943. – 13 июля. – С. 4
О встрече футбольных команд Дома Красной армии и «Динамо»
17. **Навстречу зиме** // Патриот Родины. – 1942. – 6 окт.
О подготовке бойцов к учёбе и работе в зимних условиях
18. **Настойчивость** // Патриот Родины. – 1943. – 15 июня. – С. 3
О восстановлении бойцами телефонной связи на участке протяжённостью в 60 км
19. **Нет ответственности за самоподготовку** // Патриот Родины. – 1941. – 17 мая. – С. 2
О растрате драгоценного учебного времени: в отведённые для самоподготовки часы самоподготовка отсутствует
20. **«Новаторы» от кулинарии** // Патриот Родины. – 1941. – 27 апр. – С. 4
Критика в адрес работников столовой в подразделении: грязь, холодная и невкусная пища
21. **Опыт шофёра Бестужева. Высокая производительность и экономия горючего** // Патриот Родины. – 1944. – 7 мая. – С. 4
Об улучшении работы на грузовой машине в зимний период
22. **Ответ любимому вождю** // Патриот Родины. – 1943. – 26 янв.
О митингах в подразделениях Н-ского гарнизона в связи с получением телеграммы тов. Сталина, в которой он благодарит бойцов и командиров Архангельского военного округа
23. **Отличные миномётчики** // Патриот Родины. – 1944. – 16 дек. – С. 3
О занятиях огневой подготовкой миномётного взвода лейтенанта Пожидаева
24. **Первый день. Началась боевая учёба в лагерях** // Патриот Родины. – 1944. – 11 июня. – С. 3
25. **Письма благодарности** // Патриот Родины. – 1943. – 18 нояб. – С. 4
О письмах благодарности капитану Максимову от курсантов с фронта
26. **Письма с фронта** // Патриот Родины. – 1942. – 29 сент. – С. 4
О письмах с благодарностями командиру подразделения, где готовят связистов
27. **Письмо в родной колхоз** // Патриот Родины. – 1941. – 16 июля. – С. 4

Красноармейцы пишут письма на заводы и в колхозы, где они работали, с обещанием стойко защищать Родину

28. **Повысили боеготовность** // Патриот Родины. – 1943. – 2 марта. – С. 1
О повышении боеготовности подразделения лейтенанта Павлова, успехи в овладении оружием
29. **Саду цвести! Свыше 2000 деревьев посажено на территории Н-ской части** // Патриот Родины. – 1944. – 15 июня. – С. 3
30. **Свои сбережения займы государству** // Патриот Родины. – 1942. – 18 апр. – С. 2
О подписке на заём в подразделениях лейтенантов Носова и Борисевича
31. **Семинар по рукопашному бою** // Патриот Родины. – 1941. – 17 сент. – С. 4
32. **Смотр строевой песни** // Патриот Родины. – 1942. – 15 июля. – С. 2
33. **Список и действительность** // Патриот Родины. – 1942. – 1 дек. – С. 3
О нехватке младших командиров, о подготовке и сохранении кадров, правильном использовании, повышении их знаний и навыков.
34. **Строевой смотр** // Патриот Родины. – 1945. – 7 авг. – С. 2
О соревнованиях взводов по многоборью
35. **Так нужно готовиться к зиме** // Патриот Родины. – 1944. – 18 окт. – С. 3
О чёткой, спланированной и слаженной работе по ремонту общежитий и офицерских квартир, подготовке транспорта, зимнего обмундирования и обуви
36. **Хитрость лейтенанта Титова** // Патриот Родины. – 1942. – 19 марта. – С. 1
О разумно проведённой боевой операции
37. **Штурмовая полоса** // Патриот Родины. – 1945. – 8 апр. – С. 3
Оборудование учебных полей. О штурмовых полосах нового типа, позволяющих подготовить умелого бойца

Е. Коковин (справа) в 1941 г.

Е. Коковин с женой Надеждой Андрониковной

Е. Коковин (справа) с художником Семёном Григорьевым

Е. Коковин в апреле 1946 г.

Е. Коковин (в центре) в Сольвычегодске в 1946 г.

Е. Коковин в августе 1951 г.

Е. Коковин в 50-х гг. XX в.

Содержание

Повести, рассказы, очерки

Е. Галимова «С фронтовым приветом...» (Завещание военкора Евгения Коковина)	4
Гарнизон маленькой крепости	9
Вожак санитарной упряжки	30
Действующая армия. сыну	59
Высота Н (Завещание капитана Андреева)	62
Поправка к тосту	64
Дядя Петрович	66
Вахта подруг	68
Хижина дяди Андрея	82
Ученик Тигробоя	85
Горсть земли	88
Подвиг	90
Сто солдат и мальчишка	92
Первый «язык»	97
Однажды на стадионе	99
Мост через Усачёвку	101
Два часа до Нового года	104
О друзьях-товарищах	109
Ненаписанный рассказ (Из фронтового блокнота)	113
Медальон погибшего лётчика (глава из повести «Полярная гвоздика»)	115
Осколок	119
Рукавичка	123
И тихо, тихо всё кругом	125

Фронтовые корреспонденции

Фальшивых дел мастер	128
В бою побеждает храбрый	130
О пулемётчике	132
Любовь Родины	134
Отважный командир	136
Архангельские журналисты на фронте	138
Концерт сержанта Голубкова	139
Извольте веселиться	141
Автоматчики	143
Белый домик	145

Вы–Вы	147
Доблесть	149
Два слова правды	151
Библиографический список	153
Фото из семейного архива	166